

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 42 ОКТЯБРЬ 1983

ФОТО НЕДЕЛИ

Столичному «Серпу и молоту» исполняется сто лет. За годы Советской власти он превратился в передовое предприятие черной металлургии, специализирующееся на производстве различных изделий из качественных сталей. Тут работает и крановщица Тамара Коношенко.

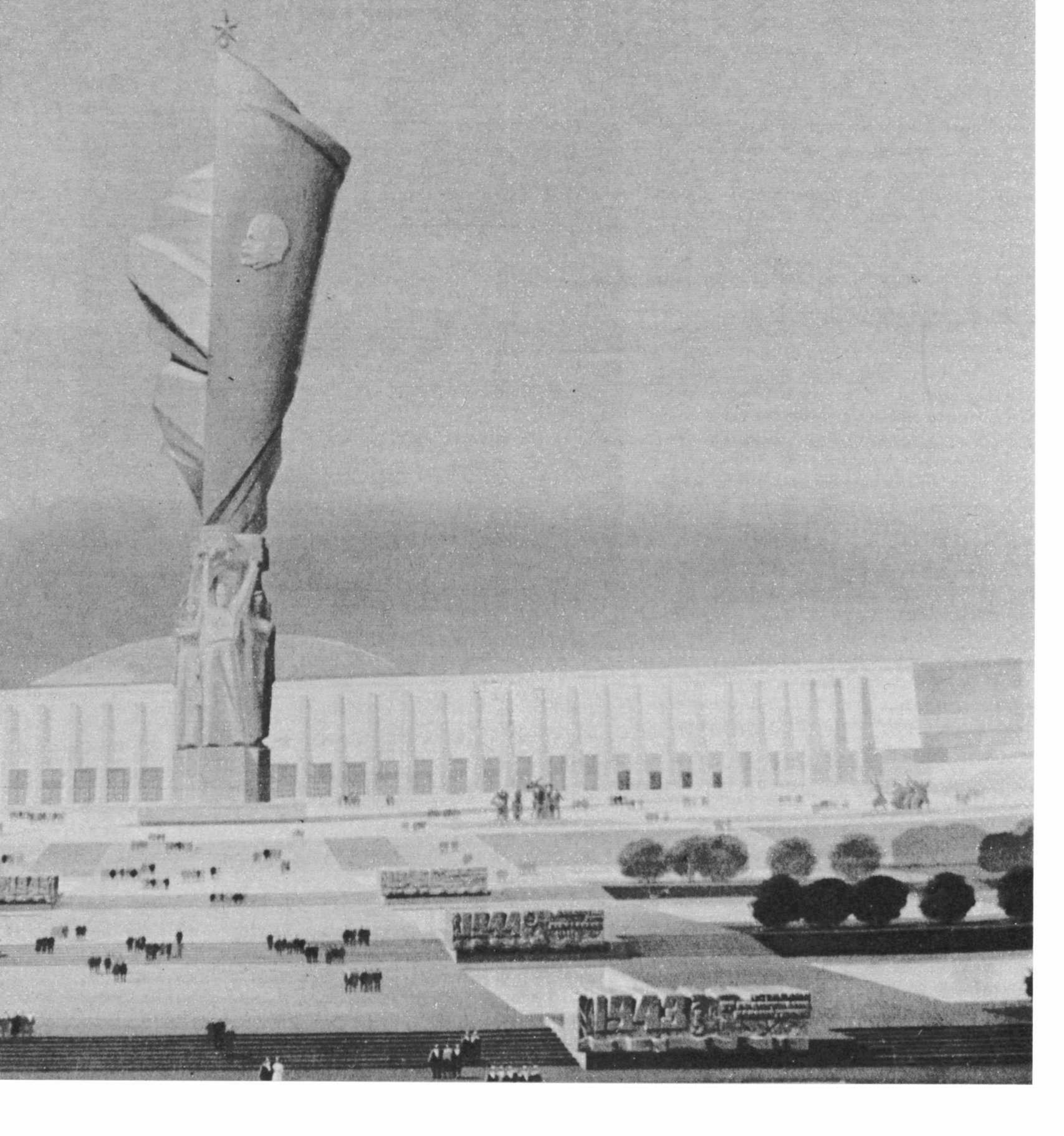
Фото Р. Денисова (ТАСС)

Инспирированная и направляемая Центральным разведывательным управлением США необъявленная война против Никарагуа приобретает все более опасные масштабы. В течение трех последних месяцев, сообщает агентство Нуэва Никарагуа, американские самолеты-шпионы типа «РС-135» совершили 33 разведывательных полета над территорией страны. А всего за это время воздушное пространство страны нарушалось более ста раз. Были совершены воздушные нападения на Манагуа и некоторые другие города республики.

На снимке: перед лицом опасности народ Никарагуа полон решимости отстоять завоевания революции.

Фото Пренса Латина — ТАСС

Призыв передовых коллективов Москвы провести 15 октября субботник, посвященный 25-летию движения ударников коммунистического труда, с энтузиазмом поддержан во всех уголках нашей Родины. Средства, заработанные в день «красной субботы», будут переведены для сооружения мемориального комплекса Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

На снимке: таким будет памятник Победы на исторической Поклонной горе в Москве.

4 октября в Свердловском зале Кремля на торжественном собрании под аплодисменты представителей советской общественности председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Н. Н. Блохин вручил греческому композитору Микису Теодоракису диплом и золотую медаль лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

На снимке: во время вручения награды.

Фото А. Чумичева (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

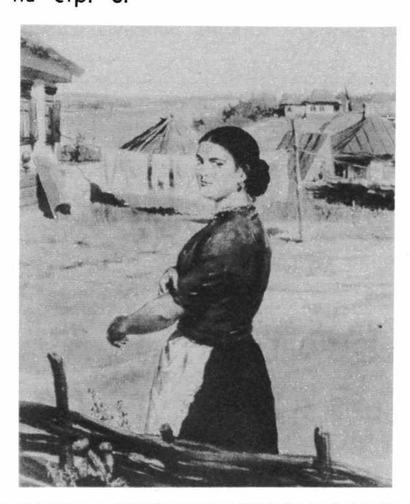
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 42 (2935)

15 ОКТЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

Встреча с товарищем Эрихом Хонеккером

Генеральный секретарь ЦК СЕПГ,
Председатель Государственного совета ГДР
Эрих ХОНЕККЕР
беседует со специальным корреспондентом «Огонька»
Новеллой ИВАНОВОЙ.

Я прилетела в Берлин солнечным воскресным днем. Среди пассажиров мощного красавца Ил-86 было много туристов. Часть из них говорила по-немецки: это были люди немолодые, даже скорее старики. Но из их оживленной беседы было ясно, что путешествие в нашу страну, организованное Обществом германо-советской дружбы, очень им пришлось по душе. Другая часть путешественников, среди которых преобладал народ помоложе, не менее оживленно, по-русски, обсуждала предстоящую программу пребывания в Германской Демократической Республике. И я подумала, что этот совсем обыкновенный рейс Аэрофлота по маршруту «Москва — Берлин» можно с полным основанием назвать рейсом дружбы между нашими двумя странами. Впрочем, такие рейсы уже давно никого не удивляют — они стали для нас привычными, вошли в нашу жизнь, как вошли в жизнь многих советских людей десятки тысяч друзей из стран социализма. В Берлине у меня тоже есть друзья, и прежде всего среди коллег из «Фрайе вельт», журнала — побратима «Огонька». Много раз я приезжала в ГДР и всякий раз убеждалась, что особенно глубокое впечатление на иностранных гостей производят люди этой страны, в сознании которых глубоко укоренилась интернационалистская солидарность. 7 октября Германская Демократическая Республика отмечает свой день рождения. Ей исполнилось 34 года. Возраст с исторической точки зрения небольшой, но за этот период к числу важнейших революционных завоеваний следует в первую очередь отнести эти коренные перемены в образе мышления граждан первого рабоче-крестьянского государства на немецкой земле. Готовясь к встрече с товарищем Хонеккером, я отобрала из почты международного конкурса «Мы — интернационалисты», который в этом году проводит «Огонек», некоторые из многочисленных писем, которые пришли из ГДР.

Рождение новой, демократической Германии стало возможно благодаря победе советского народа в Великой Отечественной войне, одержанной ценой неизмеримых жертв. И я привезла в Берлин фотографию, памятную для многих читателей нашего журнала, которую мы опубликовали в год 30-летия великой Победы. Снимок этот был сделан военным фотокорреспондентом 2 мая 1945 года в Берлине, у Бранденбургских ворот, где у танка собрались на первый мирный митинг солдаты-освободители.

...С этой фотографии и началась наша полуторачасовая беседа в рабочем кабинете товарища Хонеккера. Я рассказала о том, как мы искали участников митинга и многих нашли. А потом с девятью ветеранами мне довелось приехать в Берлин в гости к «Фрайе вельт». И спустя 30 лет эти люди снова участвовали в митинге у Бранденбургских ворот, а молодое поколение берлинцев — пионеры и ребята из Союза свободной немецкой молодежи — слушали рассказ бывших воинов, которые были в 1945 году немногим старше этих юношей и девушек.

Эрих Хонеккер рассматривает фотографию, внимательно всматривается в лица солдат. Какие воспоминания вызывает этот снимок у человека, который в 23 года, будучи руководителем подпольного окружного комитета Коммунистического союза молодежи Германии в Берлине-Бранденбурге, был выслежен гестаповцами, приговорен к десяти годам каторжной тюрьмы и утром 27 апреля 1945 года, всего за восемь месяцев до окончания этого срока, был освобожден советскими танкистами?

— После того, как к воротам каторжной тюрьмы Бранденбург-Гёрден подошел первый советский танк и двери моей камеры наконец-то распахнулись, моим самым горячим желанием было поскорее добраться до Берлина и включиться в борьбу партии,— рассказывает товарищ Хонеккер. — В последние дни апреля в Берлин, где шли ожесточенные бои, добраться было нелегко и небезопасно. Добирались мы туда с моим товарищем маршем вместе с советскими частями, конечно, предварительно объяснив, кто мы такие, откуда и куда идем. Добравшись таким образом до Бернау, это на севере от Берлина, я попрощался в комендатуре с воинами Советской Армии и 4 мая с севера вошел в Берлин. Я увидел повсюду ужасные разрушения. И хотя эти страшные развалины, похоронившие тысячи людей, были трагичными, я, несмотря на тягостную окружающую картину, был переполнен радостью оттого, что я иду по Берлину, который освободила Советская Армия. Теперь люди наконец-то могли вздохнуть свободно, и я видел, как с энтузиазмом вместе с советскими солдатами они взялись за расчистку руин на улицах. Я шел по Франкфуртер-аллее, чтобы выполнить приятное поручение, отыскать одну коммунистку и передать ей привет от мужа, который тоже был на свободе, но пока еще не мог добраться до Берлина. Я был настолько воодушевлен в эти первые часы и дни освобождения, что мне казалось, по моему лицу всем должно быть ясно, что я коммунист. Остановившись в пути, я смотрел, как ловко идет работа по расчистке улиц. И тут ко мне подошел лейтенант и спросил: «Ну, а ты что тут стоишь?» Я немножко говорил по-русски и ответил, что долго сидел в тюрьме, меня освободили, а теперь я направляюсь в район Нойкёльна. «А что ты за человек?» — снова спросил меня лейтенант. «Я старый немецкий комсомолец!» «А, комсомолец, это хорошо, ну тогда давай работай с нами!» И он тут же включил меня в свою команду. А через два часа дал мне на дорогу хлеба, и мы попрощались.

Эрих Хонеккер улыбается воспоминаниям о той давней встрече и по-русски повторяет: «Комсомолец, хорошо работай!»

А после безоговорочной капитуляции я побывал у Бранденбургских ворот: все там так и выглядело, как на этой фотографии. Только митинга уже не было, а на том месте стояли симпатичные девушки-регулировщицы. Все были рады, что война окончилась. Начиналась новая жизнь. В те дни коммунисты при поддержке советской комендатуры осуществляли первые шаги по нормализации жизни в столице. Очень важно было создать единое антифашистское демократическое движение молодежи. Я сразу взялся за работу, и при этом мне очень пригодился мой опыт работы с молодежью в качестве члена ЦК КСМГ, политического руководителя этой организации в Саарской и Рурской областях, в округе Берлин-Бранденбург...

— Вы упомянули сейчас Саар. Здесь, в рабочем поселке, в семье шахтера, родился и вырос Эрих Хонеккер, который уже в десять лет стал членом детской коммунистической организации. Расскажите, пожалуйста, о самом памятном из этого периода вашей жизни.

— Самое памятное? — переспрашивает мой собеседник.— Ну, прежде всего надо сказать, нас у родителей было шестеро — трое мальчиков и три девочки. По нынешним понятиям — большая, а тогда обычная шахтерская семья. Когда началась первая мировая война, мне исполнилось только два года. Отца призвали в кайзеровскую армию, он служил матросом в Киле, был членом Независимой социал-демократической партии Германии, которая, как известно, выступала против войны. В Ноябрьскую революцию 1918 года отец, принявший участие в восстании в Киле, вернувшись в Вибельскирхен, тут же включился в борьбу. Однако, как вы знаете из истории, вскоре в Саар вступили французские оккупационные войска, Советы рабочих и солдат были распущены, и отец вернулся на шахту Дешен, где он вплоть до увольнения в 1935 году был доверенным лицом шахтеров. Почему я вспоминаю историю? Чтобы стало понятно, почему в нашей семье всегда были святы великие идеи революции, идеи предательски убитых вождей рабочего класса Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург. И, конечно, огромное влияние на нашу семью имели идеи Октября и Ленина, которого все рабочие считали великим вождем мировой революции.

В местечке, где прошло мое детство, влияние коммунистов было сильным. Достаточно сказать, что в день смерти Ленина в народной школе, где я учился, были прерваны занятия! Вот так и получилось, что с раннего детства я был приобщен к идеям борьбы, к идеям коммунизма.

— В семнадцать лет вы вступили в партию Эрнста Тельмана, и через год произошла ваша первая встреча со страной Ленина. Какой она осталась у вас в памяти?

— В 1930 году мне было всего 18 лет и я был членом руководства Коммунистического союза молодежи Германии. Партия и союз молодежи предложили мою кандидатуру для учебы на курсах Коммунистического Интернационала в Москве, в Международной Ленинской школе Коминтерна.

Я был молодым коммунистом, знал, что Москва — сердце мировой революции, и когда я вышел из поезда на Белорусском вокзале, сразу же почувствовал себя как дома, среди своих. Это было удивительное чувство! По улице шли люди, одетые скромно, и машин было мало: тогда еще в Москве ездили извозчики. У меня был с собой адрес Коминтерна, который, как мне объяснили, находился в районе Кремля. Я вышел с вокзала и пешком отправился искать Кремль. Обрадовался, что нашел его, постоял перед красивыми воротами. Мне объяснили, что надо найти гостиницу «Люкс», которая находится на Тверской улице. Витрины московских магазинов рассказывали об экономических трудностях. Но ведь прошло всего несколько лет после победы революции и окончания гражданской войны! Сегодня, когда я вижу нынешнюю Москву, самому не верится, какой она прежде была. Меня ничуть не смущало, что на витринах вместо продуктов были плакаты, призывавшие досрочно выполнить первый пятилетний план. Для меня самым важным было тогда, что я нахожусь в стране Ленина! В «Люксе» я встретил молодую немецкую коммунистку Леу Гроссе. Она узнала меня, обняла. Позаботилась, чтобы машина Коминтерна отвезла меня на улицу Воровского, где тогда находилась Международная Ленинская школа. Там я встретил много знакомых коммунистов, которые были старше меня и учились на других курсах. В общежитии я поселился в комнате с Антоном Аккерманом. И началась учеба на нашем третьем «кимовском курсе», где были также молодые коммунисты из Польши, Чехословакии. Запомнилось еще, как я работал на московском Электрозаводе сварщиком, на субботниках.

— А свободное время как вы тогда проводили?

— Свободное время мы проводили с комсомольцами. В то время было очень интересно, потому что на наших глазах рождались новые формы общения между людьми. Были дома-коммуны, где жили семейные люди, мы бывали там в гостях и целиком слились с этой московской жизнью.

Негромкий, чуть глуховатый голос моего собеседника вдруг прерывает веселый смех.

— Знаете, что самое первое в моей жизни публичное выступление на международную тему состоялось в Москве! Выступать мне пришлось перед членами профсоюза железнодорожников. Помню, надо было перейти через Красную площадь, и слева от Москвы-реки проходил этот большой митинг, очень торжественно, с пением «Интернационала». Неожиданно попросили, чтобы от нас тоже кто-то выступил. Решили, что будет говорить Фриц Мольтер — такое конспиративное имя мне дали в Москве. Я отчетливо помню, что шел к трибуне, не зная, что скажу, но речь все-таки получилась. Сколько лет прошло, а запомнилось по сей день то мое выступление!

— Говорить пришлось по-русски?

— По-немецки! В то время мы все принимали очень активное участие в работе Осоавиахима и в соответствии с учебной программой получили хорошую военную подготовку. Особенно увлекались мы тогда конным спортом, и, увы, случалось порой, что из-за верховой езды опаздывали на учебу. Но вы представьте только, что значило быть кавалеристом в те годы!

В июне закончились наши занятия, и в составе 28 молодых коммунистов интернациональной ударной бригады я выехал на Южный Урал, чтобы участвовать в строительстве Магнитки. Ехали мы в поезде, забитом до отказа людьми.

— Долго, наверное, добирались?

— Очень долго. Мы ехали через Пермь, Уфу. Это было время ликвидации кулачества как класса. Помню, где-то возле Уфы нас привезли в деревню, чтобы показать, как идут раскулачивание и коллективизация.

Эрих Хонеккер прервал рассказ. Задумался, что-то припоминая, и обрадованно по-русски произнес: «Смычка!»

— Я как сегодня помню встречу с крестьянами, которых мы расспрашивали об их новой жизни. Приехали наконец в Магнитогорск, на строительство металлургического комбината. Помню, жара в Магнитогорске была страшная, до 40 градусов. Кругом ни деревца, ни кустика. Комсомольцы работали день и ночь, а жили в палатках и землянках. Нас поселили в деревянные бараки. Стройка выглядела впечатляюще. Хотя тогда не было техники, мускулы — вот и вся техника! Тут были комсомольцы из Москвы, Ленинграда, были ребята из разных республик. А рядом возле березовой рощи стояли два каменных здания. В одном размещались специалисты из капиталистических стран, а во втором находилась администрация. Оба этих здания стоят и по сей день. Там теперь клуб, кажется. Как тогда жили строители! У каждого была одна рубаха да одни штаны, и обуты были большинство в лапти. Мы вели земляные работы. Помню, наша комсомольская организация решила провести субботник и нам поручили вести агитацию с рабочими, чтобы они приняли в нем участие. Я тогда пришел к молодым рабочим и говорил с ними с жаром. А потом они стали задавать мне вопросы, и один вопрос в жизни не забуду: «Вот ты говоришь нам, товарищ, что капитализм плохой. Но почему же тогда у тебя хорошие ботинки на ногах, а мы ходим в лаптях да галошах?» Вот какой был задан вопрос!

— И что же ответил им молодой коммунист Эрих Хонеккер?

— Я ответил, что в Германии рабочее движение существует давно. Рабочие давно ведут борьбу за свои права и сумели завоевать для себя возможность купить ботинки. Да, у наших рабочих ботинки есть, сказал я, но чего у нас нет — это власти. У вас есть главное — власть, со временем будут и ботинки, а для этого необходимо как раз в первую очередь развивать тяжелую промышленность. Вот почему вы все должны прийти на субботник, чтобы поскорее построить этот завод!

— Так вы были уже тогда отличным агитатором!

— Так говорить с людьми нас учила партия!

— Во второй раз в жизни Эриху Хонеккеру пришлось жить под конспиративным именем в 1935 году. Вы стали... моряком Мартином Тьяденом из Амстердама. Расскажите, пожалуйста, как работали вы и ваши товарищи в трудные дни, когда фашисты уже пришли к власти.

— В Берлин я приехал с голландским паспортом из Парижа, где находилось Заграбюро КПГ. Здесь я получил задание выехать в столицу «третьего рейха» для руководства подпольной организацией Коммунистического союза молодежи Германии. В августе я приехал в Берлин и был тогда уже, если так можно сказать, опытным партийным работником. Хотя было мне всего 23 года, но за плечами уже несколько лет нелегальной работы. В последний год я был старшим инструктором КСМГ юго-западных округов — Пфальца, Гессена, Вюртемберга, Бадена и Саара. В столице я окунулся в знакомую атмосферу напряженной подпольной работы, мне постоянно приходилось менять конспиративные квартиры. Одна, я помню, была на Брюсселерштрассе, и ее мне помог найти уполномоченный по домам. Тогда в каждом доме были такие люди, которые должны были доносить о каждом из жильцов. Но этот человек был коммунистом, а квартира, которую он мне устроил, принадлежала женщине, муж которой был офицером вермахта. Может быть, она о чем-то и догадывалась, но, конечно, не знала, что ее жилец руководит работой союза молодежи в округе Берлин-Бранденбург и устанавливает контакты с подпольными группами КСМГ, в частности с Бруно Баумом, который тогда возглавлял берлинскую организацию, Эдвином Лаутенбахом и другими представителями союза, действовавшими на разных предприятиях. И я должен сказать, это была очень мужественная комсомольская берлинская организация. Помню, однажды на улице я встретил молодую коммунистку, которая, как я знал, была заместителем руководителя окружной организации. В те дни гитлеровцы приняли закон о введении смертной казни для коммунистов. Казалось, что, работая в подполье, все мы уже привыкли к мысли о смерти, слишком многих товарищей мы уже потеряли. Но теперь официально принято решение о казни коммунистов! И я спросил эту молодую женщину, хочет ли она продолжать работу теперь. Она ответила, что уже продолжает ее. Должен сказать, что в то время мы вели большую работу среди берлинской трудовой молодежи, особенно на заводах Сименса.

— И это несмотря на то, что именно тогда были запрещены все молодежные организации, кроме «гитлерюгенда»?

— Мы как раз тогда начали работать «изнутри» в «гитлерюгенде» и в фашистских профсоюзах. При нашем аресте в начале декабря в сети гестапо угодило восемь человек, практически все руководство КСМГ Берлина-Бранденбурга и еще одна чехословацкая студентка-коммунистка — курьер ЦК КСМГ из Праги. Но осудили только троих — Бруно Бауму дали 13 лет, мне дали 10 лет каторжной тюрьмы, а Эдвину Лаутенбаху — 2,5 года. Это свидетельствовало о том, что у нас была сплоченная и хорошо законспирированная группа. Хотя гестапо о многом догадывалось, но, несмотря на все примененные к нам методы и средства, так и не дознались, что фактически у них в руках находилось все руководящее ядро КСМГ Берлина-Бранденбурга и притом член ЦК КСМГ, им был я.

...Стремительно летит время неторопливой беседы. Эрих Хонеккер — хороший рассказчик, и потому с таким интересом читается его книга «Из моей жизни», которую в прошлом году выпустил на русском языке Политиздат. Листая страницы этой книги, я поняла, что самой близкой и самой волнующей темой для товарища Хонеккера была и, наверное, навсегда останется судьба молодого поколения в ГДР.

— Летом 1945 года товарищ Вальтер Ульбрихт поручил вам, как секретарю по вопросам молодежи в ЦК КПГ, создать единое антифашистское демократическое движение молодежи, и уже спустя год родился Союз свободной немецкой молодежи. Молодые люди, обманутые фашизмом, духовно опустошенные, уже через год после освобождения страны от гитлеризма с энтузиазмом поддержали рождение новой жизни. Что нужно было сделать, чтобы это стало возможным?

— Конец гитлеровского фашизма 8 мая 1945 года для многих молодых людей был равнозначен крушению всех идеалов. Все, что внушали им фашисты, оказалось ложью и обманом. С чувством безысходности и отчаяния смотрели они в будущее,— рассказывал мой собеседник.

Необходимо было вовлечь молодежь в строительство новой жизни, ведь без активного участия молодого поколения невозможно было строить эту новую жизнь! Уже в воззвании КПГ 11 июня 1945 года к трудовому народу был дан ясный ответ на вопрос о дальнейшем развитии Германии. Надо сказать, что воззвание оказало большое мобилизующее влияние на молодежь, особенно на деятельность антифашистских молодежных комитетов. В то время наша партия вела обширную работу, чтобы довести это воззвание до сознания каждого. Тогда же были сформулированы основные права молодого поколения, и повседневная жизнь убеждала молодежь, что речь идет о ее собственных интересах! Должен сказать, что очень непросто было тогда найти общий язык с молодежью. Но доверие, которое им оказала партия, роль таких личностей, как Вильгельм Пик, Отто Гротеволь, Вальтер Ульбрихт и многих других, позволили привлечь на свою сторону молодое поколение. Как и во всех других областях, деятельную поддержку оказывали нам при этом советские товарищи. Это была наша самая важная политическая победа. Рождение ГДР невозможно представить без тесного единения правительства с молодым поколением, с молодежью!

7 марта 1946 года был создан Союз свободной немецкой молодежи. С момента его создания товарищ Хонеккер долгие годы возглавлял эту организацию.

«Мне вспоминаются многие юноши и девушки, которые с мая 1945 года расчищали развалины, помогали восстанавливать разрушенные предприятия, мосты, дороги и железнодорожные пути, а также жилье,— напишет он позже в книге «Из моей жизни».— Когда после проведения земельной реформы надо было строить для новых крестьян жилье, помещения для скота и амбары, на помощь пришли члены ССНМ и неорганизованная молодежь. Членами ССНМ были восстановлены почти полностью разрушенные деревни: самой известной является Адельсдорф в районе Гроссенхайн, которую стали называть «молодежной деревней». Многие тысячи юношей и девушек участвовали в уборке урожая и в борьбе с короедом в лесах Тюрингии и Бранденбурга. Молодежные бригa-

ды ССНМ, отработав свою рабочую смену, помогали строить целлюлозный завод в Цербсте. Многие члены нашей организации участвовали в проведении акции «Лето для детей», чтобы создать условия для первого после войны летнего отдыха как можно большему числу школьников».

— Одним из самых памятных, знаменательных дней моей жизни было 28 мая 1950 года,— продолжал рассказывать Эрих Хонеккер.— По улицам Берлина в тот день прошли 700 тысяч юношей и девушек — молодых борцов за мир. И эта манифестация состоялась в Берлине, когда только пять лет минуло после освобождения страны от фашизма!

— Сегодня ваша страна находится на стыке с капиталистическим миром, постоянно подвергаясь атакам идеологического противника. И он прежде всего старается посеять неверие в социализм у молодых! Как вы оцениваете современное молодое поколение ГДР?

— У нас прекрасная молодежь! — с живостью откликается товарищ Хонеккер.

Сегодня она зодчий нового времени. Конечно, каждое поколение отличается от предыдущего, это я вижу и по себе, по своей семье: у меня две взрослые дочери. Новое поколение растет у нас на глазах. Оно представлено сегодня на самых ответственных участках жизни страны. Наша молодежь смотрит на мир открытыми глазами, без страха за свое будущее. Она умеет отлично трудиться. Вы сегодня видите в Берлине новые кварталы, предприятия, школы, институты — в этом большая заслуга поколения, выросшего после освобождения. В этом заслуга тех, кто сейчас трудится на молодежных стройках ССНМ. Хотелось бы подчеркнуть, что проекты, имеющие решающее народнохозяйственное значение, в стадии их реализации объявляются молодежными объектами. И в социалистическом соревновании молодежные бригады, которых у нас свыше 41 600, пользуются отличной репутацией. Наконец, вы, конечно, знаете, что ССНМ участвовал в строительстве таких совместных крупных объектов, как газопровод Оренбург — Западная граница СССР и газопровод Уренгой — Ужгород.

Молодежь нашей страны идет в первых рядах борьбы за мир. Совсем недавно прошли выступления ССНМ против наращивания сверхвооружений, против ракетной политики США и НАТО. В них приняло участие свыше шести миллионов молодых и пожилых граждан республики.

...И снова в нашу беседу вторгается История. 7 октября 1949 года — день рождения Германской Демократической Республики. Каким запомнился этот день моему собеседнику?

— Тот день был, пожалуй, самым волнующим и торжественным событием в моей жизни! Хорошо помню праздничное настроение людей. Все чувствовали, что произошло событие чрезвычайной важности, особенно впечатляющей была массовая демонстрация 11 октября в столице — Берлине, участники которой приветствовали рождение своей республики и избрание Вильгельма Пика первым президентом ГДР. На Унтер-ден-Линден собирались члены Союза свободной немецкой молодежи, чтобы участвовать в факельном шествии.

В своей телеграмме И. В. Сталин охарактеризовал тогда образование ГДР как поворотный пункт в истории Европы. Накопленный в течение свыше трех десятилетий опыт подтвердил это. Впервые социализм прочно укоренился и на немецкой земле. В упорном труде, в постоянном классовом противоборстве с империализмом и реакцией обеспечивалось успешное развитие ГДР. Она навечно братски связана с Советским Союзом и в содружестве социалистических государств выполняет свой интернационалистский долг по защите мира в Европе.

— В масштабах Европы, а тем более мира ГДР не относится к числу крупных государств. Но если судить по показателям объема, структуры и качества промышленной продукции, то она входит в число десяти наиболее промышленно развитых стран мира. Приезжая сюда, зарубежные гости удивляются динамизму развития экономики и задают вопрос: в чем его причина?

— Вы правы, развитие нашего народного хозяйства идет успешно! Это имеет большое значение для дальнейшего построения развитого социалистического общества в соответствии с решениями X съезда СЕПГ, и в 1983 году этот последовательный процесс роста продолжается. Так, в первом полугодии национальный доход увеличился на 4 процента, а промышленное товарное производство возросло на 4,5 процента. Причем, что особенно важно, при одновременном сокращении расхода энергии и сырья. Рост производства примерно на 90 процентов достигнут за счет повышения производительности труда. Мы продвигаемся вперед по пути интенсификации нашего народного хозяйства, но многое еще предстоит сделать.

Экономическая мощь ГДР — доказательство того, что социалистическая собственность на средства производства и социалистическое плановое хозяйство оправдывают себя и в развитой в промышленном отношении стране. Главное заключается в том, чтобы люди ощущали: результаты труда идут им на пользу, потому что это действенный стимул повышения трудовой активности.

Мы, естественно, учли новые явления и соответственно улучшили руководство и планирование. Самым наглядным примером, пожалуй, являются комбинаты. Ныне они составляют основу структуры нашего народного хозяйства; в общем и целом результаты их деятельности положительные. Важная задача — совершенствовать применение принципа оплаты по труду. Тут наша цель состоит в дальнейшем принципиальном улучшении соотношения между затратами и результатами и дальнейшем повышении эффективности. Решающее средство достижения этой цели — научно-технический прогресс.

Экономическую стратегию нашей партии на 80-е годы мы претворяем в жизнь в теснейшем сотрудничестве с СССР. Во время моего визита в Москву в мае этого года с товарищем Юрием Владимировичем Андроповым были намечены основные направления этого сотрудничества до 2000 года и в последующие годы. Задачи нашей страны разрешимы только в братском единении с Советским Союзом. Большое значение мы придаем также углублению социалистической экономической интеграции в Совете Экономической Взаимопомощи.

По сути дела, я уже ответил на вопрос о причинах столь динамичного и стабильного экономического развития ГДР. Мне хотелось бы добавить к этому еще нечто очень важное. Экономику мы во всех отношениях рассматриваем как средство для увеличения блага народа, упрочения социализма и усиления его международного влияния.

В книге «Из моей жизни» Эрих Хонеккер писал:

«Уже в 50-е годы стало совершенно очевидным огромное значение для ГДР экономического сотрудничества с Советским Союзом. Чугун, прокат, зерно, тракторы и другие товары, которые мы тогда получали, были жизненно важной помощью в строительстве нашего социалистического народного хозяйства. В то же время для нашей обрабатывающей промышленности открылся огромный рынок, создавший надежную основу для стабильного развития планового хозяйства в нашей стране. С 1950 по 1978 год объем товарооборота между нашими странами вырос почти в 25 раз».

— Это были первые шаги экономического сотрудничества ГДР и СССР. Как Вы, товарищ Хонеккер, оцениваете это сотрудничество сегодня?

— Во всем своем развитии ГДР в большой мере опиралась на опыт СССР. Неоценимым преимуществом оказался тот факт, что мы с самого начала могли черпать из богатого опыта Советской страны. Мы вообще придерживаемся мнения: чем лучше социалистическая страна умеет пользоваться этим золотым фондом, тем успешнее она будет продвигаться вперед. Нас очень радует, что и наш опыт представляет интерес для Советского Союза.

Ведь сегодня дело обстоит так, что для выполнения общих задач социалистического и коммунистического строительства братские страны порой находят свои решения. Именно поэтому надо внимательно следить за тем, как эти решения выдерживают испытание практикой. Что касается обеих наших стран, то экономическое переплетение достигло такой степени, что взаимный опыт полноводной рекой течет в обоих направлениях. Этот факт — характерная черта социалистического сотрудничества, идущего на пользу нашему содружеству и каждой стране в отдельности.

— Западные средства массовой информации используют любую возможность, чтобы клеветать на ГДР, другие социалистические страны, обвиняя их в «антидемократизме» и «тоталитарности». Вот уже больше шести десятилетий буржуазные идеологи и политики рекомендуют социализм без... руководящей роли коммунистической партии. Вы находитесь в рядах партии рабочего класса вот уже почти 54 года. Что бы вы могли ответить на подобные обвинения и «советы»?

— Клевета западных средств массовой информации — дело не новое. Оглядываясь на свою почти 54-летнюю деятельность в рядах нашей партии, я могу лишь сказать, что прав был немецкий вождь рабочего класса Август Бебель, который заметил: когда тебя хвалит противник, это должно вызывать опасения, когда же он ругает тебя, ты, как правило, находишься на правильном пути. Конечно, руководящая роль марксистско-ленинской партии для буржуазных идеологов и политиков является бельмом на глазу. Однако их обвинения и «советы» не в состоянии опровергнуть факты.

Еще нигде не удалось создать социализм без руководящей роли партии. Он тем крепче, чем лучше партия в своей марксистско-ленинской политике дает ответы на выдвигаемые жизнью вопросы, чем теснее ее связь с народом. Советскому читателю достаточно напомнить лозунг, который в свое время использовали враги Великого Октября: «Советы без большевиков».

Буржуазная демократия и демократия социалистическая — две совершенно разные вещи, как доказали Маркс и Энгельс, как доказал Ленин. Главное — это сущность государства. При социализме люди активно вовлекаются в решение общественных дел, и тогда пробуждается их гражданственность, интернациональная сплоченность.

...Много раз бывая в ГДР, я познакомилась со многими интересными людьми. И с кем бы я ни встречалась — все они, представители разных поколений, разных профессий и разных характеров, мыслили одинаково, когда речь заходила об истории рождения дружбы между нашими странами и ее большом значении. Общество германо-советской дружбы сегодня объединяет шесть миллионов человек. И это при семнадцатимиллионном населении страны! Не случайно из ГДР так много поистине волнующих писем пришло в «Огонек» в адрес конкурса «Мы — интернационалисты». Я показываю товарищу Хонеккеру эти письма.

«Вскоре после войны,— написал из Циттау Вилли Томас,— имение крупного помещика недалеко от Циттау было разделено. По земельной реформе жители окрестных сел получили собственные наделы. И тут из страны, на которую фашисты варварски напали и которой причинили неисчислимые беды, пришла действенная помощь: мы получили продукты, семена, машины».

Карл Бондорф из города Гера прислал «марку солидарности», которая была в Берлине выпущена в 1931 году к десятилетнему юбилею Международной рабочей помощи, которая собирала средства для Советской России, пострадавшей в 1921 году от неурожая и голода. «Для меня эта марка особенно дорога,— написал Бондорф,— так как я сам распространял их, будучи членом Коммунистической партии Германии».

А Хайнц Херц прислал из Дрездена альбом фотографий о сотрудничестве предприятия «Роботрон Анлагенбау» с советскими специалистами из Минска.

— Эти письма — живое выражение тесного и плодотворного сотрудничества — результат большой работы, проведенной коммунистами наших стран,— говорит товарищ Хонеккер.— Помню начало деятельности Общества германо-советской дружбы в трудные годы. И ныне высоким авторитетом пользуются у нас те люди, которые тогда, после сорок пятого года, сделали эти первые и очень важные шаги по интернациональному воспитанию населения...

— Вы говорите об Активистах первого часа?

— Да, так их называют! Должен сказать, что первые пять лет жизни нашего нового государства были самыми главными, самыми решающими. И эту новую жизнь нам помогали налаживать коммунисты в форме Советской Армии. Наша партия и сегодня продолжает проводить этот интернационалистский курс на прочную и тесную дружбу с Советским Союзом, как это в свое время требовала и осуществляла на деле партия Тельмана. Эту дружбу никому не разрушить!

...Товарищ Хонеккер с интересом перелистывает письма, всматривается в фотоснимки и улыбается, увидев в альбоме фотографию голопузого малыша. «Ну-ка, кто это такой?» — спрашивает он и читает надпись на обороте фотографии. «Это Антон — сын Алексея и Тани, который родился в сентябре 1982 года».

В альбоме — подробный рассказ о дружбе 38-летнего Герхарда Мюллера, ткача с текстильной фабрики в городе Миттвайда, со своим ровесником Алексеем Чуприяновым, который работает экономистом на машиностроительном заводе в Перми, городе на Каме. Герхард вот уже десять лет возглавляет у себя на предприятии группу Общества германо-советской дружбы, а Алексей, чтобы лучше узнать жизнь своего друга из ГДР, самостоятельно изучил немецкий язык. «Я восемь раз уже был в Советском Союзе и в последний раз — летом прошлого года, когда мы встретились в 10.00 на Красной площади с моим другом, прилетевшим на эту встречу из Перми,— писал Герхард.— Такие поездки возможны только в мирное время, поэтому нужно сделать все, чтобы мир на земле был сохранен».

— Товарищ Хонеккер, ваше имя стоит под Заключительным актом совещания в Хельсинки. Однако после этого совещания в мире с возросшей силой продолжается борьба против политики мирного сосуществования. Сегодня провозглашенная президентом США «новая» ядерная стратегия увеличивает опасность ядерной войны. Какой видится вам в этой связи перспектива защиты мира?

— Существует не только необходимость, но и возможность сохранения мира! Об этом свидетельствует потенциал реального социализма, об этом свидетельствует мудрая политика его ведущей силы, СССР. К тому же ныне существует охватывающее весь мир движение в защиту мира, в которое входят люди самых разных мировоззрений.

Речь сейчас идет прежде всего о предотвращении нового витка гонки ядерных вооружений, ибо в противном случае это еще больше обострило бы международную обстановку и повысило бы угрозу войны. Здесь чрезвычайно важно добиться того, чтобы дело не дошло до запланированного со стороны НАТО размещения в Западной Европе нового американского ядерного оружия первого удара. Федеративная Республика Германии, как известно, должна стать страной самого передового базирования этих ракет. Впервые со времени второй мировой войны вновь возродилась бы угроза развязывания с немецкой земли, с территории ФРГ, войны против СССР. Само собой разумеется, наши страны не смогут смотреть на это сложа руки и будут вынуждены принять действенные меры.

Мировая общественность все больше и больше понимает, сколько зависит от сохранения военного равновесия, к нарушению которого стремятся адвокаты наращивания сверхвооружения НАТО, особенно США. Только при наличии такого равновесия, постоянно снижая уровень вооружений и вооруженных сил, можно продолжить путь разрядки, а народы хотят, чтобы он успешно продолжался. Мирному сосуществованию государств с различным общественным строем нет разумной альтернативы.

Мы высоко ценим огромный вклад КПСС и СССР в дело всеобщего мира именно в нынешней обстановке. Конструктивные предложения, с которыми совсем недавно вновь выступил товарищ Юрий Владимирович Андропов, способствуют прогрессу в деле достижения договоренностей, на основе которых станут возможны реальное ограничение и сокращение вооружений. Воздействие этих инициатив не может не сказаться на США и других государствах НАТО. Со всей настоятельностью необходимо требовать, чтобы они наконец отказались от своей деструктивной позиции в отношении таких договоренностей.

Мир — самое великое достояние человечества. ГДР в братском единении с СССР и впредь будет делать все от нее зависящее, чтобы обеспечить его, чтобы уберечь народы от сползания к ядерной катастрофе!

...Наша беседа подходит к концу. Нынешний год в Германской Демократической Республике провозглашен Годом Карла Маркса, и я прошу товарища Хонеккера ответить на вопросы из анкеты-исповеди, которую придумали в семье Карла Маркса. «Ваше представление о счастье? Ваше любимое занятие? Достоинство, которое вы больше всего цените в людях?»

Эрих Хонеккер в задумчивости повторяет вопросы и после недолгой паузы отвечает:

— Для меня счастье заключается в победе рабоче-крестьянской власти на немецкой земле. Эта победа обеспечила нашему молодому поколению светлое будущее. Теперь о втором вопросе... Я очень люблю природу, а когда есть время, то увлекаюсь охотой. Но все-таки самое прекрасное для меня занятие — пешие прогулки на три-четыре часа. Это прекрасно заряжает бодростью, придает силы для работы. А работы ведь немало...

Что же касается третьего вопроса — о том, какое достоинство я больше всего ценю в людях, отвечу без колебания — честность. Для меня быть честным — значит быть верным делу партии даже в самые трудные дни. Честность для меня означает верность идеям интернационализма, искреннюю любовь к стране Ленина. Эту любовь вы можете увидеть уже в наших пионерах.

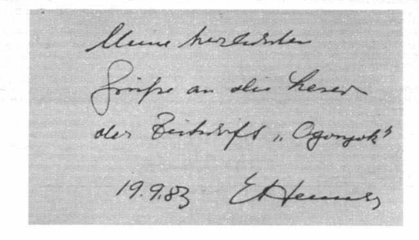
...Он встает, быстро проходит к своему рабочему письменному столу и возвращается с фотографией симпатичного мальчугана в краснозвездной буденовке.

— Это мой внук, здесь ему шесть лет. А сейчас он уже старше на два года, пионер, учится в третьем классе, в школе как раз недалеко от Бранденбургских ворот, с которых началась наша с вами беседа. Красную звезду на буденовке я впервые увидел, когда восемнадцатилетним коммунистом приехал в страну Ленина. Мои встречи с советским народом, его молодежью оставили неизгладимый след в моей памяти. И я думаю, что каждому, кто приезжает в эту великую страну, следует всегда помнить о том, что своим освобождением от фашистского варварства человечество обязано этой стране!

На прощание Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР пишет в моем блокноте:

«Мой сердечный привет читателям журнала «Огонек». Эрих Хонеккер. 19.9.83».

Берлин — Москва.

Семидесятилетие Мастера

Указом Президиума Верховного Совета СССР народному артисту СССР Георгию Александровичу Товстоногову, главному режиссеру Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького, присвоено звание Героя Социалистического Труда. Это высокая награда за большую творческую работу, которую он начал более полувека назад на сцене русского ТЮЗа в Тбилиси.

Имя выдающегося Мастера сценического искусства, которому ныне исполнилось семьдесят лет,— его яркие постановки известны всей стране. Особенный же интерес к Товстоногову-режиссеру возник, когда в 1955 году в Ленинграде, на сцене театра имени Пушкина он поставил «Оптимистическую трагедию» Всеволода Вишневского, создав мощный, масштабный спектакль, рождавший у публики горячий, сердечный отклик. Эта работа была отмечена Ленинской премией.

Товстоногов как руководитель БДТ завоевал огромное признание, создав театр особый, где острая гражданственная нота непременно сочетается с тонкой, психологической разработкой характеров героев, их душевного облика, человеческих взаимоотношений.

Одним из лучших, поистине бессмертных сценических созданий Г. А. Товстоногова стали горьковские «Мещане». Это остротрагический спектакль, где во весь голос звучит обвинение пошлости, потребительскому, бездумному, а потому и бесчеловечному существованию обывателей, бесцельно проводящих дни мелкой и маленькой жизни.

От своих исполнителей режиссер-художник, режиссер-мастер требует абсолютно полного и точного погружения в мир пьесы — всегда особый, неповторимый. Мир, выражающий эпоху, ее сложные конфликты. Отсюда — возникновение коллектива талантов.

Сейчас театру Г. А. Товстоногова — ему самому и его актерам — горячо аплодирует Япония. Зрители, казалось бы, далекие от той жизни, которую показывает творческий коллектив, ведомый выдающимся советским мастером, реагируют на каждый спектакль остро и живо, тронутые и эмоциональным звучанием и глубиной мощной режиссерской мысли.

Воркование голубиное, но деяния ястребиные.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

НЕ ИЗБРАЛИ. ПОЧЕМУ?

Отчетно-выборное партийное собрание коммунистов в управлении механизации треста «Сибэлеваторстрой» прошло вроде бы обычно. Был прочитан отчетный доклад, были горячие, неравнодушные выступления, после которых приняли дельное решение. Все обычно, за исключением лишь одного факта. Когда стали известны итоги голосования и состав бюро, коммунисты поздравили с избранием нового секретаря. А бывший? По всем анкетным данным, он мог бы еще возглавлять парторганизацию. Судите сами: есть опыт, так как несколько лет избирался секретарем парторганизации, имеет высшее образование, по своей должности находится в курсе всех производственных дел. Добавим к этому: общительный характер, умение разговаривать с людьми. Казалось бы... Но не избрали. Может, подвело здоровье, может, решили поручить ему другой участок общественной работы, а может?.. С этими вопросами я и пришел к коммунистам управления механизации «Сибэлеваторстроя».

С бывшим секретарем, главным механиком управления П. И. Солоповым, с другими коммунистами я разговаривал на следующий день после отчетно-выборного партсобрания. Как говорится, по свежим следам.

— Партийная организация по нашей мерке хорошая, ну, разве только чуть-чуть не тянет до отличной,— сказал мне Петр Иванович.— А что касается моего переизбрания... Очень часто как главный механик бываю в командировках, некогда, заедает текучка. Постоянные разъезды, разъезды. Только поэтому...

Петр Иванович старательно нажимал на трудности, которые мешали ему с полной отдачей вести партийную работу. Иногда спохватывался и вскользь, расплывчато упоминал о недостатках. И снова о трудностях. Ради справедливости надо сказать, что трудности, и немалые, действительно есть. Управление механизации в качестве субподрядчика участвует в строительстве элеваторов и комбикормовых заводов в районах Западной и Восточной Сибири и даже на Дальнем Востоке. Специфика такова, что многие объекты удалены на большие расстояния. Работникам управления часто приходится выезжать в командировки, а в случае аврала или какой неурядицы сидеть там неделями. Все так. Но сам собой напрашивается вывод, что в таких сложных условиях партийная организация управления, которая находится на переднем крае борьбы за осуществление Продовольственной программы, должна была проявлять особую деловитость, особую дисциплинированность и ответственность, несмотря на свою малочисленность. Ведь это тот самый случай, когда золотник, хоть он и мал, должен быть вдвойне дорогим. А как же на самом деле?

Вот что говорил в своем выступлении на отчетно-выборном собрании коммунист С. П. Гричанов:

— В докладе явно не хватает критики и самокритики, все острые углы сглажены. В последние годы управление сильно сдало свои позиции. Упала трудовая дисциплина, и, как следствие этого, не выполнялись планы, допускался перерасход фонда заработной платы и удорожание строительно-монтажных работ. В последний раз в районном социалистическом соревновании управление занимало первое место в четвертом квартале 1978 года, а во все остальные годы находилось в глубоком прорыве. К сожалению, эти факты не стали предметом серьезного разговора среди нас, коммунистов.

В дельном, толковом выступлении С. П. Гричанова прозвучали и другие конкретные примеры, которые красноречиво говорили о том, что в производственных делах управления далеко не все благополучно. Плохая организация работ, слабая дисциплина сказывались на сроках сдачи объектов. А это, естественно, влияло на хранение зерна и производство комбикормов. С такой государственной точки зрения должен был поставить вопрос перед коммунистами партийный секретарь, собрать их, спросить с каждого о его личном вкладе в общее дело.

Но напрасно пытался я найти в куче как попало сложенных бумаг протокол столь необходимого в создавшихся условиях собрания. Оно не проводилось. И вообще за отчетный период в повестках дня ни разу не стоял вопрос о личном участии коммунистов в решении производственных задач.

— Понимаете,— пытался доказать П. И. Солопов во время нашего разговора,— я в постоянных разъездах, другие тоже. Собрать всех не всегда удается... А ведь такое собрание готовить надо.

Трудно с этим согласиться. Дело не только в частых командировках бывшего секретаря. На таком собрании, пройди оно, неизбежно бы встали острые вопросы личной ответственности и дисциплины всех коммунистов, в первую очередь коммунистов-руководителей. И неизбежно при высокой требовательности пришлось бы где-то испортить отношения, пойти на конфликт. Дело не простое, хлопотное. Секретарь выбрал более легкую дорожку, сделал вид, будто ничего особенного не происходит, благо что оправдание всегда под рукой — командировки.

Но то, что устраивало самого секретаря, явно не устраивало большинство коммунистов. Автокрановщик А. А. Ламанов, выступая на отчетно-выборном партсобрании, прямо спросил:

— Почему наши руководители забыли свою первейшую обязанность — отчитываться перед коллективом? Почему на партийном собрании мы ни разу не заслушали отчет коммуниста-руководителя?

Вопросы не праздные. Чтобы ответить на них, надо оглянуться назад. В последнее время управлению механизации не везло на начальников. За три неполных года их сменилось пять. И многие из них чувствовали себя здесь временными людьми, не собирающимися долго задерживаться. В период «безвластия», то есть в промежутках между ушедшим и пришедшим, исполняющим обязанности начальника всегда назначали главного инженера Ладова. И он исполнял, но только не производственные, а свои личные дела. Они были немаленькие: строительство дачи, приобретение автомашины, строительство гаража для нее. На этих «важнейших» объектах нередко использовались государственная техника и государственные материалы. Все происходило на глазах у коллектива, и нетрудно представить последствия такого строительного размаха, последствия нравственные. Впрочем, об этом чуть ниже. А сейчас о той позиции, какую заняли в этой ситуации партийная организация и ее секретарь. Позиции, оказывается, никакой не было. На бесконечные хлопоты главного инженера по обустройству своего теплого гнездышка все смотрели сквозь пальцы. И только один раз у бывшего секретаря парторганизации хватило принципиальности. Решался вопрос о новом начальнике управления. Поступило предложение утвердить в этой должности уже без всяких «и. о.» Ладова. Руководители «Сибэлеваторстроя» спросили мнение партийного секретаря. Но и в этом случае В. И. Солопов лишь передал мнение коммунистов, которые были категорически против. На большее его не хватило.

Сейчас в управление механизации пришел новый руководитель. По его настоянию от Ладова избавились. Тут можно бы и поставить жирную точку. Дело-то вроде закончилось. Но не закончились его последствия. И в первую очередь они сказались на авторитете партийной организации и ее секретаря. За отчетный период в члены партии не было принято ни одного работника управления.

А теперь о последствиях нравственных. Они далеко не безобидны. Новый начальник управления А. С. Никитин с болью говорил о том, что для некоторых работников такое понятие, как производственная дисциплина, является пустым звуком. Иной, допустим, уезжал в командировку вечером, но его уже утром нельзя было найти на работе. Если механизатор или шофер ставил свою технику на ремонт, считалось в порядке вещей, что во время ремонта он может заглянуть в рюмку. И эта вседозволенность, общая нетребовательность друг к другу стали нормой, привычкой. Когда А. С. Никитин наказал своей властью одного из механизаторов за пьянку в рабочее время, тот — вдумайтесь только! — возмутился: «За что?» Механизатору было просто дико, что его могут наказать.

И дальше. Если главный инженер использовал материалы и технику управления для своих нужд, естественно, он не мог отказать в этом и своим подчиненным. Потом, уже после собрания, А. С. Никитин поведал поучительную историю. На территории лежало несколько тысяч кирпичей, которые были очень кстати — гараж и мастерская нуждаются в основательном ремонте. К административному зданию надо сделать пристройку. Но тут вдруг выяснилось, что весь кирпич давно уже выписан некоторым работникам управления.

Невольно вспоминается выражение П. И. Солопова «по нашей мерке». Да, мерка у секретаря ко всем делам в управлении была, но в том и беда, что она была очень удобной, никого не трогающей, как и положено мерке беспринципной. К чести коммунистов, они поняли опасность такой мерки, о чем свидетельствует сам дух отчетно-выборного собрания, сам факт избрания нового секретаря.

С приходом нового руководства дела в управлении налаживаются. Успешно выполнен план последнего квартала, принимаются меры по укреплению трудовой дисциплины, оздоровлению морального климата в коллективе. Веское и решительное слово остается за партийной организацией. Прошлые ошибки для коммунистов и их нынешнего вожака должны стать серьезным уроком.

Михаил ЩУКИН,
собкор «Огонька»

Новосибирск.

Орест ВЕРЕЙСКИЙ,
народный художник СССР

Художник и книга

О. Верейский. Две иллюстрации к роману М. Шолохова «Тихий Дон».

Мне кажется, что я испытал желание представить себе зримый образ любимых литературных героев еще в раннем детстве. Не только в своем воображении, но и на бумаге. Моя мать сохранила эти мои первые попытки «иллюстрации», и я иногда достаю их, когда мне хочется посмешить друзей.

Читать я еще не умел, но когда мать вслух читала мне стихи Пушкина или пересказывала приключения Тома Сойера, я, слушая, рисовал, как умел, все, что подсказывало мне воображение. Мне повезло в ту пору, какую сейчас называют холодным словом «формирование». В доме у моего отца-художника бывали такие замечательные мастера книжной иллюстрации, как Александр Бенуа, Добужинский, Сомов. Помню, как, стоя за спиной Добужинского, я, стараясь не дышать, смотрел, как он рисовал. Свои первые иллюстрации я показывал В. Лебедеву, когда он возглавлял художественную редакцию Детского издательства в Ленинграде. Я начал иллюстрировать детские книжки, еще учась в средней школе. Их придирчиво смотрели и давали мне советы не только отец, но и Н. Тырса, В. Конашевич, К. Рудаков. Своей первой серьезной работой в книжной графике я считаю иллюстрации к «Василию Теркину» Александра Твардовского, с которым судьба свела меня на фронте. Когда он читал первые главы этой бессмертной поэмы в замаскированном редакционном вагоне, мне уже виделись и Теркин и картина переправы и не терпелось начать рисовать, что, впрочем, потом обернулось довольно мучительными поисками.

Как читал Твардовский! Просто, без привычных авторских завываний, не повышая голоса, не помогая себе жестикуляцией.

С этого дня и на протяжении всех лет войны главы «Василия Теркина» печатались по мере их появления во фронтовой газете «Красноармейская правда», а я сопровождал их рисунками, подготовлявшими постепенно серию иллюстраций к книге.

Конечно, мне помогло то обстоятельство, что автор поэмы и я, как и ее герой, шли почти рядом по дорогам сражений и были если не участниками, то уж живыми свидетелями всего, что стало содержанием одной из лучших книг о войне. Не пересказывая буквально содержания, я мог идти параллельно стихам со своим изобразительным рассказом, сохраняя конкретность времени и места действия. И разрушенный, сожженный Смоленск, и наспех мощенные бревнами белорусские топи, и равнины Восточной Пруссии с обязательными готическими шпилями на горизонте, и тот аккуратный прусский городок, где писалась глава «В бане»,— все это виденное, исхоженное, рисованное.

С тех давних пор на протяжении многих лет я вновь и вновь возвращаюсь к поэзии Твардовского. Недавно вышла в свет его «Книга лирики» с моими рисунками. Газета «Советская культура» напечатала один из них, сопроводив небольшой, доброжелательной заметкой-рецензией на мою работу.

Но, конечно же, я постоянно снова прихожу к работе над книгами Твардовского не только и не столько из долга дружбы, которую подарила мне счастливая судьба. Это потребность. Читая и перечитывая его строки, зная многие его стихи наизусть, я постоянно нахожу, открываю для себя в них что-то новое и снова сажусь за работу.

Как и миллионы читателей нескольких поколений, я был потрясен, впервые прочитав «Тихий Дон». С тех пор я стал мечтать об иллюстрациях к этому роману, но сначала как о чем-то невозможном, недосягаемом... Книга, охватывающая такой огромный, такой насыщенный кусок нашей истории, в которой переплетается такое множество человеческих судеб, какой это соблазн для художника, но и какая неимоверная трудность!

Наконец настало время, когда я решился. Начинать нужно было с героев романа, и это, естественно, тем труднее, чем полнокровней образ, созданный писателем. А тут еще время действия в романе настолько продолжительно, что герои меняются, меняется их психология, они стареют. Поэтому нельзя ограничиться раз и навсегда найденным портретом. Кроме того, даже найдя, встретив на улице «вылитую» Аксинью, нельзя, остановив ее, нарисовать ее портрет и выдать читателям как любимую героиню Шолохова. От рисунка с натуры человека похожего до создания подлинного образа — путь большой и нелегкий.

Конечно же, я рисовал с натуры множество человеческих лиц, «похожих» на героев романа. Но дальше следовало еще суметь, что-то добавляя, обобщая, вдохнуть в них жизнь.

Известно, как широка география романа. Ведь действие не ограничивается событиями на Дону. Я очень благодарен Михаилу Александровичу за то, что он указал мне места, куда следовало поехать. Он также назвал людей, тогда еще живых участников описанных событий. Пожелав успеха, он не стал давать мне другие советы, предоставив полную свободу действий.

Получив авторское благословение, я два года не просто работал, я жил «Тихим Доном». Совершив поездку по станицам, я рылся в архивах нескольких музеев, вглядывался в лица прохожих на улицах, находя в них черты Аксиньи или Григория, Натальи или Петра, рисовал, изводя горы бумаги. Я так свыкся, сдружился с героями этой великой книги, что, когда был сделан последний рисунок, мне стало так грустно, будто я расставался с людьми живыми, близкими и любимыми.

...Меня всегда поражало, как удивительно современен Лев Толстой.

Вспомним ленинские слова о том, что: «...в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему». Таково все великое в подлинном искусстве. И еще вспомним слова Белинского о том, что каждая эпоха произносит свое суждение о произведениях классики и как бы верно она ни поняла их, всегда оставит следующей за ней эпохе сказать что-то новое и более верное. Это относится и к «Анне Карениной».

Все созданные ранее серии иллюстраций к этому роману не похожи одна на другую. И дело здесь не только в различии художников, в их индивидуальности, но и в разрыве времени, когда они делались.

Мы входим в живой мир, созданный гением Льва Толстого, но видим, воспринимаем его глазами и чувствами человека сегодняшнего. Герои «Анны Карениной» вошли в наше сознание, как живые люди. И каждый видит их посвоему. Прежде всего это, конечно, относится к Анне. Мне не хотелось лишать читателя возможности привнести в ее облик что-то от своего выношенного представления. И я решил изображать ее в таких ракурсах, в таких условиях освещения, чтобы не было четкого портрета, а только угадывался облик Анны.

Что же касается стоящей передо мной основной задачи, то я видел ее в том, чтобы помочь читателю войти в атмосферу романа, приблизить к нему эпоху, отстоящую от нас на целое столетие. Для этого, как мне казалось, предстояло дать по возможности точную характеристику разных социальных слоев русского общества 70-х годов прошлого века. Этими характеристиками я старался наделить не только основных действующих лиц романа, но и тех, кто появляется в нем эпизодически. Двухтомное издание, вместившее полтораста рисунков, давало такую возможность.

Работа с натуры, наблюдения окружающей жизни обогащают, а порой и ложатся в основу тех или иных иллюстраций. Даже необходимая художнику фантазия, рождаясь, отталкиваясь от замысла автора литературного произведения, опирается на реальную жизнь.

На «язык» художника-иллюстратора, на его манеру и художественные приемы в каждом случае влияют манера писателя, стиль его повествования. Но один и тот же художник не может одинаково иллюстрировать лирические стихи, исторический роман или детскую сказку. Идя в фарватере книги, он всегда остается самим собой, не утрачивает своей индивидуальности. И как ни растворяется он в той жизни, какой живет книга, он неизбежно привносит в свою работу свое мироощущение, собственный взгляд на жизнь.

В работе любого книжного иллюстратора воображение и зрительная память — неотъемлемая необходимость, опыт — учитель, но живая природа — надежная из опор.

О. Верейский. Род. 1915. ПОПУТНАЯ МАШИНА. (Иллюстрация к поэме А. Твардовского «Василий Теркин»). 1975.

М. Шолохов «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» (Рисунок для суперобложки). 1975.

О. Верейский. ПСКОВ. 1966.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА. ПЕТРОВСКОЕ. 1966.

Краю отчему сердце мое

Валентин СОРОКИН

ВРЕМЕНИ СЛОВО

Пшеница звенит по равнине огромной,
И ветер гуляет от края до края.
И юное солнце, лучами сверкая,
Ныряет за тучею, дальней и темной.
И жарко, и нежно в лесу, и прохладно.
И рядом с деревней озерная чаша.
И август напомнил, что молодость наша
К другим улетает тревожно и жадно.
Я верю обычаю, року, примете.
Я знаю, везения час быстротечен.
Бессмертие мнимо, и гений не вечен,
На этой грозою омытой планете.
И нам ли с тобою тужить и теряться,
Мы были цветущи, горды и умелы.
Но грянули сроки — иные пределы
Зовут нас, и жизнь не дает повторяться.
А ветер тревожит озерную душу,
Пшеницу качает, и слышу я рядом:
— Я вас охраняю и жестом и взглядом,
Я ваших забот и надежд не разрушу!
И я понимаю: то — времени слово,
Летит высоко над моей головою
И где-то
дождями,
кукушкой,
травою
Возникнет оно в поколениях снова.
Но я за туманы и ты за туманы,
За синие взгорья уйдем по дороге.
Там даже эпохи стоят на пороге
Вселенной — и горько молчат, великаны.

ВЕЧЕР

Все, что есть на земле, не простое —
Смысл имеет и душу свою.
Горе осени, рдяно-густое,
Я в июле уже узнаю.
Пусть еще далеко до мороза,
Но, как добрая мать, на бугор
Поднимается к ночи береза
Поглядеть в незакатный простор.
Вечер царствует — солнце садится.
И опять, прижимаясь к земле,
Неразгаданных птиц вереница
Пронеслась и пропала во мгле.
Шум осиновый, робко-тревожный,
Колыхнулся и вот побежал
По рябине — красе невозможной,
Полыхающей, будто пожар.
Кто прошел здесь и умер когда-то,
Кто великую тайну принес:
Слышать хриплые гулы набата,
Задыхаться от радостных слез?
Перед матерью, перед любимой,
Перед другом и братом клонясь —
Утверждаться тоской лебединой,
Изначальную чувствовать связь.
Понимать в океане безмолвном
Стяг, сверкающий там, впереди,
И неправды безумные волны
Усмирять у себя на груди.

ЗАПОЗДАЛАЯ ПТИЦА

Летит запоздалая птица
По зимней, завьюженной воле.
Огнем голубым серебрится
Немое сугробное поле.
Устали звенящие крылья
Махать против мрака и ветра.
Луна золотистою пылью
Ту птицу осыпала щедро.
Куда ты, печальная птица,
Подруга моих одиночеств,
Ну что тебе может открыться
За краем разостланной ночи?
Какой ты гонима судьбою,
Скажи мне, сторожкая птица?
Я сам улетел бы с тобою,
Да трудно с землею проститься.
Все жду-поджидаю рассвета.
И ныне и завтра — тревожно.
Я сам улетел бы, но это,
Наверно, уже невозможно...

ВЯЗ

О, как его гнуло,
Крутило, мело.
Мороз его мучил,
И гром его тряс.
Не первое съехало
Кряду село,
Лишь с места родного
Не тронулся вяз.

Средь сгнивших дворов
И дурных пепелищ
Стоит он, отменно
Красив и могуч.
И шум его мчится
До старых кладбищ,
До вольных степей,
До грохочущих туч.

На старом кладбище
Лежит под крестом
Седой, работящий
Молчун-человек.
Он вяз посадил тот
На месте пустом
Не на день,
не на год,
Не даже на век!..

Хотел он, чтоб правнуки
Летом под тень
Сходились, в работе
И в песне дружны.
Но тают в туманах
Дома деревень,
Сироты-кресты
Никому не нужны.

Седой, работящий
Молчун-дровосек,
Наследники все твои,
Ой, далеко:
За сотней дорог
Неизвестных и рек,
К тебе их вернуть,
Городских, нелегко!

Их путь, словно космос,
Бескраен и крут,
Покличет ли север,
Поманит ли юг,—
По небу летят
И по морю плывут,
И только сюда
Заглянуть недосуг.

Непросто привыкнуть
К ручью и грачам,
Коль искра земная
В крови не горит.
Я слышу, как с прищуром
Вяз по ночам
До самой зари
На холме говорит.

РЯБИНОВАЯ ГРОЗДЬ

Хлебный воздух, морозный и синий —
На ладошку возьми и подбрось!..
И, окутана в дымчатый иней,
Пламенеет тревожная гроздь.
То высоко над утренней ранью,
Над серебряной, хрупкой травой
Задохнулась рябина багрянью,
Забежав на бугор вековой.
Так и хочется вдруг прослезиться.
Краше луг, золотее жнивье.
И надолго еще пригодится
Краю отчему сердце мое...
И какие б ни плавали тучи,
И какую б беду ни несло,—
Затеряется в шумах могучих
И загинет бескрылое зло.
Вон у заводи грустно-белесой
Голосами полмира прожгли
Журавли; покружили над лесом
И в бездонное небо ушли.
Покружили — наверное, жили
Предки их у болотистых мест,
И потомки окликнуть решили
Звоном тихие дали окрест.
Вновь я чувствую остро и зрело,—
Я в родимых просторах не гость,
Ведь недаром звала и горела
Через ветер тревожная гроздь.

ВСЕЛЕНСКАЯ ТРЕВОГА

Ах, как в сердце зло и неспокойно,
То оно смеется, то бедует.
И сырой осенний ветер дует,
Вся природа шумно негодует,
Будто где-то оживают войны.

Ах, как взору трудно видеть дали,
То они туманны, то морозны,
Гул над ними прокатился грозно,
И недаром на закате слезно
Три березы гнулись и рыдали.

Ах, как тяжко голове бывает,
Сникла, опустилась, удалая.
Где ее вчерашняя, былая
Слава, что горела, наплывая,
И кого, лукавка, обнимает?

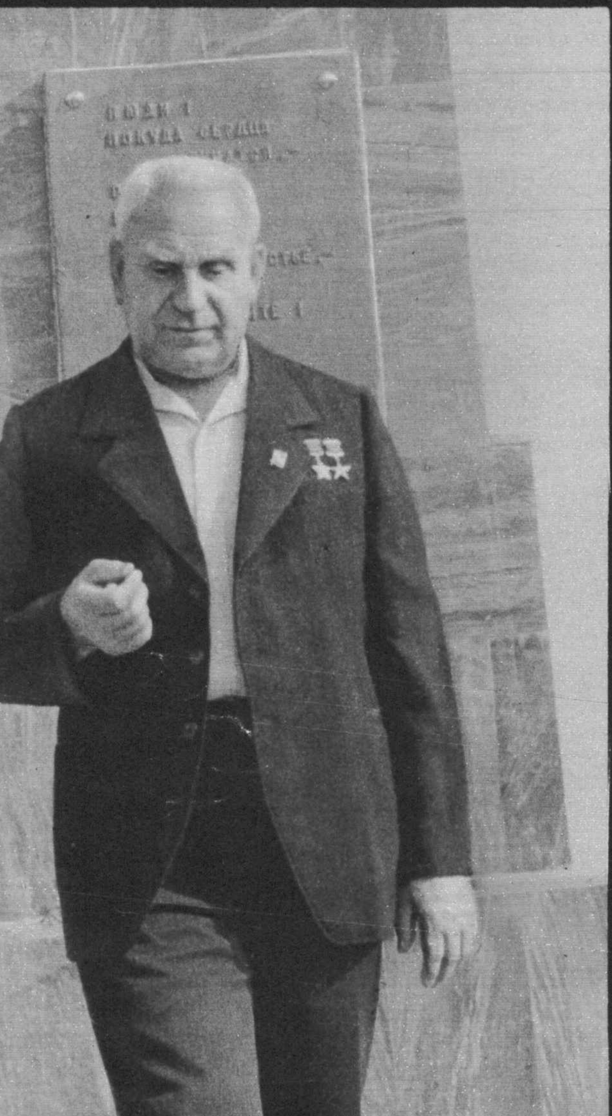
Ах, как больно совести ранимой
Врачеваться, мучаясь устало.
Вон звезда уже затрепетала
И рассвет пролился в травы ало,
Я не сплю, раздумьями гонимый.

Я не сплю, я не могу забыться.
Прошлое толпится у порога.
И звенит вселенская тревога,
Как стрела, карающая строго,—
Зверь предчувствует ее и птица.

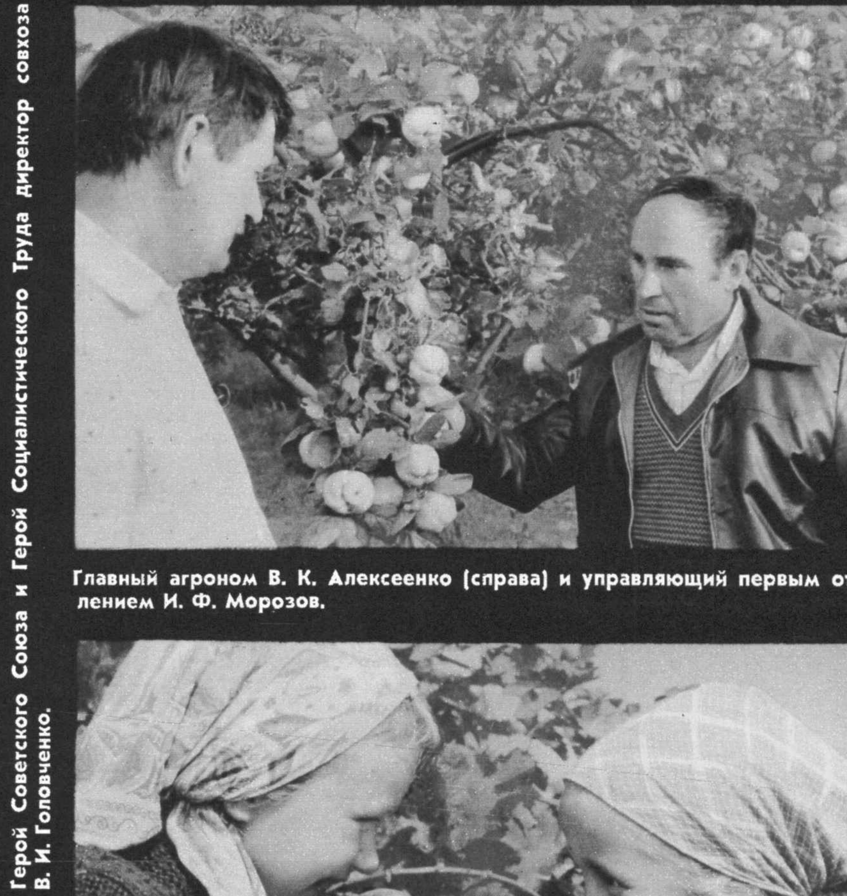
ПРИДОРОЖНЫЙ КУСТ

Сыч не кричит, и голубь не воркует.
Скатился месяц в роздымь-лебеду.
И вновь душа мятется и тоскует,
Как будто чует дальнюю беду.
Беспутными снегами позавьюжен,
Морозами обстукан и негуст,
Как будто никому уже не нужен,
Я — придорожный, позабытый куст.
Когда ветра сверкучие летели,
Когтистые, звериные ветра,
Все листья трепетали и свистели,
И колотились ветки до утра.
И голос мой звенел за перевалы,
Крылами бил в полночное окно,
Чтоб крепче мать ребенка укрывала,—
Так на земле вовек заведено!
И сам я дрог, но вырывался к грому
Из мрака свет, а солнцеметный луч
До звезд прорезал просеку от дома
Сквозь табуны беснующихся туч.
И отклубились пурги, поредели.
На реках лед синеет, край мой пуст.
Я жду весну, гася остуду в теле,
Я слышу мир, я — придорожный куст.

Уборка урожая в совхозе «Азовский».

Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда директор совхоза В. И. Головченко.

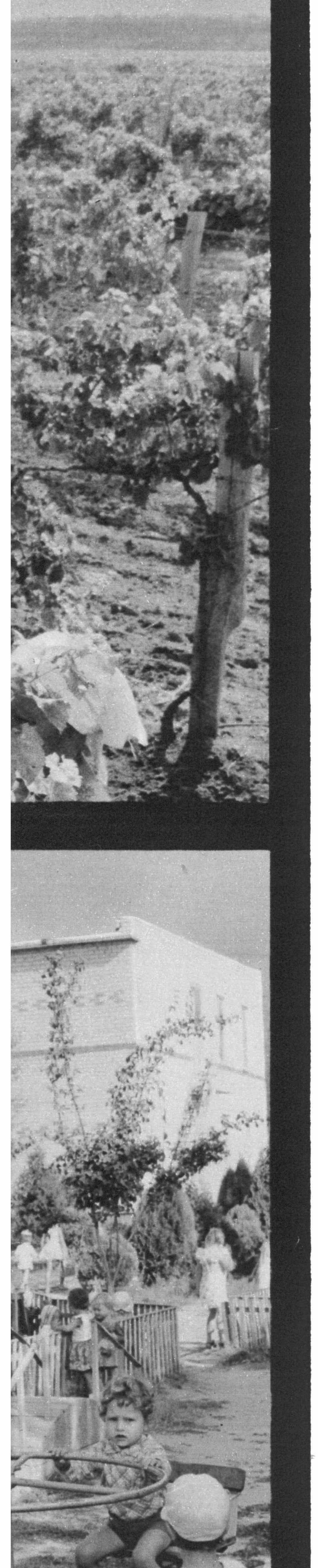
Главный агроном В. К. Алексеенко (справа) и управляющий первым отделением И. Ф. Морозов.

Помощницы.

Растут юные хлеборобы.

Ирина ПИРОГОВА
Фото А. ГОСТЕВА

Земля верит делу

Что бы там ни говорили, но и в наш просвещенный век научно-технической революции земледелец находится в **сложных** отношениях с предметом своих забот. Земля — не подрядчик и не смежник. Ни договорными обязательствами, ни инструкциями, ни графиками, ни карающей десницей вышестоящих органов ее к порядку не призовешь. И в арбитраж на нее не подашь. Земля требует труда.

Иначе, сколько человеку в руки ни дай, какой выдающейся техникой ни обеспечь, какой теорией ни вооружи, все уйдет, как вода в песок.

...В совхозе «Азовский» шло партийное собрание. Обсуждали острые вопросы.

— Давайте обратим свое внимание на бесхозяйственность, разбазаривание, порчу общественного добра, на расхлябанность, которая обходится нам очень дорого,— сказал секретарь парткома Владимир Васильевич Мартынов.— За счет невысокого качества винограда потеряны десятки тысяч рублей. В строительстве поступающие материалы нередко и учитываются плохо и хранятся небрежно. Техника в бригадах всегда ли с умом используется? А бывает, что лампы днем горят и на улицах и в помещениях. Сегодня вопрос ставится так,— продолжал секретарь парткома,— скажи мне, как хранятся на твоем участке работы материальные ценности, и я скажу, кто ты, какой ты хозяин, какой специалист, чего желаешь ты Родине, насколько глубоко сидит в тебе советское, коммунистическое...

После выступления Мартынова наступила тишина. Вопрос серьезный. От каждого из присутствующих требуются мужество и честность, чтобы признаться в том, что раньше многое как-то сходило с рук, не замечалось за главными показателями, укладывалось в спасительную мудрость: лес, мол, рубят — как тут щепкам не лететь! А совхоз по выходу продукции на гектар — хозяйство передовое не только в своем районе, а и в крае, доходы у него миллионные. Казалось бы, не до мелочей. Ан нет! Разговор завязался горячий. Управляющий отделением Иван Федорович Морозов, главный агроном Владимир Кириллович Алексеенко, механик Вениамин Федорович Караникола говорили о заезженных тракторами и машинами посевах, о потравах в ореховой лесополосе, о мальчишках, что раскатывают по посевам на мопедах, о непорядках на складе горючего. Пощады не было ни свату, ни брату — чтобы не дождаться упрека со стороны, каждый начинал с себя...

Василий Иванович Головченко сидел молча, с внешне непроницаемым лицом, и на душе у него, несмотря на накаленную атмосферу собрания, было не так уж плохо. Двадцать три года назад принял он этот вновь созданный совхоз: хутор с утонувшей в грязи полсотней старых хат да подбитый ветром сарай вместо мастерских, до которого, казалось, не доползти разбросанным вокруг машинам. Парадокс: грязи — хоть утони, а воду питьевую надо за десятки километров возить, ни одного колодца годного — вода солоней соли. Кто это сказал, что на юге и оглоблю посади — зацветет? Эту землю недаром называли таманской целиной. Летом — сушь неоглядная, в непогоду — хляби бездонные. Сколько труда потребовалось, чтобы на этих «просторах — почти четыре тысячи гектаров степи — появился гигантский виноградник в 1770 гектаров, зацвели сады, пшеница стала давать до пятидесяти центнеров с гектара полновесного ценного зерна. Сколько труда, сколько надежд, сколько веры в завтрашний день. В себя. В людей.

В первые годы, пожалуй, труднее всего было организовать людей. Есть у механизатора трактор, поработал он днем кое-как, а потом борону или культиватор отцепил и катит домой, как на персональном транспорте. Опять же в магазин, на рыбалку — тоже на железном коне. Иные ухватистые и на приработки подряжались, ублажив прямое начальство: сена привезти, стройматериал подбросить.

— А вам что, горючего жалко?— наступали «леваки» на директора.

До чего удобная психология! Если, к примеру, у него самого кто-нибудь яблоню в саду обтрясет — это будет сочтено воровством, а у государства можно, оно богатое, вытерпит. Кто-то мог проехать на тракторе по молоденькой тополевой полоске, иной шофер второпях кусок поля срезал вместо дороги. Распорядился директор горячие обеды в поле возить, а люди сидят — каждый в свой узелок уткнулся.

— Не, мы к столовой непривычные...

Как из этой пестрой, разноязыкой массы сделать коллектив единомышленников? Как вернуть им позабытое, выкорчеванное неумными начинаниями и директивами достоинство земледельца, его хозяйственность, мудрость, расторопность?

Все это и Головченко сам пережил. И непримиримый конфликт с управляющим трестом совхозов, пожелавшим за год превратить Тамань в Шампань, для чего требовалось второпях засадить огромные пустующие площади какими угодно сортами винограда. И разведенные по директиве утки, которые чуть не съели только-только крепнущий совхоз.

И недоумение многих руководителей и соседей, когда новорожденный, можно сказать, нищий совхоз начал... с дорог.

— Никак я не мог успокоиться,— рассказывает Василий Иванович.— Сама посуди — умрет человек, и несут его в последний путь по грязи. Подумали мы, подумали и решили: нужен асфальт. Сейчас-то у нас тридцать восемь километров. Ну, правда, строили по принципу: «не до жиру — быть бы живу» — вот и получились наши дороги узковатые. А ничто так долго не держится, как примитив. Наконец, назрела необходимость дороги расширять. Уже работы идут...

Жизнь Василия Ивановича и обыкновенна и удивительна одновременно. Была в ней и война — три тяжелых ранения, Золотая Звезда Героя Советского Союза сержанту-танкисту за форсирование Дуная. Потом — работа механизатором. Почти в тридцать лет, отцом семейства, оставив приличную зарплату, пошел он на дневное отделение сельскохозяйственного техникума. И тогда же, став за штурвал комбайна, получил вторую звезду — теперь уже Героя Социалистического Труда. Его высочайшие награды — это не счастливый случай, не плод, как иногда говорят, коллективного труда, не аванс на будущее — Родина уже тогда выразила ему, Василию Головченко, признательность за сделанное, на которое иному и трех жизней не хватило бы. За мужество и силу характера. Это еще больше укрепило мужество и умножило силу. Правда, с некоторыми чертами его характера порой бывало людям нелегко. Он никогда не был бездумным исполнителем, но если уж в чем уверен, стоял до конца. У многих начальников заслужил директор совхоза Головченко репутацию человека трудного, упрямого, прижимистого.

У старшего товарища и коллеги Василия Ивановича, знаменитого белорусского председателя, тоже Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда Кирилла Прокофьевича Орловского был своего рода неписаный кодекс руководителя хозяйства, созданный на личном опыте. Смелость

он считал одним из важнейших качеств. И еще Орловский сравнивал свой колхоз с самолетом, в котором труд людей — мощь машины, а техника — его крылья. Из машины следует выжимать все, на что она способна, но надо ее и беречь. От снега, дождя, поломок, пустых рейсов. А людей необходимо поддерживать. Руководитель должен уметь видеть на десять — двадцать лет вперед. И это не пустые слова. В принятой Темрюкским районом Продовольственной программе до 1990 года ставится задача к концу одиннадцатой пятилетки иметь на каждый пятый двор корову с приплодом. А в совхозе «Азовский» уже сегодня в личном стаде четыреста коров на 850 работающих. Почти в каждом доме есть буренка. Это не считая большого количества свиней и птицы. А почему? Да потому, что, как хороший хозяин, мыслящий по-государственному, Головченко не мог примириться с ликвидацией приусадебных хозяйств, понимал, какой неизмеримый экономический и нравственный ущерб наносит она крестьянской жизни. И как только позволила экономика совхоза, он начал всячески поощрять это дело, выделил земельные площади под кормовые культуры, идя подчас на конфликты с вышестоящими организациями, не желающими заглянуть за текущую сводку и план.

Пришло наконец время, когда деловая самостоятельность земледельца признана одним из необходимых условий успеха. Этот принцип ставит во главу угла своей работы и первый секретарь Темрюкского райкома партии Александр Федорович Куемжиев. Уже сейчас Тамань производит почти две трети российского винограда, около ста двадцати тысяч тонн.

Продовольственной программой предусмотрено к концу пятилетки удвоить эту цифру, а к 1990 году довести валовой сбор винограда до 380 тысяч тонн. Намечен рост производства картофеля, овощей, плодов, риса. Вся пшеница будет производиться сильной и ценной. Возрастет продукция животноводства и рыболовства. Одним словом, район не только обеспечит себя продуктами питания, но и четко выполнит свои обязанности по снабжению промышленных центров страны, населения Севера.

— Конечно, работа предстоит огромная,— говорит Куемжиев.— Самая надежная наша опора в решении всех поставленных проблем — это люди, хозяева нашей таманской земли. И тут опыт Василия Ивановича Головченко, его школа хозяйствования просто бесценны.

Что же это за школа такая? Один из главных ее предметов — человековедение.

Но предоставим слово самому Василию Ивановичу. Тем более что разговорить его не очень-то легко: что слова? Земля не слову верит, а делу, считает он.

— Кирилл Прокофьевич Орловский говорил, что любое хозяйство можно ввести в колею за два-три года, наладить там кое-какой порядок. А вот сделать его мощным, надежным — на это лет восемь — десять нужно. Он, конечно, прав.

Я так скажу: у нас в совхозе плохих людей нет. Но у одного все хорошее на поверхности лежит, а до другого докапываться надо, помочь этому хорошему прорасти, укрепиться, как молодой лозе. Меня всегда к молодежи тянет. Двадцать лет вел кружок комсомольской учебы. Был у меня там такой паренек—Гарбузов Иван. Совхоз выучил его на тракториста. Дали мы ему новый трактор. Подъезжаю однажды — мотор работает, а он спит себе в кабине...

Можно нередко услышать, что новую технику проще передавать тому, кто поактивнее. Еще проще неактивному в руки лопату дать, а то и вовсе рассчитать его. Но человек-то наш. Если мы его не научим, кто наш брак исправит?

Разработали мы с Иваном диаграмму роста производительности труда — и его личную и всей бригады. Потом на другом занятии поручил я ему и еще Николаю Маркину, Наташе Уфельман подготовить ответы на вопросы о положении дел в бригаде, в мастерской, на ферме. Условие такое: если нашел какой-нибудь резерв — добейся, чтобы он задействовал. Вот и начали мои ребята потихоньку свою долю в общем труде осознавать...

Василий Иванович Головченко глубоко убежден, что на доброту и заботу, на уважительное доверие в конце концов откликнется каждый человек. С какими только просьбами не заходили к нему в кабинет люди, не останавливали его на улице во время нашей встречи!

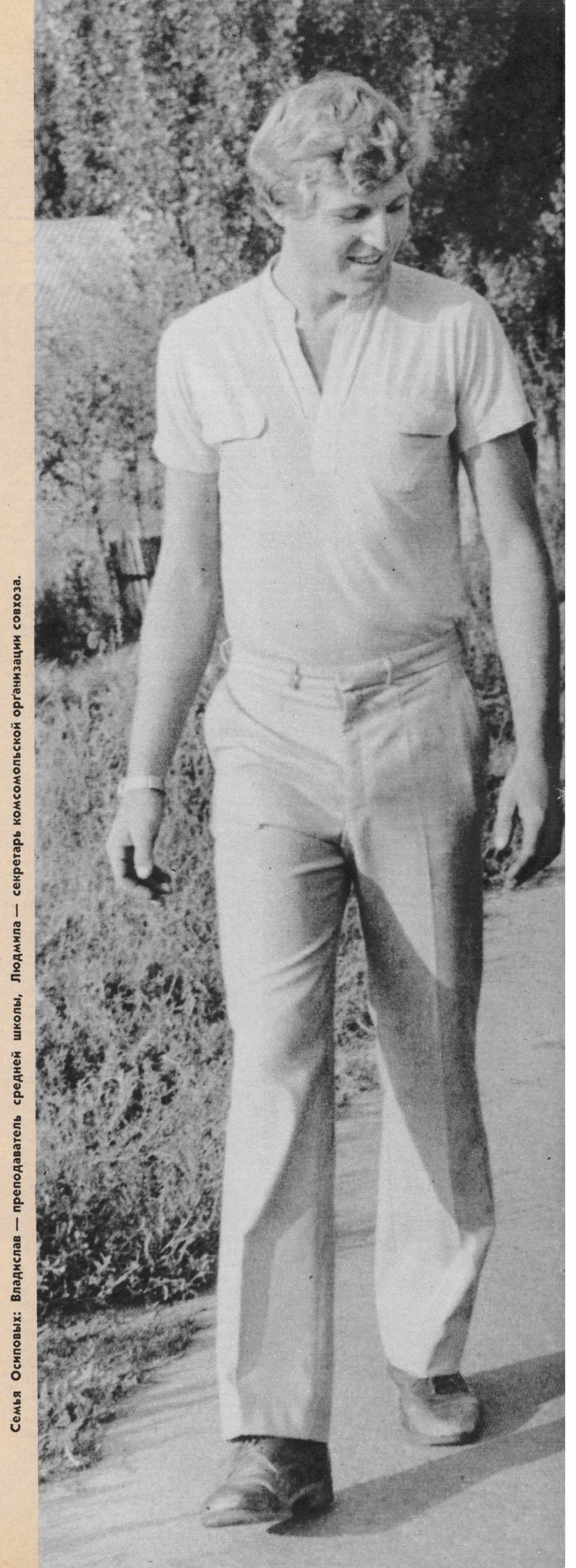
Ни одному из этих людей не отказал директор, каждую бумажку подписал, все взвесив и обдумав, потому что убежден: получив помощь, поддержку, человек станет лучше работать; не откажет ему, директору, когда он завтра попросит выйти в поле на уборку лука, поехать в срочный рейс, заменить кого-то на трудном участке.

Так что же, совсем уж такой безотказный Головченко? Да, безотказный, если у человека нужда или беда. Но суровый, если доверие обмануто, использовано во зло.

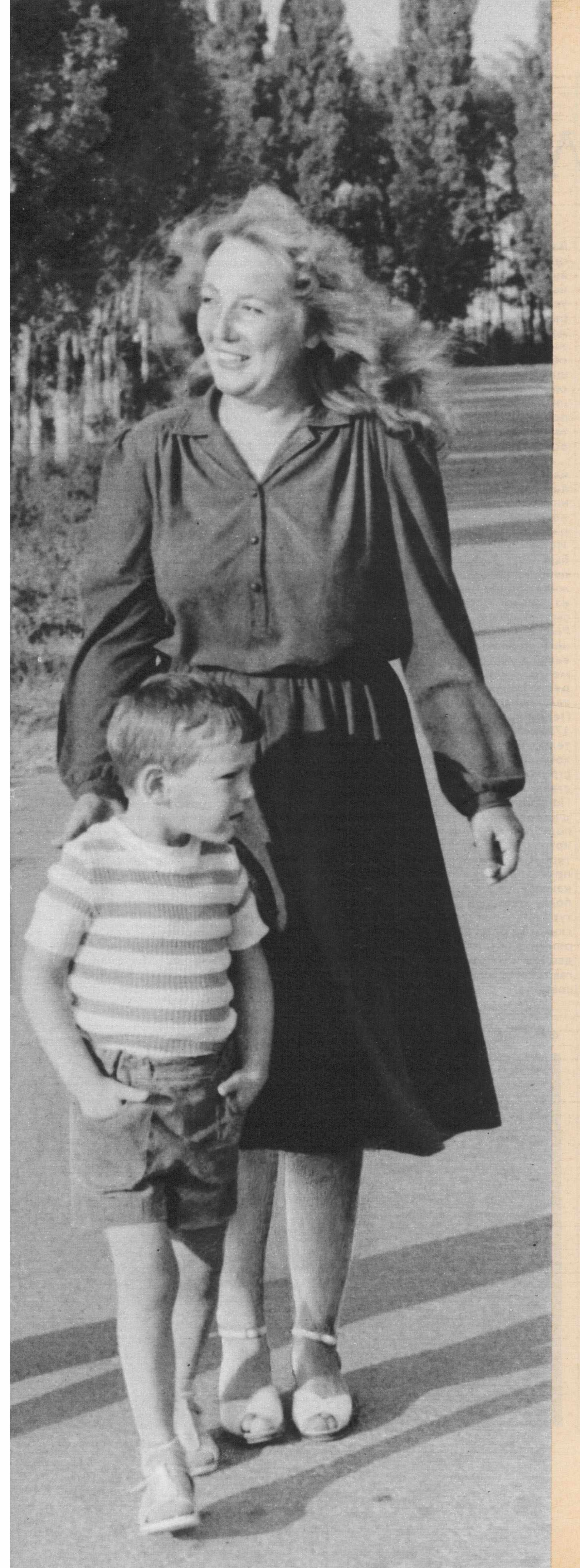
Был однажды случай, давно, правда, когда опытный тракторист попросил отгул, а сам сутки работал «налево», в «иззоз» нанялся. Пришлось ему из совхоза уйти. Вернулся с повинной через несколько лет, сейчас уважаемый человек, старого никто не вспоминает, но урок пошел впрок.

У школы Головченко много этапов, и в каждом из них он считает себя обязанным участвовать лично. Например, в каком-то доме проводы в армию, свадьба, рождение ребенка. И как бы ни был занят директор, откуда бы ни вернулся, найдет минутку прийти, поздравить, сказать доброе слово. Приехав в город по наиважнейшим делам, первое, что сделает, навестит больного односельчанина, подбодрит, обнадежит. Люди видят в нем старейшину большой совхозной семьи, и он гордится этим.

Он убежден в том, что все самое главное человек должен получить в детстве. Здесь для детских садов и школы не жалеют средств на оборудование, книги, картины, музыкальные инструменты. Школьники летом отдыхают и работают в совхозных лагерях, путешествуют в Москву, Новороссийск, Севастополь. Но ведь дело не только в том, чтобы дать

Семья Осиповых: Владислав — преподаватель средней школы, Людмила — секретарь комсомольской организации совхоза.

им все возможное. Если только давать, кормить и не требовать ничего взамен, они вырастут сытыми, но глухими к мирским заботам. Вот почему первые уроки жизни азовские ребятишки получают уже в детском саду. Воспитатели водят старшие и подготовительные группы на озимое поле, на мельницу, в пекарню, в магазин, а потом проводят утренник «Откуда хлеб пришел». На нем Головченко и рассказывает, как растят и убирают хлеб, как надо его беречь. Уроки хозяйствования получают дети и в школе и в лагере труда и отдыха. Да и личный пример очень важен — за каждым из специалистов совхоза, начиная с директора, закреплен гектар общественного виноградника, который он обязан обработать. Как руководит отец или мать своим участком работы в совхозе, ребенок может и не знать, а вот как трудится наравне с другими в поле — это он видит, этому учится с малолетства. Да, система «детский сад — школа» налажена хорошо. Больше забот с теми, кто встает на самостоятельный путь, выходит из-под влияния педагогов и воспитателей. Молодежи в хозяйстве много, до сорока процентов. Сразу все после школы в совхозе не остаются, да и странно было бы этого ждать. У каждого своя мечта, многие рвутся из родительского дома себя показать, мир посмотреть. Зачем же им препятствовать? Помогают, дают стипендии.

Есть и такие, что помотаются по белу свету, поживут в городе, а с годами начинают понимать, что лучше дома места не найти. И то сказать! Уровень благосостояния людей высокий, крепкий. За двадцать лет в совхозе построено свыше шестнадцати тысяч квадратных метров жилья, три столовые, семь магазинов, три фельдшерских пункта, Дом быта, водопровод. Каждый десятый имеет автомашину, каждый четвертый — мотоцикл.

— Так что сейчас,— говорит Василий Иванович,— когда наши люди работают от души, перевыполняют планы, и они заботятся уже не столько о том, чтобы себя прокормить, заработать побольше, они всей стране хотят помочь, свой интернациональный долг выполняют. В этом я вижу не только хозяйственную, но и политическую, нравственную важность Продовольственной программы для каждого из нас. Да, достаток пришел в каждый дом. Но мало жить сытно. Надо жить красиво. Уже невозможно представить жизнь наших людей без книги, без песни. У нас прекрасный современный Дом культуры, три киноустановки, филиал музыкальной школы, библиотека с фондом 14 тысяч книг. Одних костюмов для художественной самодеятельности пошили на двадцать пять тысяч рублей, а всего музыкальных инструментов, культурного и спортивного инвентаря — на сто тысяч рублей. А как наши люди песню любят! В хоре и кружках почти 250 человек занимается. Причем в полном смысле слова и мал и стар. Песня — это и радость, и веселье, и память о прошлом, и мечта. И отдых от напряженного труда. Как придешь на концерт совхозного хора, душа радуется: тут и рабочие, и специалисты, и работники детских садов, столовых, бухгалтерии, школы. Никто людей не сгоняет — сами идут. Я тоже до недавнего времени в хоре пел, до сих пор себя его участником чувствую.

Вспоминается разговор с заведующей районным отделом культуры Ниной Митрофановной Тарасенко. Рассказывала она о том, как болеет Василий Иванович за своих совхозных артистов, как уважительно относятся в совхозе к культпросветработникам.

— А разве мало у нас еще таких руководителей, которым эта сельская культура до лампочки? Это ж не мясо, не молоко, за нее голову не снимут,— рассуждают они. Вот от таких люди и бегут!— горячилась Нина Митрофановна. Потом улыбнулась:— Правда, один раз и у нас с Василием Иванычем вышло недоразумение. Решили мы ему чествование в честь шестидесятилетия устроить. Ну и из края тоже порекомендовали...

А Василий Иванович отказался наотрез. И разговаривать не захотел. Какие, говорит, юбилеи, нечего людей от дела отрывать.

В этом весь Головченко с его неприятием всякой шумихи, показухи, велеречивой парадности. Истинный сын своей земли, он прежде всего верит делу. А люди верят ему, растут рядом с ним, становятся умнее, опытнее, перенимают его дар хозяйский и душевный. Вон какие помощники выросли — Владимир Кириллович Алексеенко, ветеринарные врачи Валентина Васильевна Некипелова и Николай Александрович Рябов, главный инженер Анатолий Васильевич Мигуля, главный энергетик Николай Михайлович Котышев — многих совхоз выучил не в переносном, а в прямом смысле на свою стипендию.

Питомцы Головченко и сами уже хозяйствами руководят. Виктор Васильевич Шевченко — директор совхоза «Родина», а Владимир Павлович Холодный стал главным агрономом в совхозе «Голубая бухта». Вернулись из армии и пустили корни на родной земле Михаил Карелин, Владимир Романов, Владимир Ергулин. Есть в хозяйстве и свои славные трудовые династии...

Это, пожалуй, самый главный урожай Василия Головченко. Коммуниста. Человека. Руководителя. Хозяина своей земли и ее героя.

...Когда я покидала «Азовский», мне подарили две проржавевшие пулеметные гильзы.

— Это вам на память о таманской земле. Сверху-то она цветет, а сколько в ней с войны этого смертоносного металла захоронено.

Да, ныне исполнится сорок лет, как прогнали фашистов с Тамани, а в земле, как в теле боевого ветерана, затаились, прячутся осколки, а то и сама смерть. Помешала она однажды допахать свое поле солдату-пахарю Семену Степановичу Горишняку,— взорвался его трактор на фашистской мине. Стоит теперь на старинном кургане среди дремлющих в мирном мареве акаций белый обелиск.

Часто видит его Василий Иванович. Проезжая мимо, мысленно здоровается, как со старым боевым другом. Ведь не только за себя трудится он на родной земле. Но и за тех своих товарищей по оружию, что отдали ей свою жизнь.

Конечно, старое старится, молодое крепнет. Доброе же дело времени неподвластно. Живет и дает добрые всходы.

Н. ХРАБРОВА

ДВОРЕЦ В ДОЛИНЕ ПОКОЯ

Имант Ланцманис стоял на ветру и улыбался. За спиной у него светился желто-белый фасад дворца. В его внутреннем четырехугольном дворе на золотом песке вырисовывался круговой узор булыжника.

Право же, есть у времени мгновенное и странное свойство смещаться. Поэтому и вообразилось: а ведь было, непременно же было такое, когда Франческо Бартоломео Растрелли стоял здесь, на рыхлом песке, и глядел, как лучами прокладываются каменные узоры традиционного для тогдашней архитектуры «почетного» круга, и это означало конец строительства. Теперь Имант Ланцманис заканчивал работы таким же кругом.

...От только что побеленных яблонь пахло известкой, и Имант сказал:

— Яблони здесь были и при Растрелли, сад и парк мы восстанавливаем по сохранившимся описаниям. Не правда ли, долина не зря называлась «Руенталь» — Долина покоя. Это в переводе с немецкого. Здесь от каждого кустика веет покоем. Отсюда пошло латышское название места — Рундале.

Один из величайших зодчих России 24 мая 1736 года заложил в курляндской глуши первый камень Руенско-Рундальского дворца.

До сих пор мало известна история жизни Франческо Бартоломео Растрелли. Творения его, дошедшие до нас, затмили подробности биографии. Известно, что отец его был итальянец, мать испанка, до приезда в Россию семья жила в Париже. Затем Петр I пригласил скульптора Карло Бартоломео Растрелли на художественную службу при русском дворе. Растрелли-сыну было тогда шестнадцать лет. Он учился у отца, а про отца искусствоведы говорят, что он умел все. Известно также, что юный Франческо Бартоломео был восхищен начинавшимся Петербургом: после тесно застроенного Парижа — простор, как при начале сотворения мира. Простор требовал наполнения красотой и уже начал наполняться ею — молодому Растрелли пришлось завершать творения А. Квасова и С. Чевакинского, так же как и его творения завершали И. Мичурин и В. Стасов. Первая четверть восемнадцатого века стремительно, торжественно и нарядно создавала петербургское барокко. Каким бы оно было без Растрелли? Каким был бы Растрелли вне России? Стиль его, конечно, был бы другим, без черточек русской национальной архитектуры, и характер зодчего был бы иным без примера личности Петра, с которым он встречался в мастерской отца.

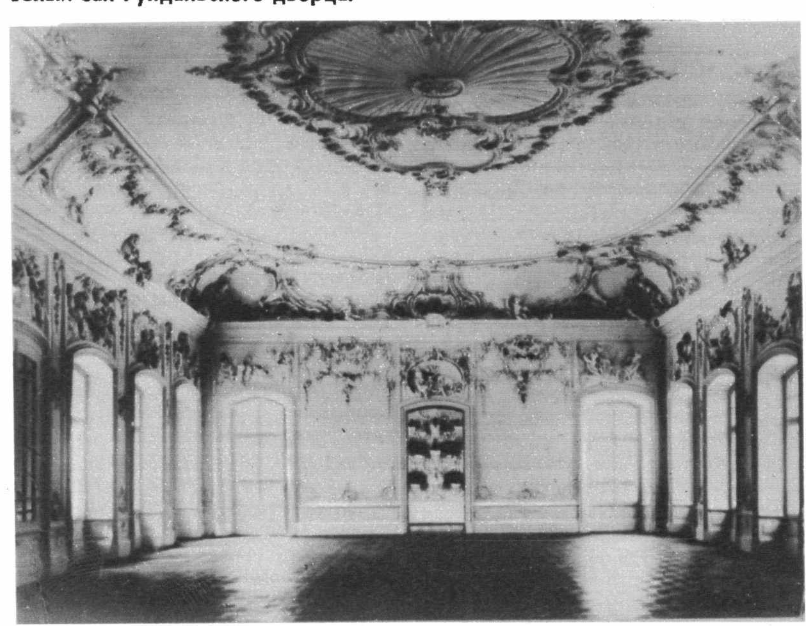
Не только талант Франческо Бартоломео Растрелли поразителен, но и трудоспособность его непостижима: он создал около ста грандиозных проектов и, превращая рисунок в здание, имел обыкновение не только наблюдать все в целом, но и проникаться каждой деталью. Так было и на строительстве Рундальского дворца.

Далеко не все, созданное Растрелли, дошло до нас. Вначале он строил в Петербурге деревянные дворцы. У них была разная участь — например, деревянный Летний дворец, на месте которого построен Инженерный замок, судя по сохранившимся чертежам и рисункам, был подлинным чудом архитектуры, однако перед строительством Инженерного его разобрали. И только чертежи и рисунки дают нам представление о том, как ворвался растреллиевский гений в русское зодчество, как сумел он понять и оценить русское строительное дерево. Растрелли почитал Россию отечеством своим, считал себя русским и просил называть Варфоломеем Варфоломеевичем. Он сердцем принял Россию в ее трудные и высокие годы, в один из таких исторических периодов, которые украшают нашу историю и которых у России немало. Россия рождалась заново и «мужала с гением Петра». Рушилось старое, на обломках строилась захватывающая новь. Растрелли пережил вместе с Россией восемь царствований, фавор и немилость восьми российских венценосцев и правителей и всегда думал о «славе всероссийской»...

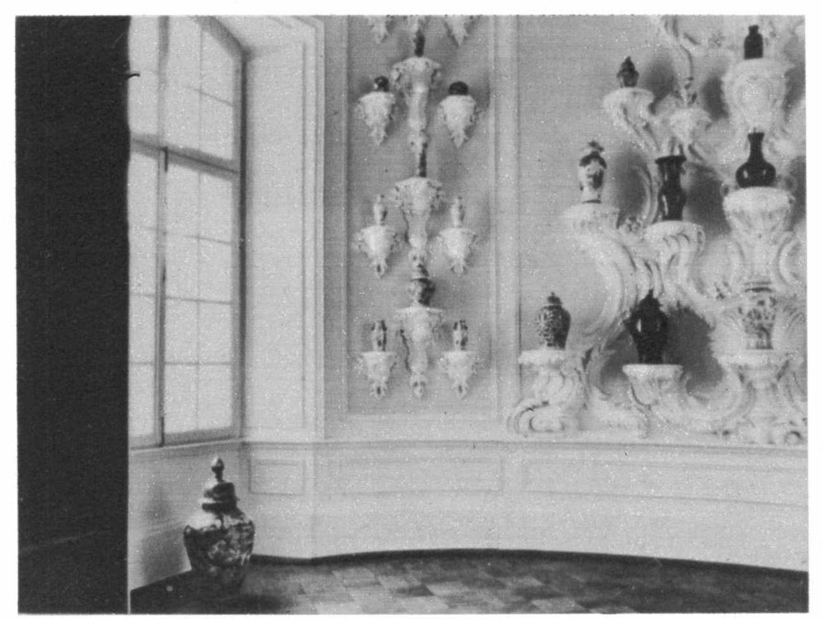
— Растрелли приехал в Рундале из Петербурга в августе 1735 года,— рассказывает Имант Ланцманис,— и увидел, что здесь ничего нет. Всесильный фаворит императрицы Анны Иоанновны Эрнест-Иоганн Бирон, пригласивший его, был из захудалых курляндских дворян, крестьяне на его землях жили бедно, строителей дворца из них не могло получиться. Они смогли лишь по распоряжению Растрелли разобрать руины здешнего небольшого замка XV века, валуны мы обнаружили в фундаменте нашего дворца в начале реставрации. Настоящих мастеров-каменщиков Растрелли выписал из Петербурга, они прибыли весной 1736 года, и с ними солдаты-строители из Риги. Вокруг было много хорошей глины, мастера сами построили двенадцать печей и сами стали делать кирпичи и изразцы. Полторы тысячи человек, работавшие от зари до зари, сумели за полтора года подвести дворец под крышу. К концу 1737 года из Петербурга приехали кровельщики, привезли жесть, и вскоре дворец, кажущийся огромным в пустом поле, оказался под кровлей. Но тут Бирон стал герцогом Курляндским, и сразу отдал новое распоряжение Растрелли: строить еще дворец в Митаве — нынешней Елгаве. Растрелли одновременно руководил отделкой Рундальского и закладывал Митавский дворец. Велась в его хозяйстве в то время приходно-расходная книга, она сохранилась в латвийских архивах. Делопроизводитель был необыкновенно педантичен: он заносил в книгу буквально каждый расход. Эта дотошность оказалась очень ценной для нас. Мы с большой точностью можем установить, когда и что делал Растрелли; когда бывал здесь, когда — в Митаве. То и дело попадаются такие записи: «экипаж для господина графа Растрелли», «носилки для господина графа».

...В конце 1740 года умирает Анна Иоанновна. Бирон сослан. Растрелли уезжает в Петербург. Лишь двадцать два года спустя Бирон возвращается из ссылки. Растрелли успел за эти годы создать все свои шедевры в Петербурге, Петергофе, Царском Селе, дворцы под Москвой (в Перове и Покровском), Смольный. И, наконец, в 1754—1762 годах создал новое, четвертое, до нас дошедшее здание Зимнего. А в 1764 году он снова в Рундале. Здесь за эти годы многое устарело, и кое-что самому Растрелли не понравилось — например, трехэтажная надвратная башня. Вместо нее он сделал новые ворота с колоннами, со львами и щитами из курляндской геральдики. И если тридцать лет назад ранний Растрелли все делал сам, то во второй приезд он пригласил скульптора Иоганна Михаэля Граффа и явно был согласен с его берлинским стилем лепных украшений дворцовых зал, а также с потолочной и стенной росписью Франческо Мартини и Карло Цукки из Петербурга.

Бирон со свитой обитал в Рундальском дворце до 1772 года, затем дворец перешел к его вдове, потом к сыну. Они не любили Рундале, и дворец пустовал. В 1795 году Екатерина II подарила его графу Валериану Зубову, пос-

Белый зал Рундальского дворца.

Фарфоровый зал.

Фото из фондов музея.

ле смерти Валериана дворец перешел к его брату Платону, и Рундале процветал до войны 1812 года, когда со стен были сорваны все штофы и многое во дворце разгромлено. После 1812 года первоначальная цветочная роспись стен была закрыта росписями в духе примитивного ампира, дворец постепенно приходил в упадок. А потом — первая мировая война. С 1915 по 1917 год роспись и лепку губили солдаты Вильгельма, а в 1918-м тут пронеслась белогвардейская банда полковника Бермонта. Митавский дворец она сожгла, Рундальский осквернила и закоптила, иные из местных жителей воспользовались дворцовой мебелью работы мастеров растреллиевского времени. В 1923 году буржуазное правительство Латвии передало дворец обществу инвалидов войны — общество это настолько растерялось перед махиной разоренного великолепия, что даже двери в нем несколько лет не запирало. Только в 1934 году состоялся ремонт, но какой! Работы Растрелли, Граффа, Цукки, Мартини новоиспеченной буржуазией были попросту заштукатурены.

— К тому же ничтоже сумняшеся они убрали одну из растреллиевских лестниц, показавшуюся им ненужной,— продолжает Имант.— И вообще расчистка и ликвидация безграмотной деятельности маляров отнимают больше сил и средств, чем реставрация. Что поделаешь? Главное, фасад и помещение дворца в их основном плане не ломались и не перестраивались, этим некому и не для чего было заниматься. И это — к нашему общему счастью, потому что все, что создал Растрелли,— достояние общечеловеческое.

О себе Имант Ланцманис как-то ничего не сумел и не захотел рассказывать. При расспросах о том, как ему творчески удалось реставрировать Растрелли, он смотрел на нас словно на святотатцев:

— Творчески?! Нет, пожалуйста, пусть все будет точно: мы только повторяли созданное зодчим в соответствии с сохранившимися документами.

Рассказал о нем, о Ланцманисе, заместитель министра культуры Латвийской ССР Илгвар Батрагс:

— Когда я узнал, что Иманту Ланцманису хотят предложить реставрацию Рундальского дворца и впоследствии стать там директором музея, я воспротивился категорически. Я знал его с детства. Он не участвовал в играх, не занимался спортом — читал и рисовал. И рисовал удивительно! Окончил художественный институт, стал живописцем, картины его выставлялись и пользовались успехом — судьба его определилась, и он был ею доволен. И вдруг — Рундале, Растрелли! Там ведь предстояло реставрировать 9824 квадратных метра редчайшего в мире зодчества! Это только во дворце. А еще всякие службы, и парк, и сад. А расчистка грубых, аляповатых наслоений? Что и говорить — художнику предстояло совершить подвиг, требовавший самоотречения и огромного напряжения таланта и сил. Впрочем, за реставрацию я не особенно беспокоился: Имант талантлив и педантичен. Но организатор ли?! Мне казалось, что это ему и не по душе и не по плечу. А Имант оказался прекрасным администратором. У него отличный вкус. Он не удовлетворился документами Рундальского дворца и не только расчистил росписи стен, но прозондировал всю эпоху Растрелли и обнаружил множество мелких подробностей, проливающих свет на жизнь и работу гениального зодчего в Курляндском герцогстве... Имант подружился с сотрудниками московских и ленинградских архивов, побывал в Берлине и в Париже. Для реставрационных работ он пригласил в Рундале ленинградских, московских, литовских и эстонских мастеров. Ленинградцы восстанавливают лепку и живопись, литовцы делают искусственный мрамор, эстонцы — черепицу. А от москвичей Имант просто в восторге: они сделали из шерсти и натурального шелка штофы, и Имант говорит про это — «божественная работа»! Он вовлек в реставрацию и окрестных колхозников, они грузовиками свозят сюда собранные с полей булыжники.

...Более десяти лет назад они прибыли в Рундале вчетвером: две молодые супружеские пары — Имант и Иева Ланцманисы, и архитектор Леопольд Клявиньш с женой Майей Банкиере — реставратором керамики. Нынче здесь работает большой интернациональный коллектив, с головой ушедший в свое необычное дело — так, как это всегда умеют делать молодые и талантливые люди. Искусство объединило их, разных по характеру, по национальности. Владея несколькими языками, они сумели составить и уникальную многоязычную библиотеку по искусству XVIII—XIX веков. Десять лет собирали мебель и произведения прикладного искусства тех веков.

Что и говорить, Рундальский дворец и сам бесценен как памятник великого зодчества. Но есть у него теперь определенное назначение: в его 138 залах разместятся все произведения искусства, которые до сих пор за неимением места хранились в запасниках нескольких латвийских музеев. Посетители увидят здесь произведения искусства, развивавшегося на территории Латвии с XVI по XVIII век: старинную живопись, деревянную резьбу, иконы, декоративное искусство России и Западной Европы. Будут экспонированы произведения искусства XIX и XX веков.

О реставрации памятников старины много пишут, много спорят — нынче она вошла в нашу жизнь, соединила прошлое с настоящим и настоящее с будущим, обогатила нас духовно. У нее много аспектов, и, наверное, случаются тут ошибки. Но как часто дарит нам реставрация неуловимое чудо — встречу через века. Встречу поколений. Встречу художников — пусть разновеликих и все же одаренных равным пониманием искусства, равным притяжением к нему. Так возрождается прекрасное, оно возвращается к людям.

Недавно были открыты и показаны посетителям залы Рундальского дворца. Рундале стал еще одним культурным центром Латвии, новым туристским маршрутом. Любознатцы искусства проложили еще одну народную тропу к прекрасному. И были эти часы звездными для Иманта Ланцманиса, латвийского художника, реставратора зодчества Растрелли.

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО. МЕРЫ ПРИНЯТЫ.

Сообщаем, что факты плохого бытового обслуживания, изложенные в письме Муравлевых, подтвердились. В настоящее время телевизор «Фотон-714» отремонтирован и претензий со стороны Муравлевых не имеется.

В коллективе завода по ремонту сложно-бытовой техники проведено собрание об улучшении обслуживания населения, заключившего договор на абонементное обслуживание. Дополнительно выделен грузовой мотороллер и решается вопрос о выделении автомашины.

За допущенную волокиту в ремонте администрация управления принесла извинения тов. Муравлевым.

В. М. ХАЙМЕНОВ,
начальник городского производственного управления бытового обслуживания населения

Энгельс, Саратовской обл.

Исполком Октябрьского районного Совета народных депутатов сообщает, что жалоба читателя «Огонька» В. Д. Репухова рассмотрена. Силами ЖЭУ-4 в июле этого года произведен ремонт кровли.

Председатель исполкома
В. Н. РЕУНОВ

Ставрополь.

Кировское областное агентство «Союзпечать» сообщает, что журнал «Огонек» №№ 27, 28, 29 тов. В. Н. Подшивалову вручен с опозданием по вине работников Шабалинского узла связи.

Сейчас журнал доставляется подписчикам своевременно.

Н. В. КУДРЯВЦЕВА,
заместитель начальника областного агентства «Союзпечать»

Киров.

Вопрос о реставрации памятника гренадерам, погибшим под Плевной, о котором писал П. М. Дунаев, рассматривался в исполкоме Моссовета. Проведение реставрационных работ поручено Главному управлению культуры Мосгорисполкома. Проект, разработанный Всесоюзным объединением «Союзреставрация», рассматривался на Художественном совете ГлавАПУ г. Москвы и в настоящее время находится на согласовании в Министерстве культуры СССР.

И. Н. ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
начальник управления внешнего благоустройства и озеленения ГлавАПУ

* * *

Саратовский обком КПСС сообщает, что письмо тов. П. С. Казарина о неправильном расследовании происшедшего с ним несчастного случая рассмотрено отделом химической и газовой промышленности обкома КПСС совместно с отраслевым обкомом профсоюза и производственным объединением «Нижневолжскгеология».

По требованию технической инспекции труда Саратовского обкома профсоюза акт о несчастном случае с тов. Казариным квалифицирован как связанный с производством и вручен пострадавшему 16 июля 1983 года.

В настоящее время тов. Казарин работает слесарем контрольно-измерительных приборов на базе экспедиции.

За некачественное расследование и неправильное оформление документации главному инженеру экспедиции К. А. Рахимову объявлен выговор, а его заместителю по технике безопасности Ю. Т. Чурилову — строгий выговор.

Г. АНФИНОГЕНТОВ,
секретарь Саратовского обкома КПСС

* * *

В ответ на письмо редакции «Огонька» сообщаем, что комсомольская организация Горбовичской средней школы Чаусского района установила шефство над Алешей Евдокимовым, который длительное время находился на лечении в Рестянской участковой больнице.

А. РАЗУМОВ,
секретарь Могилевского обкома ЛКСМ Белоруссии

БИБЛИОТЕКА ПРИЕХАЛА!

Обычные небольшие автобусы, только вместо пассажиров — книги. Эти «библиобусы», как их быстренько прозвали, по строгому графику объезжают небольшие деревни Вологодчины. Ждут их с нетерпением. Особенно мальчишки: пылят вслед машине по сельским улицам, оповещая всех криками: «Библиотека приехала!» Немного позже подходят взрослые, а в дома, где живут старики, библиотекарь сам занесет заказанную литературу и заберет прочитанную. Даже в плохую погоду, когда сельские дороги раскисают напрочь, книга непременно доходит до читателя: в таких случаях библиотекари добираются до отдаленных сел с торбочкой.

— В нашей Вологодской области люди увлекаются чтением,— рассказывает заместитель директора областной библиотеки Лидия Михайловна Воробьева.— И мы помогаем районным и сельским коллегам: даем консультации, высылаем каталоги. Устраиваем и книжные выставки по заказанным темам — в прошлом году их прошло двадцать шесть. Есть у нас межбиблиотечный абонемент, который высылает литературу по заявкам в районы.

Областному книжному хранилищу более шестидесяти лет. В суровом 1919 году, разместившись в здании бывшего дворянского собрания, она обслужила 2600 читателей. Теперь, конечно, все по-иному. И здание новое построили и читателей стало неизмеримо больше. Неизменно у здешних сотрудников одно — любовь к своему делу, самоотверженность.

В библиотеке более тысячи томов, изданных в XVI—XVIII веках: Овидий, Вольтер, Кантемир, Новиков, сборники указов Петра I и Екатерины II. Здешние каталоги запрашивали, например, в Болгарию, а недавно прислали заявку из Англии — из Оксфордского колледжа.

По данным статистики — науки, которая знает все,— на Вологодчине пользуются массовыми библиотеками около шестидесяти процентов населения.

...Более тридцати лет назад приехала на практику в село Кубенское Клавдия Николаевна Баринова, да так и осталась там. Последние годы она заведовала централизованной библиотечной системой Вологодского района и лишь недавно ушла на пенсию.

— Единый книжный фонд,— рассказывала Клавдия Николаевна,— дает возможность каждой сельской библиотеке, каждому желающему получить книгу, поступившую в центральную библиотеку.

Десятый год работает в Сосновке Татьяна Борисовна Ордина. Библиотека здесь не очень большая, но хорошо подобрана, стенды оформлены с любовью. Сосновка — поселок мелиораторов, которые спозаранок уезжают в поле и поздно возвращаются. Поэтому рано утром спешит Татьяна Борисовна в контору: рассказать о книжных новинках, познакомить с новым в мелиорации, с передовым опытом.

И. МИХЕЕВА

Вологодская область.

Трасса великой дружбы

И. МЕСХИ,
фото И. ТУНКЕЛЯ

ИЗ ТБИЛИСИ В ГЕОРГИЕВСК

И покатилась перед глазами Военно-Грузинская дорога от самой в общем-то нулевой отметки — от подъезда Министерства автомобильных дорог,— а оно на выходе из Тбилиси. И, оставив позади Мцхету, пройдя Жинвали с разворотившей все ущелье стройкой ГЭС, пошла выше, в горы... Тут одна забота: как бы сдержать руку, не впасть в безудержное цитирование порожденных этой дорогой литературных шедевров. Но можно ли удержаться, если несется навстречу белопенная Арагви, на берегу которой сидел однажды Пушкин, и было ему тут «грустно и легко». А выше, на Крестовом перевале, так и видишь его, слагающего строки: «Кавказ подо мною. Один в вышине...»

Одна в вышине теперь реставрированная хижина Батиа Бидарашвили, крестьянина, которого поселили тут власти в 1787 году с тем, чтобы он в особую мглу звонил в колокол, предупреждал путников о снежных обвалах и давал им приют от непогоды. И он делал это — не только он, но и его дети, внуки, правнуки и праправнуки — чуть ли не до наших дней, до 1941 года.

В этот «скудный приют» заглядывал Печорин, то бишь Лермонтов, двигаясь на перекладных из Тифлиса. Если же проехать еще дальше, то над утонувшими в ущелье облаками обнажится могучий утес Гуд-горы, те самые места, где Демон увидел свою Тамару.

Пора остановиться? Нет, еще немного. Ведь у дороги двустороннее движение! И если шли друзья с Севера, то шли друзья и на Север...

Высоко на склоне Казбека зияет дырой и гремит бог знает какой старины цепью реальная Бетлемская пещера, в которую Илья Чавчавадзе воображением своим поселил отшельника-страстотерпца, напрасно покинувшего мир, полный наслаждений и борьбы. Илья Чавчавадзе, написавший много прекрасных стихов, в том числе и поэму «Отшельник», был демократом-реалистом, последователем русских шестидесятников.

Много лет пастушил в этом ущелье Александр Казбеги. Он был высокообразован, однако поселился в своем родном селении, чтобы жить, как все горцы, и писать о них правду. Сидел он однажды в своих пастушьих доспехах у дороги. Подошли два французских буржуа, споря между собой о достоинствах овец и ценах на шерсть. Александр Казбеги вмешался в разговор на языке приезжих. «Как?! Вы говорите по-французски?» — опешили они. «У нас каждый пастух говорит по-французски!» — ответил гордо Александр. То была, конечно, горькая шутка...

Поставлен грузинскому классику памятник в селе Казбеги, где он похоронен. Тут же памятник Пушкину, который сказал доброе слово об этом селе в своем «Путешествии в Арзрум». Сегодня на дороге встретит путников несколько сурового вида гостиница в гудаутских горах. А на высоком утесе — полудиорама с росписью способом архисовременной химии, но в стиле древнегрузинской перегородчатой эмали. Встретят нарядные родники, новенькие автобусные остановки, смотровые площадки, наконец, гостеприимный «Грузинский духан», вещь весьма полезная в пути.

Дорога хлопочет, украшается, готовится к торжеству. И повод для него такой теплый, такой значительный: 200 лет, как между Россией и Грузией заключен Георгиевский трактат — дружеский договор на вечные времена.

Что бы ни было после заключения трактата — а позже было и хорошее, и неприглядное, и разное,— этот дружественный договор приостановил процесс физического истребления грузинского народа агрессивными соседями с Востока, прекратил внутренние распри и послужил хорошим прологом к тому, что мы сегодня бережем как зеницу ока: единству и братству народов.

А началом всему этому был путь по Военно-Грузинской дороге в Георгиевск, в русскую степную крепость на реке Подкумок.

Проследуем и мы спустя 200 лет по этому пути.

У ПОДНОЖИЯ КАЗБЕКА

Казбеги — последнее, самое северное село Грузии. А если со стороны России — первое грузинское село. Оно всегда было главным, верховодило мохевцами, то есть грузинами, населяющими это хеви (ущелье).

Во времена заключения Георгиевского трактата старшиной тут был незаурядных способностей и дружеского характера горец Габриэл Казбеги. Его очень ценил грузинский царь Ираклий II, уважали русские власти, прислушивались к нему северные народности за пределами хребта. Сохранились письма царя, в которых тот просит Габриэла привести в порядок тропы и мостики на Тереке для прохода русских солдат. Или, скажем, в другом письме — снестись с осетинами, живущими вдоль Терека на равнине, и попросить их тоже исправить дороги. Габриэл все это делал, он был убежденным сторонником укрепления русско-грузинских отношений. Когда Ираклий II умер, один из его неверных сыновей, Александр, ушел в Иран с целью разрушить связи своей родины с Россией. Он понимал, что Габриэла, хозяина Дарьяльских ворот, надо перетащить на свою сторону. Ни увещевания, ни угрозы не помогали. Александр послал отряд убить Габриэла и завладеть ключами от ворот. На защиту позиций Габриэла стали мохевцы, терекские осетины, вышел из Владикавказа русский отряд. Авантюра предателя провалилась. Так что отнюдь не так просто было здесь после обмена витиевато дружескими письмами между монархами Екатериной II и Ираклием II о заключении Георгиевского трактата. За согласную жизнь народов предстояло бороться самим народам...

...Итак, районный центр Казбеги. Воздух как дыхание младенца, под скалой Терек скачет по валунам. Прямо посмотришь — старинный монастырь на горе, «как в небе реющий ковчег». Выше голову — до шапки Казбека рукой подать. И село само какое-то ладное, хорошо «причесанное» и умытое. Спрашиваю секретаря райкома партии Джумбера Владимировича Гомиашвили: есть ли проблемы. Есть. И среди них — миграция молодежи в города.

— Правда, сейчас это дело чуть приостанавливается,— признает секретарь,— дорожники получили хорошую технику и расчищают от снега Крестовый перевал. Так что не заперты мы тут в зимние месяцы. Потом телевидение появилось, в каждом доме — экран. Еще стараемся производство наладить...

Он повез нас в камнерезный цех и показал строительство камнерезного завода, где будут обрабатываться облицовочные камни. Хорошее занятие для мужчин.

В ущелье Сно мы увидели, как каналом отвели, попросту прижали к горе маленькую речушку-вертихвостку, приток Терека. И освободили 35 гектаров, чтоб засеять их кормовыми травами. С кормом для скота сейчас плохо. Страдают овцы. Двести тысяч их сейчас в районе. Это много. Чабанов не хватает.

Я слышала, как в воскресенье на чабанском празднике ораторы произносили речи, славили профессию, награждали лучших. Трибуна была увита рододендронами. На кумачовой ленте игривый призыв: «Горам так же идут овцы, как красивой женщине — родинки...»

Разговор об овцах продолжился на высокогорном Казбегском стационаре Института ботаники Академии наук Грузинской ССР. Продолжился он на высоких тонах. Здесь сидела молодежь, облазившая все эти склоны и настроенная решительно: пастбища в очень плохом состоянии, овцы вытаптывают склоны, начались осыпи. Выход? Выход один — чередование кормовых сезонов. На несколько лет надо полностью вывести отсюда скот в другие регионы республики.

Джумбер Гомиашвили, партийный секретарь, слушает молодежь, не спорит. Он тоже ученый и тоже молодой. Родом отсюда, окончил в Тбилиси сельскохозяйственный институт, три года занимался в аспирантуре, в Москве, стал кандидатом наук. Когда же вернулся в тбилисский институт, его направили к родным пенатам на партийную работу.

— Если я тут хоть одному человеку принесу пользу!.. А в Тбилиси ученых много...

А хотите, я сейчас познакомлю вас с Вовой Гигаури?— неожиданно предложил секретарь.

Через некоторое время мы увидели человека в испачканных строительной краской джинсах. Да, он москвич, медик. Сейчас дали отпуск, и вот он в Казбеги, на родине предков.

Потом у нас был разговор с врачами местной больницы.

— Видите ли,— втолковывал мне Владимир Спиридонович Гигаури,— мы под руководством Бориса Васильевича Петровского работаем с искусственным сердцем на бычках. Теперь выясняется, что в условиях высокогорья у животных в крови эритроцитов гораздо больше, следовательно, они легче переносят искусственное кровообращение. К тому же коллеги подсказывают мне, что здесь во время операций почти исключаются случаи инфицирования ран. Хорошо бы в таком месте, как Казбеги, открыть филиал нашего центра и оперировать здесь на бычках. Можно помечтать?

Только потом я узнала, что Владимир Спиридонович — заслуженный изобретатель РСФСР, доктор медицинских наук, профессор, руководитель отделения экспериментальной хирургии Всесоюзного научного центра хирургии Академии медицинских наук СССР.

После этого мы «пошли на снижение» в Дарьяльское ущелье. Все так же, как описывалось в классической литературе, бесновался Терек. Скалы тоже не раздвинулись с той поры. Но не о том хочется сейчас говорить. Вспомнилась хижина Бидарашвили на Кресто-

●

Панно «Россия и Грузия». Художники О. Кочакидзе, А. Словинский, Ю. Чикваидзе * Центр города Георгиевска * Фрагмент монумента «Дружба навеки» в Москве, посвященного 200-летию породнения Грузии с Россией.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: «Твой монастырь за облаками, как в небе реющий ковчег». А. С. Пушкин (Грузия, Казбегский район) * Ремонтируется участок дороги «Пронеси, господи!» * Северная Осетия. Село Дзуарикау. Памятник семи братьям Газдановым, павшим на фронтах Великой Отечественной войны.

1941-1945 г.г.

вом перевале, вспомнился Габриэл Казбеги, озабоченный починкой дороги, хотя дороги в нашем теперешнем понимании и не было тогда. Не было и такой нагрузки: по четыре, а то и пять тысяч автомобилей в день!

То, что мы здесь увидели, походило на кромешный ад. Место, которое прозвано народом «Пронеси, господи!» — участок дороги, примерно с километр, глубоко внизу, на скалах, люди ставили бетонные опоры, на них — столбы, на столбы — железобетонные мостовые балки. Полотно дороги расширялось. Но сейчас ни повернуться было, ни пройти. А движение тоже не остановишь: сверху напирают и гудят (в том числе и мы!), снизу подпирают и гудят — «Волги», МАЗы, ПАЗики, рефрижераторы, автобусы с туристами, «Запорожцы», «Жигули»...

Работы ведет дорожно-эксплуатационный участок № 27 того самого министерства, от подъезда которого мы начали путь. Красная машина с надписью «дорожно-линейная служба» контролирует Военно-Грузинскую дорогу от Крестового перевала до города Орджоникидзе. И носится в машине начальник ДЭУ инженер Гиви Васильевич Хартишвили, сам мохевец, начинал здесь мастером, работает 17 лет. Снег выпал — надо мчаться на перевал. Дождь пошел ночью — вставай и проверь, на месте ли люди, не завалило ли дорогу сползшими камнями, не набезобразничал ли Терек. Так, днем и ночью в напряжении и тревоге, в пересменку с главным инженером ДЭУ Нугзаром Николаевичем Беридзе. И малой доли подобного не испытывают дорожники на спокойных, равнинных путях...

Поздно вечером по широкой нарядной Тбилисской улице (построило городу дорожно-эксплуатационное управление № 27!) въехали в столицу Северной Осетии.

НЕМНОГО ПО СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Орджоникидзе — столица Северной Осетии — выглядит респектабельно. Терек, выкатываясь с казбекских высот на равнину, все еще рычит и делит город, как саблей, на две половины. Не будем свысока относиться к старой половине, как некоторые пишут, «приземистой» и «уходящей в прошлое». Во-первых, она все время обновлялась и пополнялась. А разве мало в ней прелестного от старого Владикавказа, где работал газетчиком Сергей Киров, где вырос Евгений Вахтангов?

Излишни и особые восторги по поводу левобережных новых застроек, хотя в общем-то не в пример многим другим городам они здесь не выглядят флюсами. Некоторые общественные здания, например, университет, украшают город. Гостиница «Владикавказ» на берегу Терека, по соседству с красивой суннитской мечетью, просто хороша. А гостиница, согласитесь, показатель культуры.

Но вот о чем нельзя говорить без волнения — это о новом здании научной библиотеки имени Кирова: вкус и размах, национально, современно, удобно, забота о читателе, прекрасный персонал сотрудников (книжный фонд 1 200 000 книг). Видел бы такое Коста Хетагуров, чья жизнь была переполнена непреходящей болью за бедный свой, сирый и нищий народ!

В городе много заслуживающих внимания промышленных предприятий. Но, поняв, что необъятного не объять, мы избрали одно, с экзотическим названием «Казбек» — честно говоря, привлекло оно. Оказалось, большое производственное мебельное объединение. Причем мебель выпускает особую, специализированную, для медицинских целей. Дело это в нашей стране молодое, нет ему и двадцати лет. До этого использовали в больницах обычную, бытовую мебель, но она и дороже и неудобнее. А «Казбек» проявил предприимчивость. Сейчас в стране уже шесть подобных предприятий, но орджоникидзевское — во главе, выпускает 70 процентов всех этих беленьких столиков, тумбочек, диванчиков и шкафчиков, даже за границу их отправляют. В этом смысле объединение — явно Казбек, то есть на высоте.

Но вот Казбулат Харитонович Карсанов, генеральный директор «Казбека», ведет нас куда-то с таинственным видом. Анфилада комнат: что-то вроде маленькой Третьяковки? Портреты, живопись, графика, скульптура. Люди будто знакомые, кажется, только что их видели. Так и есть: портреты рабочих этого объединения. А делали их профессиональные художники Северной Осетии. И по всему видно: мастера не последней руки.

Директор говорит:

— Невозможно уже смотреть на стандартные стенды с плохими фотографиями передовиков. А такое — на всю жизнь. И знаете, что тут бывает по воскресеньям? Приходят семьями, показывают детям, родственникам. Художники делали все это не за рубли. Единственно, чем мы их смогли отблагодарить,— присвоили звание лауреатов нашей премии.

Вот тут снова вспомнился Коста Хетагуров, который не только поэтом был, но и первым осетинским живописцем. Еще в начале века ходил он под этим небом. Сколько же с тех пор произошло здесь и радостного, и страшного, и удивительного...

В годы революции здесь был убит во время митинга первый предсовнаркома Терской республики Ной Буачидзе, расстреляны 17 тысяч раненых красноармейцев. На этом месте воздвигнут гранитный обелиск. Невдалеке — надгробие над могилой дважды Героя Советского Союза, Героя Монгольской Народной Республики генерала армии Иссы Плиева. Кстати сказать, 60 героев Советского Союза, 45 генералов и адмиралов дала маленькая Северная Осетия стране.

Едем по дороге на Алагир, чтоб посмотреть чудесный памятник с журавлями. Село Дзуарикау. Отсюда ушли на войну семь братьев Газдановых и сложили свои головы в схватке с врагом. Фигура матери. Над ней будто пролетают семь ширококрылых птиц... А совсем недалеко, у селения Гизель, стал у дороги навечно двадцатидвухлетний Петр Барбашев, новосибирский паренек, Герой Советского Союза. Он погиб здесь, за город Орджоникидзе, закрыв собой амбразуру вражеского дзота.

Не прошли фашисты в город Орджоникидзе. Два клина — алагирский и у эльхотовских ворот — затупились тут. Канули для захватчиков Военно-Грузинская и все, что мерещилось за нею...

И вот теперь в этих же самых местах, у Алагира, идут завершающие работы перед открытием новой Транскавказской автомагистрали через Рокский перевал. Так что Военно-Грузинская вздохнет немного от своего немыслимого напряжения.

В селе Зильги уже почувствовалось приближение соседней республики. Первый секретарь Правобережного райкома партии Сахангери Хангериевич Дзуцев и председатель колхоза Казбек Владимирович Дзугаев принимали гостей из кабардино-балкарского колхоза «Красная Нива». Интерес соседей вызвал только что пущенный цех по приготовлению жидких дрожжей.

— Он обеспечит белком дойное стадо всего района,— объяснял Дзугаев.

НАЛЬЧИК

В музее сказали: Нальчик значит «маленькая подкова». И правда, весь городок как в подкове, в полукружье гор. Он напоен ароматами всего растущего, цветущего или отцветающего, особенно в его долинной, курортной зоне.

Проезжаем мимо большого производственного здания. Наверху аршинными буквами — «Телемеханика». Невдалеке другое большое производственное здание. Такая же внушительная надпись — «Горянка». Телемеханика — это, конечно, современно. Известно, что нальчикская «Телемеханика» поставляет большие системы и комплексы для автоматизированного управления крупными промышленными объектами, нефте- и газопроводами и так далее и тому подобное. А что кроется за «Горянкой»? Зашли и не пожалели. Красивые национальные ковры. Ручная работа. Директор «Горянки» Агнесса Хабасовна Хамбазарова из тех, о которых говорят: женщина очаровательная, деловая. Правда, с оттенком металла в голосе. Спрашиваем: откуда этот «металл»? Отвечает: наверно, потому, что мама ее была первой кабардинкой, получившей в Пятигорске высшее педагогическое образование. Может быть, и так. Потому что к сему тотчас вспоминается полученная в Кабардино-Балкарском обкоме партии информация: в 1925 году впервые были направлены отсюда в рабфаки и вузы страны десять молодых людей. А сейчас? Сейчас в Нальчике десять тысяч своих собственных студентов...

Главная художница «Горянки» — заслуженный художник Кабардино-Балкарской АССР Лидия Ивановна Беляева. Про таких говорят: работает не разгибая спины. Попала она в Нальчик из знаменитого Семенова. Вот так органично вошли хохломские узоры и растворились в тонком кабардинском рисунке.

А «Телемеханика» — все же великолепная вывеска для республики, где в недавнем прошлом лишь шили бурки и делали седла. Но разве республика славна только телемеханикой? Здесь выпускают и высоковольтную аппаратуру и нефтепромысловое оборудование, добывают в горах вольфрам и молибден. Занимаются и многими другими полезными делами. Ну, хотя бы лечат людей от недугов в санаториях и домах отдыха. Обслуживают туристов и альпинистов на базах отдыха и в знаменитом Приэльбрусье. В том, что все мы сейчас на равных,— великий смысл нашего социалистического сообщества. В том, что с превеликим удовольствием слушаем талантливого дирижера народного артиста Советского Союза Юрия Темирканова, что читаем и любим прекрасную поэзию Кайсына Кулиева, что руководит Высокогорным геофизическим институтом под Эльбрусом замечательный ученый — географ, геофизик, альпинист Михаил Залиханов, с которым, увы, не удалось увидеться: отсутствовал...

Вечером мы сидим у поэтессы Танзили Зумакуловой в ее скромной квартире на 9-м этаже. Отсюда виден весь Нальчик. Не видны, к сожалению, Эльбрус и Баксанское ущелье, не виден аул Гирхошан, в котором она родилась и выросла. Судьба сначала сложилась для Танзили горько, несправедливо. Ей, девчонке, пришлось воспитывать и ставить на ноги семь братьев. Образованность пришла позже, через горы самостоятельно перелопаченных книг, через запоздалые, но крепко вросшие в ум и сердце постижения. А дар поэзии горел в ней изначально, зажженный далекими, никому не известными слагателями горских балкарских песен. И получилась умница-поэтесса, не роняющая слов на ветер, заслужившая большую известность в стране,— лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького.

ЗДРАВСТВУЙ, ГЕОРГИЕВСК!

Пусть это из области чувств, но почему-то приятно, что перед самым Георгиевском встречает тебя станица с симпатичным названием Незлобная. И колхоз называется «Великая дружба». В последний год перед юбилеем в Георгиевск зачастили грузины. Едут трудовыми коллективами, артистическими бригадами, едут семьями: любопытно посмотреть! В городе открылся универсальный магазин с грузинским названием «Иверия». Товары сюда поставляют горийские торговые организации (Гори и Георгиевск — города-побратимы). Тбилисцы помогают организовать экспозицию городского музея, посвященную Трактату...

О Георгиевске хочется сказать самые добрые слова. Сколько на нашей земле таких небольших — не более семидесяти тысяч населения — городков, которым и похвастать вроде нечем, ничего экзотического, бросающегося в глаза. Как и везде, что-то нужное, полезное производится на предприятиях. Как и везде, новые жилые кварталы и довольно хорошо организованный современный центр. Но вглядитесь в историю — в историю очень полезно вглядываться! — сколько этот городок видел, чего только не пережил...

Сначала крепость (1777 год) у слияния Подкумка с Кумой. Крепость № 4 из десяти задуманных Екатериной в качестве южной оборо-

●

Директор Нальчикского коврового комбината А. Х. Хамбазарова * Традиционный осенний праздник чабана в ущелье Цно Казбегского района * Грузинское народное конноспортивное состязание.

нительной линии. Инспектировал строительство сам Александр Суворов. Назвали крепость Георгиевской.

Естественно, возник подле крепости городок. В Георгиевске начал свою военную карьеру Н. Н. Раевский, герой Бородинского сражения. Был он тут командиром полка. И в Георгиевске родился у него сын, Александр, друг Пушкина. Направляясь в Тифлис и Арзрум, Пушкин начал тут свои путевые заметки. Лермонтов бывал здесь неоднократно. Последний раз — в мае 1841 года.

В 1905 году на короткое время образовалась «Георгиевская республика». Конечно, подавили каратели. 1917-й, демонстрация в поддержку пролетарской революции, в Народном доме выступления Кирова, Орджоникидзе, Буачидзе. Провозглашается Советская власть. Из рабочих чугунолитейного завода создан отряд, который влился в ряды 11-й Красной Армии, а она пошла отсюда сперва в Царицын, потом в Закавказье, в том числе и в Грузию — помочь грузинским большевикам освободить республику от меньшевистской власти. Значит, единство было у георгиевцев и тбилисцев в острые для них времена!

В Георгиевск тем временем ворвались деникинцы, учинили расправу. В центре города сегодня стоит обелиск «членам РКП(б), рабочим и крестьянам, борцам за коммунизм, павшим от руки бандитов». Обелиск сделан и поставлен 7 ноября 1922 года рабочими чугунолитейного завода.

Директором этого завода (сейчас он называется арматурным) в предвоенные годы был Иван Дмитриевич Чугурин, которого Ленин называл «превосходным партийцем» и из рук которого принял свой партийный билет.

...Великая Отечественная. С августа 42-го по январь 43-го здесь — убийства, разрушения, поджоги, насилие. Фашисты замучили в городе две с половиной тысячи человек.

Хоть и мал городок, но все время в водовороте событий. И сегодняшний день его можно увидеть в отражении дел арматурного. Это, по сути, как бывший Путиловский для Ленинграда.

И все же вернемся к тому, что привело нас сюда.

На улице Красноармейской, вблизи от чудом сохранившейся деревянной Никольской церквушки, был найден ветхий бревенчатый дом. Установили, что тут находилась штаб-квартира генерал-поручика Павла Потемкина (родственника екатерининского фаворита Г. А. Потемкина-Таврического). Дом этот сейчас отреставрирован и готов к встрече с посетителями.

18 июля 1783 года в Георгиевскую крепость вошли со свитой посланцы царя Ираклия II — князья Иоанн Багратион-Мухранский и Гарсеван Чавчавадзе, впоследствии ставший представителем грузинского царя при русском дворе (кстати, дед Нины Грибоедовой!).

Спустя несколько дней, 24 июля, в штаб-квартире Потемкина был подписан трактат. Подпись со стороны России поставил Потемкин, Багратион и Чавчавадзе подписались со стороны Грузии.

1783 г. октября 13. ИЗ ОПИСАНИЯ ТОРЖЕСТВ ПО СЛУЧАЮ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА, ПРОИСХОДИВШИХ В ТИФЛИСЕ, 20 авг. 1783 г.

«В вечеру царский дом был иллюменован, а в рядах, составляющих главные улицы со сводами, в городе все лавки отперты... Перед каждой почти лавкой была азиатическая музыка, песни... и плясание. Народ ходил по сим улицам с изъявлением великой радости толпами, что продолжалось вовсю ночь...»

* * *

Если мчаться на «Волге» от Тбилиси до Георгиевска (или обратно) без остановки, можно домчаться за 8 часов: Грузия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, российский Ставропольский край.

Если пустить машину Времени на 200 лет назад, память заставит преодолеть глыбу истории... Но почему, прикоснувшись к ним даже мимолетно, не ощущаешь такой уж дальней дали времен? Да потому, что не менялись сердца, ум и чувства людей. И потому мы до сих пор чтим наших предков, связавших нации нитями дружбы, и говорим им сегодня: СПАСИБО!

Цезарь СОЛОДАРЬ

СИОНИСТЫ ТОЖЕ «В СТОРОНЕ»

Работа ЦД могла бы в известной мере и впрямь закипеть, если бы к нацистским архивам проявили интерес, скажем, безусловно уж дружественные США службы международного сионизма, если бы последние действительно стремились вывести на чистую воду укрывшихся от заслуженного наказания нацистских палачей еврейского населения оккупированных стран.

Припрятанные в Западном Берлине документы могли бы раскрыть, например, весьма существенные подробности «материальной аризации» — так нацисты именовали присвоение «арийскими владельцами» собственности брошенных в концлагеря немецких граждан еврейского происхождения. Кульминационным моментом «аризации» стала печально знаменитая «хрустальная ночь» 1938 года — зверский фашистский погром, завершившийся жестокой расправой с десятками тысяч людей «низшей расы». «Хрустальная ночь» не только обогатила нацистскую партийную кассу и многих предприимчивых штурмовиков, но и положила начало беспощадному геноциду в отношении «неарийцев».

Но сионисты обходят стороной ЦД с первого же дня его основания. Нечему тут удивляться: сионизму совсем не на руку обнародование документов, раскрывающих детали кровавых антисемитских акций нацистской верхушки. Несомненно, тут же всплывут на поверхность неизвестные доселе факты сотрудничества Леви Эшкола, Бен-Гуриона, Моше Шарета, Хаима Вейцмана и многих других идеологов сионизма с Гиммлером и его подчиненными, верховодившими в четвертом департаменте РСХА. Вдруг да обнаружатся во «взрывоопасном» архиве покрытые понамест мраком неизвестности договоры о «купле — продаже» между нацистами и сионистами. В таких договорах, как установлено, было оговорено предоставление за немалую денежную мзду и услуги разведывательного характера возможности нужным сионизму людям выезжать из Германии и оккупированных гитлеровцами стран в Палестину. Уже тогда сионисты очень дорожили свежими кадрами колонизаторов, «осваивавших» отобранную у арабов землю.

А теперь очень уж не хочется международному сионизму излишними архивными изысканиями портить отношения с теми влиятельными западногерманскими дельцами, чьим сегодняшним миллионным богатствам когда-то дала путевку в жизнь «материальная аризация». Чего доброго, обидятся бывший гестаповец Рис, бывший гауптштурмфюрер Гетц, бывший штурмфюрер Тауберг, бывший штандартенфюрер Бехер и прочие бывшие гестаповцы и эсэсовцы — ныне влиятельные банковские и торгово-промышленные деятели ФРГ. Чего доброго, подкинут они правительству мыслишку: а не пора ли реально «подвести черту под прошлым» и аннулировать заключенное Аденауэром соглашение с Израилем о выплате репараций жертвам фашизма? Это сильно ударило бы по израильской казне, куда уже долгие годы текут марки, цинично «компенсирующие» убийство евреев в гетто Минска и Праги, Киева и Будапешта, Риги и Бухареста, во всех фашистских лагерях смерти.

Вот вкратце каковы — далеко не все! — ощутимые причины, по которым сионистам невыгодно заглядывать в буннера ЦД. Даже западноберлинские службы и организации сионизма (а им рукой подать до целендорфских вилл) — и те вроде бы забыли о существовании ЦД. Возглавляемые видным деятелем международного сионизма Хейнцем Галински, они притворяются наивными. Не понимают, дескать, какое огромное число конкретных виновников геноцида в гитлеровских концлагерях можно было бы разоблачить на основании скрытых в ЦД нацистских документов.

Нешуточные причины опасаться обнародования архивов ЦД имеются и у экс-премьера Бегина. Неприятные личные причины!

Не будем останавливаться на таких «мелочах», как постыдная роль основанного Жаботинским и близкого Бегину «Союза ревизионистов-сионистов» в налаживании контактов с гитлеровцами. В тридцатых годах Бегин руководил наиболее экстремистским детищем сего союза — молодежной ультрасионистской организацией «Бетар». Орудуя среди еврейской молодежи Польши, Литвы, Чехословакии, «Бетар» все откровенней скатывался к профашистским идеям и методам как к вернейшему, с его точки зрения, средству полной колонизации Палестины силами переброшенной туда из Западной Европы еврейской молодежи. Не случайно единственная при гитлеровском режиме еврейская газета «Юдише рундшау», орган просионистского «Имперского представительства евреев Германии», с большой похвалой отзывалась о «Бетаре».

Убийственным для сионистской верхушки было бы раскрытие тесных контактов террористических отрядов «Иргун цваи леуми», которыми Бегин руководил в Палестине с 1943 года, с нацистскими службами. К этим реакционнейшим бандам в полной мере относится заявление XVI съезда Коммунистической партии Израиля: «После того, как в Германии пришел к власти Гитлер, между сионистскими руководителями и гитлеровской властью осуществлялись контакты и связи... И в годы второй мировой войны сионистское руководство искало пути к нацистским главарям для реализации целей сионизма за счет еврейских народных масс». Действительно, заливая потоками крови арабские деревни в Палестине, «бесстрашные легионеры» из отрядов «Иргун цваи леуми» одновременно выкупали у нацистов еврейскую молодежь и засылали ее в Палестину. Зато к воплям порабощенных евреев пожилого возраста из оккупированных гитлеровцами стран подчиненные Бегина оставались преступно равнодушными: им ведь не нужна была, как цинично выразился Хаим Вейцман, «человеческая пыль», им требовались только физически крепкие, специально подготовленные молодые люди, готовые «без лишних нежностей» изгонять арабов с их земель. Требовались, конечно, и те евреи любого возраста — пусть самого преклонного, — которые давали сионистам обязательства отдать свои деньги и ценности, хранящиеся в банках Швейцарии и других нейтральных стран.

И уже совсем нежелательно сионистам обнародование документов о поездке делегатов «Иргун цваи леуми» к военно-морскому атташе фашистской Германии в Турции. Посланцы сионистских террористов просили у фашистского рейха помощи в создании на территории Палестины... еврейского государства на национальной и тоталитарной основе. А за такое содействие вышестованные Бегином иргуновцы обещали верой и правдой служить гитлеровцам, причем не только на Ближнем Востоке, но и на фронтах второй мировой войны.

Преемнику Бегина Шамиру, очевидно, тоже не по нутру обнародование документов об альянсе представителей сионизма и гитлеризма — ведь он теперь лидер блока «Ликуд». А основу блока составляют старейшие экстремистские группировки, наиболее активно вступавшие в коммерческие сделки по обмену депортированных в концлагеря евреев на валюту и боеприпасы, позорные сделки с Мильденштайном, Эйхманом, Хагеном и другими особо уполномоченными Гиммлера «по еврейским делам».

Сионисты всячески стараются оставаться в стороне от американского учреждения на целендорфских виллах, вроде бы оно и не существует. Такое махровое лицемерие особенно страшно, если вспомнить, что израильские судебные органы на практике могли убедиться, какое огромное значение имеют хранящиеся в ЦД документы для обличения даже самых известных нацистских преступников. Кому, казалось бы, неведомы тягчайшие преступления Адольфа Эйхмана! И все-таки когда палач евреев попал в руки израильских властей, они тотчас же обратились за дополнительными материалами в ЦД. Израильской прокуратуре были предоставлены необходимые подлинные документы «на вынос» — единственный случай в деятельности ЦД за тридцать восемь лет! Кто бы ни обращался в ЦД за материалами, получает только копии выдержек из подлинников.

Документы из нацистских архивов обильно цитировались в обвинительном заключении по делу Эйхмана и не раз фигурировали в ходе судебного разбирательства. Следовательно, кто-кто, а уж сионисты хорошо усвоили, как

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40—41.

много значат припрятанные в ЦД документы для точного и неоспоримого уличения нацистских преступников. Усвоили и... «забыли».

Заодно «забыли» вернуть предоставленные им на время судебного процесса документы. Впрочем, это только облегчило дирекции ЦД «кипучую» работу: теперь, ссылаясь на «забывчивость» израильских судей, она категорически отказывается предоставить подлинную документацию властям любой страны, даже считающейся в США «архидружественной». И директор ЦД Саймон гордится тем, что «после израильского казуса ни один оригинал документов не выносился из помещения архива».

Вашингтонские шефы отставного майора могут быть довольны: израильский порок наказан, американская добродетель восторжествовала! В выигрыше, правда, одни только укрывающиеся от возмездия нацисты, но Тель-Авив и Вашингтон это мало волнует.

АМЕРИКАНСКИЙ САПОЖИЩЕ И СИОНИСТСКИЙ САПОЖОК

Совсем по-иному расценивают «израильский казус» чуждые сионизму евреи. По их твердому убеждению, тель-авивские юристы не вернули документов, по-видимому, с одной только целью: дать дирекции ЦД и ее вашингтонским опекунам удобный повод окончательно закрыть доступ к нацистским архивам каждому, кто стремится обнаружить замаскировавшихся виновников фашистского геноцида в отношении евреев. Из многочисленных высказываний по этому поводу, слышанных мною среди граждан еврейского происхождения Чехословакии, Венгрии, ГДР, ФРГ, Бельгии, Голландии и других стран, приведу только одно.

Жительница Западного Берлина, жена бухгалтера, потерявшая в печах Дахау и Заксенхаузена двадцать восемь родственников, спросила меня:

— Вы не считаете, что израильские прокуроры с хитрым умыслом не возвращают на Клейаллее документы об Эйхмане? С очень хитрым и поганым умыслом. Вы так не считаете?— Не успел я ответить, как женщина уже укоряла меня: — Разве так можно! Конечно, в политике я разбираюсь меньше, чем в кухне, даже газету не хватает терпения прочитать, но все-таки выслушайте меня внимательно! По-моему, сами израильские юристы нарочно, вы слышите, нарочно подбросили американцам в Целендорфе хорошее средство, чтобы отказывать всем, всем, и большим сионистским организациям и маленьким еврейским общинам, не давать им никаких архивных справок, ни больших, ни маленьких. Пусть попробует сунуться на Клейаллее даже раввин из раввинов, у американцев готов ответ: «О чем вы говорите! Нам не вернули документы сливки израильской юстиции, а вы хотите, чтобы мы поверили какой-нибудь еврейской общине!» Вслух они, конечно, не добавят, но про себя подумают: «А вдруг нацист, которого вы разыскиваете, сейчас имеет собственное дело в Нью-Йорке или стал важной персоной в Мюнхене и дает кредиты израильским фирмам». Пусть придет на Клейаллее сам Галински, ему дадут кофе или чай с бисквитом, но ни одного документа он не получит!

Мужа моей собеседницы, видимо, смутило пренебрежительное отношение жены к имени главы западноберлинской еврейской общины, одного из руководителей просионистского «союза евреев ФРГ», издателя шовинистической газеты «Альгемайне юдише вохенцайтунг» Хейнца Галински. И бухгалтер, как и все западноберлинские евреи, знавший, каким подчеркнутым покровительством американской военной администрации пользуется Галински, назидательно заметил:

— Господину Хейнцу Галински не понадобится ходить на Клейаллее. Ему достаточно позвонить по телефону — и все пойдет как по маслу.

— Видели когда-нибудь наивненького взрослого ребенка?— встрепенулась жена бухгалтера.— Не видели? Так он перед вами.— И накинулась на мужа:— Господин Галински в сто раз умнее и хитрее тебя, и никогда он не заикнется о документах из бункера на Клейаллее, хоть внеси в кассу общины в сто раз больше шекелей! Он знает, что американцы сначала посмотрят на него как на сумасшедшего, которому приспичило испортить отношения западноберлинских сионистов с их друзьями из ФРГ. А если он заупрямится, ему просто откажут, как отказали бы мне или тебе. А потом над ним будут смеяться и у нас и в Дюссельдорфе.— Этот город жена бухгалтера упомянула, очевидно, потому, что там помещается «союз евреев ФРГ».— Ему в лицо скажут: ай-ай-ай, господин Галински, получается, что когда надо добраться до тех, кто сжигал наших родных, то даже вы пас!

Да, даже высокопоставленному сионисту пришлось бы спасовать перед администрацией ЦД. Женщина, разбирающаяся в кухне больше, чем в политике, оказалась, вынужден признать, дальновидней меня. Я-то в предвидении второй встречи с Галински (однажды мы уже беседовали) собирался просить у господина председателя общины содействия в получении от его «земляков» из ЦД папки с личным делом штандартенфюрера Курта Бехера.

Здесь уже говорилось о безнравственных, шкурных соображениях, по которым израильские власти и организации международного сионизма дали полную индульгенцию многим разгуливающим на воле непосредственным участникам истребления нескольких миллионов евреев в газовых печах лагерей смерти. Сионисты после казни Эйхмана свели почти до нуля розыск творивших геноцид нацистских преступников. Это все больше и больше становится очевидным для евреев на Западе и в социалистических странах.

Вот почему во многих письмах Антисионистскому комитету советской общественности можно встретить искренние слова возмущения позорной политикой и практикой сионизма, ставшего на путь всепрощения убийц. Пишут об этом читатели и мне.

«Пусть Менахем Бегин и его подручные,— негодует Борис Бригер из Киева,— в конце концов ответят, почему им наплевать на то, что в разных капиталистических странах припеваючи живут и наживают капиталы убийцы наших дедов и отцов, наших старших братьев и сестер, брошенных в детском возрасте в лагеря. Ведь у сионистов, как я слышал, есть даже собственный орган по розыску убийц еврейских людей. Чем там в конце концов занимаются?»

Есть у сионистов в Вене «еврейское бюро документации» (как видите, почти тезка американского ЦД в Западном Берлине), основанное и руководимое Симоном Визенталем. Чем занимается этот бывший гестаповский провокатор, обогащающийся на мнимых разоблачениях? Краткий, но исчерпывающий ответ дал бывший канцлер Австрии Бруно Крайский: «Визенталь разыскивает и шантажирует кого угодно, только не фашистских военных преступников, виновных, в частности, в истреблении евреев».

Как и руководители ЦД, Визенталь шумно рекламирует свободный доступ к материалам своего бюро. Но если Саймон допускает к своим архивам только отдельных представителей «считающихся в США дружественными» стран, то в бюро Визенталя вхожи только люди, дружественные лично ему самому. Поскольку я таковым не являюсь, моя попытка познакомиться с частной полицией Визенталя не увенчалась успехом.

Вот уже несколько лет Визенталь избегает встреч даже с журналистами буржуазной прессы, хотя в свое время обожал по любому поводу проводить пресс-конференции. Такой резкий поворот понятен: журналисты припирают псевдоразоблачителя к стенке настойчивыми вопросами о том, когда же наконец бюро документации сможет назвать имена разоблаченных его усилиями нацистских преступников.

Раздраженный такими неприятными для него вопросами, Визенталь однажды, как выразились потом его собеседники, сгоряча ляпнул: «Нацистские преступники придумали противоядие. Только заметят, что я сжимаю вокруг них кольцо, придумывают басни, как разные еврейские общества имели с ними какие-то контакты».

Что ни слово — ложь!

«Придумывают»? Зачем придумывать то, что давно и убедительно подтверждено архивными документами и без помощи ЦД? Связи сионистов с фашистами начались сразу же после прихода Гитлера к власти и продолжались до последних недель войны.

«Разные еврейские общества»? Эту лживую формулировку можно заменить абсолютно точной: с гиммлеровскими выкормышами договаривались представители ВСО (Всемирной сионистской организации) и созданного ею агентства Сохнут — того самого, что и поныне занимается заманиванием евреев в израильский ад.

«Какие-то контакты»? Нет, не какие-то, а вполне злонамеренные и предательские: перед войной и в первые годы войны — сделки о выкупе и переброске в нейтральные страны богатых сионистов и нужных для террористических операций в Палестине молодых людей, прошедших «ашкару» (военную муштру в сочетании с изнурительной трудовой стажировкой); в конце войны — посредничество в попытках нацистских бонз провести сепаратные переговоры с представителями США и Великобритании с тем, чтобы расколоть коалицию союзников.

Какое чудовищное нагромождение лжи в одной короткой фразе матерого провокатора! И все равно Визенталь, не желая того, наглядно показал, что пуще всего боится столкновений с гитлеровцами, способными приоткрыть завесу над кощунственными нацистско-сионистскими сделками.

Боится этого и кое-кто в Вашингтоне. Ведь в попытках Гиммлера и других приближенных фюрера расколоть антигитлеровскую коалицию и этим предотвратить полный разгром гитлеровского рейха некоторые сионистские эмиссары выполняли роль агентуры американских дипломатов и военачальников весьма высокого ранга.

Назовем Штернбуха, члена исполнительного комитета объединения раввинов США, и Музи, видного сотрудника американской службы ВСО. В ноябре — декабре 1944 года оба встречались сначала с гиммлеровскими посланцами, а затем и лично с Гиммлером в его поезде. Выступали они под псевдонимами представителей общества Красного Креста. Нетрудно себе представить истинное обличье этих «краснокрестовцев», если вскоре по поручению Гиммлера его соратник Шелленберг дал Музи особо секретное задание: узнать у генерала Эйзенхауэра, чего можно добиться от США и Великобритании взамен на «льготы» узникам концлагерей. И, спешно выполнив нацистское задание, Музи поспешил отрапортовать Шелленбергу: «Вашингтон реагирует на сообщение благосклонно».

Назовем и Гилеля Шторха, представителя ВСО и Сохнута в Стокгольме. Он помогал нацистскому эмиссару Хассе встретиться по поручению Гиммлера и Риббентропа с американцем Ольсеном, отрекомендовав его «правой рукой вашингтонской администрации по еврейским делам». Да и самого Шторха в фашистском Берлине ценили как «деятеля, близкого к руководящим кругам США».

Ныне, почти сорок лет спустя, наблюдается умилительное единодушие вашингтонских хозяев ЦД, лидеров международного сионизма и правителей Израиля — все полностью разделяют мнение Визенталя, что не в их интересах изучение и обнародование архивных документов о грязных делах Штернбуха, Музи, Шторха и многих им подобных сионистских «посредников».

В противоположность Даниэлю Саймону, опасающемуся прослыть, боже упаси, «охотником на нацистов», Симон Визенталь, не щадя затрат, старается изобразить себя таким охотником, а дочь Паулину своей помощницей. Но в действительности еврейское бюро документации в Вене столько же помогает разоблачению укрывшихся от кары нацистов, сколько и американский центр документации в Западном Берлине.

Два сапога, вернее, американский сапожище и сионистский сапожок,— пара!

ПАРОДИИ НА СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Может быть, несравненно бóльшую настойчивость и заинтересованность в контактах с ЦД, нежели сионисты, проявляют следственные и судебные органы ФРГ? Может быть, по их запросам дирекция ЦД выдает материалы, ра-

зоблачающие фашистских преступников? Может быть, на основе этих справок в ФРГ проводятся судебные процессы?

Нет, нет и нет!

К удовольствию вашингтонских хозяев ЦД, представители ФРГ тоже не часто наведываются на целендорфские «фермы».

Более тридцати лет, например, органы прокуратуры ФРГ игнорировали требования прогрессивной общественности страны предать суду «кровавых юристов» — руководителей и сотрудников чрезвычайных гитлеровских трибуналов «фольксгерихтсхоф». Время от времени появлялись сообщения о том, что ЦД «не идет навстречу нуждам прокуратуры ФРГ». Американская же печать не без доли иронии утверждала обратное: не очень-то рвутся органы прокуратуры к личным делам фольксгерихтсховцев. Недалеки от истины были и те и другие. Когда же наконец (повторяю, спустя три с лишним десятка лет!) Бонн и Вашингтон по этому поводу договорились, то работникам прокуратуры ФРГ пришлось довольствоваться лишь микродозами: из тысяч личных дел орудовавших в «фольксгерихтсхофе» гитлеровцев рассекречены были только десятки.

Мало того, значительная часть рассекреченных дел помогла уличить «кровавых юристов», уже успевших к тому времени отправиться в мир иной. Запомните эту деталь, читатель. Она многое проясняет. Она, как можно будет увидеть ниже, во многом определяет отношения между властями ФРГ и американской администрацией ЦД.

Существо этих отношений зачастую сводит на нет изредка возникающие в ФРГ судебные процессы над нацистскими преступниками.

Западногерманская Фемида любит, к примеру, козырять процессом в Дюссельдорфе, где на скамье подсудимых сидели 14 эсэсовцев — весьма незначительная группка палачей, зверствовавших в концлагере Майданек. Их преступления были настолько очевидны, что не требовалось никаких дополнительных материалов из недр ЦД.

Шумно рекламировала этот процесс и американская пропаганда. Как же иначе: одну из обвиняемых, старшую надзирательницу Гермину Райан-Браунштайнер по кличке Кобыла, методично швырявшую в огонь печей грудных младенцев, прокуратуре ФРГ выдали, мол, власти США. Первый и единственный случай в практике вашингтонской администрации за 38 лет — об этом американские законники, конечно, умалчивают.

Умалчивают в Бонне и Вашингтоне и о том, как и почему дюссельдорфский процесс был превращен в неприкрытое надругательство над элементарными нормами судопроизводства. Его растянули на шесть (!) лет, на 474 заседания. Уместно вспомнить, что Международный военный трибунал в Нюрнберге, за чьей сложной работой имели возможность по прессе и радио следить десятки миллионов людей, рассмотрел скрупулезнейшим образом с соблюдением всех норм гласного судопроизводства дела двадцати четырех главных немецко-фашистских преступников всего за неполных одиннадцать месяцев. Было проведено 218 судебных заседаний, заслушаны показания 240 свидетелей и рассмотрены 300 тысяч данных под присягой письменных показаний.

Не случайно, значит, а умышленно, с заранее обдуманным намерением, всеми неблаговидными способами затягивался процесс незначительной части майданековских палачей в Дюссельдорфе. И совсем не случайно начат он был лишь спустя тридцать лет после окончания второй мировой войны. Благодаря такому замедленному ходу западногерманской судебной машины заведомые преступники получили возможность еще шесть лет находиться на свободе: под стражу на время суда взяты они не были. Воспользовавшись этим, один из обвиняемых, унтершарфюрер Виллэм, бежал. Правда, по совету своих гласных и негласных покровителей он вернулся на скамью подсудимых в предвидении не слишком уж тяжкого наказания. Забегая вперед, скажу: предвидение фашистского убийцы оправдалось.

А тем временем далеко не молодых свидетелей обвинения еще более истощали давние болезни и страшные следы пребывания в майданековском аду. Они становились менее опасными для подсудимых. А некоторые уходили из жизни.

Бесконечными проволочками все растягивался и растягивался и без того искусно затянутый процесс. Стоило кому-то из адвокатов попросить суд об отводе нежелательного преступникам эксперта по той «веской» причине, что один из обучавших его профессоров был евреем, как судопроизводство немедленно откладывалось для рассмотрения этого, с позволения сказать, отвода.

Процесс в Дюссельдорфе закончился неожиданным приговором, настолько мягким, что даже кое-кто из покровителей майданековских палачей счел такой приговор «тактически ошибочным». Как рассказывал мне бременский журналист, на собрании одной из тамошних пронацистских организаций прямо говорили, что оправдание одной из обвиняемых носит «нежелательный» характер: дескать, осужденная вызвала бы больше сострадания, нежели избежавшая наказания. К пожизненному заключению суд приговорил одну лишь Гермину Райан-Браунштайнер. Тут уж ничего нельзя было поделать. Как ни изощрялись защитники бесчеловечной Кобылы, суду пришлось признать, что для нее в Майданеке не было большего развлечения, чем с веселым видом заживо сжигать младенцев «неполноценных» рас — иудейской и славянской.

Еще только начался процесс в Дюссельдорфе, как газеты многих стран, в том числе и ФРГ, задали вполне логичный и обоснованный вопрос: почему на скамье подсудимых только 14 палачей Майданека, предавших смерти 250 тысяч узников, а где же изуверы, повинные в истреблении в этом лагере еще 1250 тысяч человек?

Однозначно и исчерпывающе ответить на этот вопрос, конечно, невозможно. Но некоторые историки, публицисты, архивисты отвечают так: большинство палачей Майданека не угодили под суд из-за того, что документы, обличающие их пребывание в составе администрации этого концлагеря, таятся в архивах ЦД. Вполне обоснованное, вполне закономерное объяснение! Ведь, по признанию сотрудников американского «центра», в его архивах находятся многочисленные документальные данные о служебных перемещениях особо проверенных эсэсовцев и членов нацистской партии. Следовательно, назначение на руководящие должности в концлагеря наверняка отражено и в этих скрываемых американцами документах.

Дюссельдорфский процесс еще раз напомнил, какому огромному числу гитлеровских преступников помогает скрываться от правосудия «Центр документации»! Прикрываясь дипломатической ширмой, ЦД на деле усердно выполняет роль одного из многочисленных ответвлений ЦРУ и ретиво охраняет неприкосновенность тысяч именитых гитлеровцев, на чьих руках кровь жертв нацизма.

Вот уже более двадцати лет под любыми предлогами и без предлогов оттягивается привлечение к суду одного из убийц вождя рабочего класса и руководителя Коммунистической партии Германии, Эрнста Тельмана. Прокуратуре Кельна давным-давно доподлинно известно, что участник убийства Тельмана, бывший надзиратель фашистского концлагеря Бухенвальд, безбоязненно проживает в городке Гельдерн на правах пенсионера. Зовут убийцу Вольфганг Отто, после войны он получил в ФРГ работу... учителя и под этим почтенным статусом благоденствует около сорока лет. Шесть раз кельнская прокуратура прекращала следствие по делу кровавого палача, непосредственно участвовавшего в убийстве прославленного революционера четырьмя выстрелами в спину и поспешном сожжении его тела в специально разогретой газовой печи. Появилась надежда, что в конце концов будет все-таки выполнено указание уголовной коллегии верховного суда земли Северный Рейн — Вестфалия и убийца все-таки сядет на скамью подсудимых.

Почему, однако, убийца, а не убийцы? Ведь приказ Гитлера об убийстве вождя немецких коммунистов ревностно выполнили несколько палачей. Кельнские блюстители закона смущенно разводят руками: остальные нам, дескать, неизвестны, как найти их следы?

Что ж, не так уж трудно подсказать, как найти следы убийц. Не приходится сомневаться, что такая важная для гитлеровцев преступная акция, как уничтожение Эрнста Тельмана, хоть в какой-то степени отражена в нацистских архивах. И, возможно, кто-нибудь уже давно в точности знает имена соучастников страшного для человечества преступления, в котором повинен нацист Вольфганг Отто. Этот «кто-нибудь» стоит в штате подчиненного Вашингтону секретного учреждения в Западном Берлине и положенное ему жалованье получает не только в марках, но и в долларах.

Видимо, не только в ФРГ, но и за океаном кое-кому желательно превратить в пародию судебный процесс участника фашистской расправы с выдающимся деятелем международного коммунистического и рабочего движения. Для вдохновителей и организаторов «крестового похода» против коммунизма такое желание вполне закономерно.

(Продолжение следует.)

среди книг

ВРАЧ И ПАЦИЕНТЫ

Если можно так выразиться, генеалогию этой книги легко проследить, поскольку она продолжает традицию русской медицины и литературы — этих двух, казалось бы, далеких друг от друга областей человеческой деятельности, — традицию, которая их объединяет.

Наверное, не будет ошибкой сказать, что нигде, как в России, не было столько врачей-писателей. Вот высший ряд: Чехов — Вересаев — Булгаков. Они были медиками по образованию и умели лечить и лечили, никогда не забывая свой долг. Миру же они стали известны как писатели, и произведения их отличаются особенным проникновением в психологию человека. Безусловно, это во многом объясняется профессиональным знанием медицины.

Написал книгу «Раздумья врача» Лев Хунданов — потомственный медик. Он родился и вырос в Улан-Удэ. Отец его был врачом, известным всей Бурятии. Сейчас Л. Хунданов профессор, доктор медицинских наук, работает в Москве. Он автор многих специальных трудов, в числе которых есть и популярные, как, например, небольшая книжка о тибетской медицине или брошюра «О врачебной этике», выпущенная в свет издательством «Знание» в 1978 году.

В предисловии к «Раздумьям врача» писатель Е. Носов справедливо замечает, что именно та брошюра стала прообразом новой книги и своим названием определила ее содержание. Сам автор с целью наиболее ясно сообщить читателю свою задачу и позицию приводит высказывание Сенеки Младшего: «Круг наших нравственных обязанностей гораздо шире того, что предписывают законы».

Книга особенно привлекает тем, что автор органически не приемлет риторики и общих мест. Свои мысли он облекает в форму рассказов из собственной практики, а она у него достаточно богата и разнообразна.

Хунданов излагает, например, такую историю:

«Мой собеседник на секунду смолк, словно собираясь с силами.

— Я недавно потерял отца... Приехал он из деревни погостить. Сидели. Завтракали. Ничто беды не предвещало — старик был крепкий. А тут вдруг побледнел, схватился за сердце. Ему явно становилось хуже. Я уговариваю — потерпи, сейчас приедет врач (жена уже вызвала по телефону «Скорую»), сделает тебе укол — боль снимет, будет легче. В глазах его вижу надежду. Никогда не забуду, как он смотрел тогда... Ждал помощи.

Я выскочил на улицу встретить машину: ведь каждое мгновение дорого. Гляжу — останавливается автомобиль, выходит мужчина в белом халате. Сверяет с блокнотом номер подъезда. Я бросился к нему. Это был молодой человек, лица его, к сожалению, не запомнил, не до того было, а вот загорелые мускулистые руки в засученных рукавах халата врезались в память. Мелькнула даже мысль: такие руки с любой бедой справятся. Кажется, я не говорил, а кричал этому внезапно появившемуся спасителю: «Скорее! Умоляю!»

Мое судорожное состояние было полной противоположностью его спокойной уверенности. Это и меня вдруг успокоило. Правильно. Врач и не должен суетиться. Но то, что произошло дальше, потрясло.

Он спросил фамилию больного, квартиру. И абсолютно бесстрастным тоном объяснил, что я ошибся. Что он совсем по другому вызову, совсем в другую квартиру. Что мне надо дожидаться вторую «Скорую».

Сейчас трудно передать словами, что я испытал, когда за ним захлопнулась дверца лифта. «Мой» врач приехал быстро. Но было уже поздно...

Помолчав, он заговорил снова:

— Мне сказали потом, что отцу ничем нельзя было помочь. Сильно изношенное оказалось сердце. Я понимаю... Но не могу избавиться от мысли, что, окажись у постели отца тот доктор, который прибыл на пятнадцать минут раньше, все могло быть иначе».

Должен ли автор выводить мораль из этой печальной истории? Конечно, нет. Читатель сделает это сам.

Если надо проиллюстрировать какое-то положение, автор широко пользуется примерами из опыта мировой медицины — от древнейших времен до наших дней. Это делает повествование не только увлекательным, но и поучительным, читатель обогащается сведениями, которые полезны каждому человеку.

Для тех, кому в руки попадет этот зеленый томик, небезынтересно будет узнать, что его автор пишет не только на специальные медицинские темы. В журналах уже опубликовано несколько прозаических его произведений.

Если учесть всеобщую причастность людей к медицине, неудивительно, что книга «Раздумья врача» ни дня не лежала на прилавках магазинов. И можно не сомневаться, что ее обладатели не будут разочарованы.

М. ЛЮСИНОВ

Лев Хунданов. Раздумья врача. М., «Советская Россия», 1983. 160 с.

Эта женщина всегда ловчила. Всю жизнь выбирала окольные дороги. Ловила доверчивых мужчин, тех, у которых, с ее точки зрения, были перспективы сделать карьеру. И всякий раз, сочтя, что сделала ставку не на ту «лошадь», она (предварительно «выжав» из очередного супруга все, что только можно) расходилась с ним. А чтобы бывшие мужья не вздумали заявить свои претензии, Лилина Федоровна Ивченко (так зовут эту женщину) каждого из тех, с кем связывал ее штамп в паспорте, шантажировала, запугивала. В погоне за житейским благополучием она пренебрегала даже своими материнскими обязанностями, бросала на произвол судьбы детей. А попав в затруднительное положение, не брезговала прямыми подлогами, очернительством, кляузами. И только последний муж — А. М. Волжский, с которым она поступила предательски, бросив его одного во время тяжелой болезни, заодно очистив его квартиру, вступил с ней в борьбу и добился ее разоблачения.

Обо всем этом рассказывалось в очерке «Крах операции «брак», опубликованном в «Огоньке» (№ 11 за 1983 год). Читатели живо отозвались на публикацию.

Во всех без исключения письмах гневно осуждается поведение Ивченко. Авторы их возмущаются жизненной позицией «героини» очерка.

«Нельзя без негодования читать о похождениях Л. Ф. Ивченко, которая всю жизнь занималась различными махинациями, возводя напраслину на честных людей»,— пишет в своем отклике ветеран войны В. Казакова из города Люберцы.

Особенно резко осуждают авторы писем бесчеловечное отношение Ивченко к своим детям. И тут же приводят яркие примеры того, как даже чужие люди приходят на выручку попавшим в беду ребятам. В письме Г. А. Бокман из Березников рассказывается о том, как совершенно посторонние люди сделали все, чтобы спасти жизнь ее дочери.

«В 1941 году, когда фашисты подошли к нашему городу, я в спешке эвакуировалась с больным ребенком. В дороге дочка дважды была близка к смерти. На Урал мы добрались в сорокаградусный мороз, не было у нас ни еды, ни крова. И совершенно посторонние люди приняли нас, как родных, помогли выходить дочку. Я знаю, что таких случаев можно привести тысячи. Как же чудовищно на этом фоне выглядит отношение Ивченко к собственным детям, как нетерпим ее паразитический образ жизни!..»

Колхозник Василий Николаевич Черенков из села Чалдовар (Киргизская ССР), характеризуя поступки Ивченко как «нравственное падение», делится мыслями о том, сколько дает человеку настоящий супружеский союз, основанный на любви, на уважении друг к другу.

«Случилось так,— пишет он,— что вскоре после того, как мы с женой соединили наши судьбы, она, совсем еще молодой человек, работая продавцом, по неопытности допустила недостачу. И сумма-то была пустяковая, но жена, по натуре человек честный, в отчаянии решила наложить на себя руки. Сколько сил, сколько души пришлось вложить, чтобы уберечь ее от рокового поступка, убедить, что ошибка не кладет на нее пятна, что добросовестным трудом она всегда заслужит доверие людей. С тех пор уже много лет мы живем счастливо, а главное, честно, старательно работаем...»

В этих словах В. Н. Черенков как бы сфокусировал чувства, которыми пронизаны письма многих читателей. Честный, самоотверженный труд — первая заповедь советских людей. И правильно авторы ряда писем усматривают в махинациях Ивченко не просто авантюризм, но и разновидность тунеядства, стремление добиться жизненных благ за счет других. Товарищ Крицкий из Иркутска сравнивает поведение Ивченко с теми «несунами», которые, бездельничая на производстве, еще умудряются растаскивать казенное имущество. Он считает, что «героиня» очерка должна быть строго наказана за свои деяния.

Во многих письмах звучит тревога за судьбу детей Ивченко. «Невольно возникает вопрос,— спрашивает москвичка Я. Славская,— как Лилина Федоровна воспитала своих детей. Не пошли ли они по пути матери?»

Увы, Ивченко сделала все, чтобы привить детям свою гнилую философию, внушить им свое понимание «красивой» жизни. Как только дочки подросли, она, забыв о том, что когда-то бросила их на произвол судьбы, постепенно стала прибирать обеих к рукам.

День за днем сеяла Ивченко в душе у младшей дочери семена цинизма, потребительского отношения к жизни. И они дали соответствующие всходы. Уповая на свою наружность, Лина решает, что образование ей не требуется. После восьми классов бросает школу. Из библиотечного техникума ее отчисляют после первого же семестра за неуспеваемость. И тут на ее пути встречается Борис Л. Он студент «престижного» института, москвич «с квартирой». Чем не перспективный муж! И Лилина Федоровна в стяжательском азарте уже грозит его родным: «Борис соблазнил Лину. Не женится — подам в суд». И дочка, еще не достигшая 16 лет, выходит замуж (после соответствующего разрешения райисполкома). Неуемная в своем корыстолюбии Ивченко спешит предъявить ультиматум родителям Бориса: «Лина должна иметь отдельную жилплощадь. Разменивайте квартиру...»

Старший Л., владелец скромной двухкомнатной квартиры, имеющий еще одного сына, естественно, отказывается. И тут же в адрес учреждения, где он работает, начинают поступать грязные письма, обвиняющие его и жену во всех смертных грехах. В итоге развод Лины с Л.

Проходит несколько месяцев, и на горизонте матери и дочери Ивченко появляется Никита О.

Поначалу все складывается благополучно. Отец и мать О., люди работящие, семейственные, делают для невестки все. Они помогают ей окончить среднюю школу, снимают с нее весь груз домашних хлопот. Но тут над молодой семьей вновь нависает мрачная тень Л. Ф. Ивченко. Опять выдвигаются требования: передать молодым автомашину, выделить однокомнатную квартиру. Причем немедленно! «Ах, нет? Ну что ж, вы еще пожалеете...»

На свет появилась Даша. Лина на какое-то время отдает себя заботам о дочке, в семье воцаряется лад. Но Лилину Федоровну не устраивает это. Ведь для Ивченко она только разменная монета, только ставка, с которой можно получить крупный выигрыш.

И Лилина Федоровна вновь начинает свою коварную игру. «Что у тебя за жизнь? Ты молода, привлекательна, ты должна развлекаться»,— нашептывает она дочери. И Лина, презрев свой материнский долг, начинает вместе с «наставницей» вести праздную, посвященную дешевым удовольствиям жизнь. Кончается это позором. Забыв о женской чести, о гордости, молодая женщина становится содержанкой иностранного подданного, некоего Петера С., человека вдвое старше ее.

Стоило Петеру С. покинуть Советский Союз, как тут же появляется новый кандидат в мужья — Виктор К. Он автомеханик, мастер своего дела, и деньги, как говорится, сами плывут к нему в руки.

И хотя Виктор К. значительно старше ее дочери, Л. Ф. Ивченко охотно благословляет Лину на новый брак.

Теперь Лине уже не до дочери, тем более что новый муж не склонен видеть Дашу в своем доме. Лина всеми силами стремится отделаться от Даши, порой бросая ее на попечение совершенно посторонних людей. И это чуть не приводит к трагическому исходу. Отдав ребенка какой-то подруге, Лина забывает о нем. А Дашенька тяжело заболевает. Два дня она находится в отделении реанимации, два дня идет борьба за ее жизнь. Девочку все же спасают, а мать разыскать не могут.

На помощь пришли родители Никиты О. Они берут девочку к себе, три года пекутся о Даше...

И права читательница И. Розова из города Калинина, которая пишет о том, что детей таких родителей, как Ивченко, надо всеми силами ограждать от тлетворного влияния.

«Ведь такая мать, как Ивченко,— тревожится И. Розова,— предавшая когда-то свою дочь, а затем дающая ей уроки цинизма, может для достижения своей цели поступиться и интересами Родины...»

Наша читательница, увы, оказалась провидцем. Кривые дороги, на которые Ивченко толкнула свою дочь, привели Лину и к гражданскому, если можно так сказать, падению.

К этому времени и с Виктором К. все было кончено. Среди новых знакомцев оказался некий М., подданный одной из стран Запада. Линой двигала не любовь, не сердечное чувство, ее брак не преследовал цель завести новую семью. Замужество было чисто фиктивным: Лине требовалось выехать за рубеж, где ее ожидал «избранник сердца» (если оно у нее есть!), человек, отказавшийся от родины, соблазнившийся мутной эмигрантской похлебкой.

Лина, явно не без воздействия матери, пошла на обман. Но ей поверили — разрешили временный выезд за рубеж вместе с «мужем». А вскоре, как и следовало ожидать, она стала добиваться разрешения на постоянное проживание за границей.

Можно не жалеть о том, что Лина рассталась с нашей страной,— потеря невелика. Но ведь она увезла с собой и семилетнюю Дашу. Не остановилась перед тем, чтобы отнять у стариков любимую внучку, разлучить девочку с отцом, увезти ее в чужую страну, лишив самого святого — Родины. Какое право имеет эта морально нечистоплотная женщина, дурная мать решать судьбу малолетней дочери? Что скажет Даша, когда вырастет, поймет, как вероломно поступили с ней близкие ей по крови люди?

Я говорю «люди» потому, что бурную деятельность в поддержку претензий дочери развила Л. Ф. Ивченко. Она вновь не брезгует ничем: угрозами, шантажом, клеветой. Цель у нее одна — принудить своего бывшего мужа, отца Лины, дать согласие на постоянное проживание дочери с Дашей за рубежом. Лилина Федоровна пишет во все инстанции, пытается даже угрожать руководителям института, где работает А. М. Шапкин — отец Лины.

Но, к чести Андрея Максимовича, его гражданская позиция тверда: девочку нельзя лишать отца, близких родственников, Родины, нельзя позволять беспутной матери решать судьбу несовершеннолетней дочери. Его принципиальность находит поддержку общественности, руководства института, отвергающих все домогательства Ивченко.

В своих письмах читатели В. Куликов из Ленинграда, Ковалева из Боржоми, И. Розова и другие интересуются, какое наказание понесла Ивченко, не сошли ли с рук ее художества и на этот раз.

Как мы уже сообщали, ее брак с А. М. Волжским признан недействительным. Суд заставил Ивченко вернуть бывшему «мужу» похищенное у него имущество. И самое главное то, что решением бюро Щелковского ГК КПСС она исключена из рядов партии.

К сожалению, до сего времени Л. Ф. Ивченко не понесла кары за свои инсинуации, безосновательные поклепы, которые она возводила и возводит на бывших мужей, на тех, кто вставал на их защиту, на работников различных советских организаций, дававших ей отпор.

Надо надеяться, что и за свои наветы на честных людей Ивченко получит, наконец, по заслугам.

Обзор подготовил Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ.

Не в первый раз мы из Брянска отправились к Партизанской поляне. Это место расположено сравнительно недалеко от самого города. Недалеко... И казалось бы, хорошо запоминается, но всякий раз, ступив на тропинку, ведущую в одну из партизанских землянок, видишь, как с каждым годом преображается это место в могучем старом брянском лесу. Вырос на широкой поляне, врезанный в темно-зеленые сосны, высокий монумент, на котором начертаны вещие слова Владимира Ильича Ленина: «Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести». Памятные слова Ленина вечны. Подвиг наших людей, где бы они ни сражались во время Великой Отечественной войны, на фронте или в тылу врага,— равно велик и незабываем.

Партизанская поляна... У подножия монумента горит Вечный огонь. К нему пара за парой направляются молодожены. Невольно думаешь: в самом начале своей совместной жизни они приобщаются к мужеству тех, кто отдал свои жизни здесь, на легендарной русской земле, в этих сосновых лесах, которые были в первые два года войны своеобразной лесной крепостью.

Именно в эти дни в Брянске, Бежице и Дятькове — в годы войны, носившем особо почетное имя Партизанск,— городе, награжденном орденом Отечественной войны I степени, и состоялся широкий народный праздник — 40-летие освобождения Брянщины!

Никогда не забыть вечер 6 ноября 1942 года, когда мне, военному корреспонденту газеты «Известия», вместе со спецкором «Красной звезды» П. Крайновым разрешили вылет в расположение штаба Южной группы партизанских отрядов Брянщины, в район Суземки, а еще точнее — в партизанскую столицу этого района деревню Смелиж.

И вот мы снова встретились с генерал-майором, а в ту давнюю пору начальником штаба Южной группы партизанских отрядов на Брянщине, Анатолием Петровичем Горшковым. Взволнованным, прерывающимся голосом говорил он на митинге, что, едва оказавшись на Брянской земле в эти дни сорокалетия, тут же заторопился туда, где когда-то был в огне боев.

— Эта поездка оживила воспоминания о тех годах. Пятнадцать тысяч партизан были награждены орденами и медалями, а двенадцати самым отважным присвоено звание Героя Советского Союза! — с гордостью сообщил А. П. Горшков тысячам людей, заполнившим площадь Партизан у памятника Воинской славы.

Бесчисленные корзины цветов. Алые гвоздики и розы. Торжественные мелодии, заставляющие снова вспоминать героику ушедших десятилетий, проложивших широкую новую дорогу победы к нашим дням.

И как-то по-особому молодо, как будто они написаны только сегодня, звучали стихи боевого советского поэта Демьяна Бедного, помеченные 1943 годом:

Вчера — победа в Приазовье.
Взят Мариуполь,
Взят Бердянск;
Сегодня пушек славословье —
Салют бойцам,
Вернувшим Брянск.

Возникают в памяти строки из репортажа военного корреспондента «Правды»: «Запомнился эпизод трогательной встречи, которая произошла на одной из улиц освобожденного города. Боец Василий Булдыгин, коренной житель Брянска, увидел знакомую женщину, которая сообщила, что его двое детей живы и здоровы. Радость отца разделили все его товарищи по оружию».

...И вот они снова все вместе, те, кто шагал до наших дней и в военной форме и в гражданской одежде. Мужчины и женщины. Все седые... А на военных мундирах, на пиджаках и платьях — заслуженные в бою и труде ордена и медали.

Встреча за встречей. Два дня подряд.

— На очищенной от оккупантов земле был создан обширный партизанский край, где действовали Советы, работали колхозы, выходили газеты,— говорит первый секретарь Брянского обкома партии Евгений Иванович Сизенко.— Тесное взаимодействие было установлено с партизанами Украины, Белоруссии, соседних областей России. Брянские леса стали одним из крупнейших центров партизанского движения. Здесь базировалось более шестидесяти тысяч партизан и подпольщиков. Ими было уничтожено свыше сорока тысяч солдат и офицеров противника, много техники, пущено под откос несколько сот вражеских эшелонов. На Брянской земле в отрядах народных мстителей вместе с советскими людьми вели борьбу антифашисты Польши, Чехословакии, Венгрии и Болгарии. Всей стране известно Сещинское интернациональное подполье, в которое входили русские, поляки, чехи. Три уроженца Брянщины — А. А. Головачев, Д. А. Драгунский, П. М. Камозин, удостоены звания дважды Героя Советского Союза. В боях при форсировании реки Десны за овладение городами Брянск и Бежица отличились войска генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского, летчики генерал-лейтенанта авиации Н. Ф. Науменко, воины 50-й и 3-й армий под командованием генералов И. В. Болдина, А. В. Горбатова, 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна.

Прошло сорок лет. Сегодня перед нами, участниками и очевидцами тех жестоких боев, новый Брянск. Как расцвел этот прекрасный край! А к монументу на Партизанской поляне каждый день направляются девушки в подвенечных платьях и юноши в строгих костюмах. Новое поколение брянских героев...

А. СОФРОНОВ

Тысячи людей пришли к Вечному огню.

НИКОГДА

Обсуждение предстоящей операции.

Наши пришли! **Фото С. Короткова**

Фото А. Маслова

Ветераны... За плечами каждого из них стоит великая Победа.

НЕ ЗАБУДЕТСЯ

К 40-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БРЯНЩИНЫ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Брянск. Площадь Ленина.

Фото В. Кошевого и В. Углика (ТАСС)

Брянск освобожден.

Конец «завоевателей».

Александр БАСМАНОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ, «АННА КАРЕНИНА»

Однажды Толстой рассказал Истомину, издателю, историку, помогавшему ему с материалами о Петре I, странную и романтическую историю о том, что замысел «Анны Карениной» объявился у него чуть ли не во сне. Сон ли это действительно был, или галлюцинация— неизвестно, но только память оставила яснополянский февраль, оранжевый закат и шапки сугробов на дворе, в кабинете же — теплый сумрак, пепельницу с тлеющим папиросным углем. И вдруг — определенно промелькнул обнаженный женский локоть, потом обрисовалась и вся женщина в лиловом атласном платье, ее длинная шея, ее замечательно красивое, утонченное, печальное лицо. Через некоторое время видение исчезло, но Толстой был так поражен им, что как бы не терял образ ни днем, ни ночью, пока «незаметно для себя не раскрыл его тайну».

Этот случай произошел в 1870 году, он действительно отмечен в специальной литературе как первое упоминание о романе. «Вчера вечером,— записывает Софья Андреевна на страничке 24 февраля,— он мне сказал, что ему представился тип женщины, замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что задача его—сделать эту женщину только жалкой и не виноватой и что как только ему представился этот тип, так все лица и мужские типы, представлявшиеся прежде, нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины. «Теперь мне все выяснилось»,— говорил он».

Однако ясности никакой не было — она искалась почти до конца, с трудом отстаивалась: в черновиках Анна начинается как женщина вульгарная и уродливая (у нее низкий лоб, она не умеет одеваться и плохо воспитана), а Вронский — груб, черен, курчав, с серьгой в ухе,— но чем дальше писал Толстой, тем больше нравились ему герои, будто не придуманные, а найденные на путях жизни.

Эпоха второй половины XIX века покосила пути: Домострой с первым сном Веры Павловны съехал, как на зыбком песке. Толстой смеялся над Домостроем и смеялся над кометой (апокалиптическим знамением горечи и бездомья, в русской транскрипции — полынь), прошедшей яркой звездою 1870 года мимо Земли и предвестившей разрушение семьи как начало разрушения всего рода человеческого.

Толстой смеялся над ханжеством и пережитками, но тем не менее этим «звездным» бездомьем пронизан текст. Алексей Вронский — вечный странник, человек без корней в почве: его объяснение с любимой возникает на какой-то глухой станции, во время снежного вихря; с тех пор и Анна стала бездомной: Италия, Петербург, где остался ее сын Сережа, имение Воздвиженское, Москва — все происходит как бы в дороге.

Перед самоубийством героини мы слышим гулкий вокзал, мы видим Каренину — она сидит на модном звездообразном диване, с отвращением глядя на публику. «Вы слышали о звезде полынь?» — спрашивал Достоевский, имея в виду уже упомянутую легендарную звезду, якобы упавшую на источник и отравившую воды; один из его героев называл «звездою полынь» сеть железных дорог, перерезавших Европу. Железнодорожные пересечения давали на холодном солнце радужный взблеск и расходились стальными лучами — по этим лучам с невиданной дотоле скоростью, опережая друг друга, скользили с разных концов света товары, вести, провизия и пассажиры. В кабинете Свияжского Левин замечает стол, лампу под абажуром и свежие газеты и журналы, уложенные вокруг лампы звездою. Вронский перед отъездом в Сербию, мучаясь от пронзительной, простреливающей зубной боли, ходит у вагонов, «как зверь в клетке, на двадцати шагах быстро поворачиваясь», он ходит мимо кулей, наваленных на платформе, в их косой игольчатой тени, похожей на зубья звезды.

Геометрия вьюги, весь ужас метели, весь спор бездомной стихии, будто расколовшей землю в ночной час, когда Анна возвращалась в Петербург к сыну и мужу, казались ей прекрасными, но звезда полынь взошла уже над ее судьбой.

Звезда «полынь», пронесшаяся над планетой, оплетенной железными дорогами,— символ эпохи, которым Толстой не мог пренебречь: медленно разоряющийся Стива Облонский мечтает получить место в обществе взаимного баланса южно-железных дорог; «зачем выдавать на почтовых лошадей,— удивляется Бетси Тверская,— когда все знают, что везде теперь железные дороги». Что касается Левина, то с ним на такой дороге произошла странная история. Возвращаясь с далекой охоты, он берет первый класс и в своем овчинном полушубке заходит в то самое купе, где сидит Каренин, но кондуктор, различающий людей по одежке, выпроваживает его вон, и Левин поторапливается начать умный разговор, чтобы «загладить» полушубок. Левина гонят из вагона, ибо звезда полынь не принимает его.

Драма о неверной жене — замок, который держит всю прошлую и будущую работу Толстого. Клубясь, видоизменяясь, она услышится потом в «Исповеди», обернется «Крейцеровой сонатой», «Воскресением», «Отцом Сергием», то есть «переворотом, который давно готовился».

Год ее начала — 1873: именно в те дни Крамской приехал в Ясную Поляну писать портрет Толстого. Он не застал графа дома, спросил у работника, рубившего в сарае дрова: «Не знаешь ли, голубчик, где Лев Николаевич?» Работник распрямился, взглянул на Крамского внимательно и ответил:

— А вам он зачем? Это я и есть.

Потом, после того, как портрет был готов, лучший портрет Толстого, запечатленного в апогее своей силы, в миг писания «Анны Карениной», Крамской вспоминал удовольствие «от встречи с человеком, у которого все детальные суждения крепко связаны с общими положениями, как радиусы с центром».

Толстой же говорил о себе тогда наоборот, о некоем творческом стопоре, о том, что он переполнен, «как запертая мельница», мучился, не хотел никого видеть и ни с кем разговаривать и долго не соглашался давать Крамскому сеансы. Мучение, пришедшее на первых порах, было не только обычное творческое мучение, но и детонация, инерция душевных усилий в сторону книги о времени Петра I, где «весь узел русской жизни сидит», книги, писавшейся до того три года и связанной с «Анной Карениной» и вообще с современностью более тесно, чем можно думать. Эта трагически не разрешившаяся тема — прямое движение сквозного художнического замысла от «Войны и мира» через задумки написать об Илье Муромце и императоре Павле: интересовала Россия в моменты переломов, ее сложенье и ее судьба.

Один из ранних рукописных обрывков о Петре начинался фразой, Толстому потом очень пригодившейся: «Все смешалось в царской семье». Тут не только стилистическая, ритмическая связь двух, казалось бы, столь далеких друг от друга замыслов. Напротив, тут завязь одной темы: важно все смешать, чтоб нащупать узел жизни, чтоб рассечь смысл человеческого поведения. Он шел к попытке этого рассечения всегда — от камерного «Семейного счастья» к гиперкосмической «Войне и мир» и от неудачи с романом о Петре обратно к частному, личному сюжету, заменив в этот раз тему семейного счастья темой семейной беды.

Образ узла, само слово «узел», важнейшее толстовское слово, было подсказано когда-то Страховым, его полемической статьей об идеале женщины: «Отношения между полами, эти таинственные и многозначительные отношения,— источник величайшего счастья и величайших страданий, воплощение всякой прелести и всякой гнусности, настоящий узел жизни, от которого существенно зависит ее красота и ее безобразие». И вот теперь, промучившись за письменным столом и учеными книжками три года, изучив попутно древнегреческий язык и составив гениальную «Азбуку» с «Тремя медведями» и «Кавказским пленником», теперь, когда все близкие отчаялись в том, что из романа выйдет хоть какой-нибудь толк, теперь, 18 марта 1873 года, вечером, Толстой вдруг вышел из кабинета легко и быстро и сказал, улыбаясь:

— А я написал полтора листочка, и кажется, хорошо.

Это было начало «Анны Карениной».

Человеческие истории часто возвращаются: они двигаются как бы по спирали, с незначительной разницей повторяя друг друга — иногда друг друга пародируя. Если бы этого не происходило, читатель не узнавал бы в сюжетах литератур (и очень старинных в том числе) сюжеты собственной жизни.

О прототипах «Анны Карениной», о прямых ее связях с реальностью существуют точные версии; абсолютно точно известно, что Левин — это сам Толстой, Кити — Софья Берс, а Стива Облонский — легкомысленный, но симпатичный князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский, тульский помещик, передавший, кстати, Толстому подробности и обстановку красносельской скачки, эпизод о падении Вронского и гибели Фру-Фру на примере сходного происшествия с князем Голицыным: тот, шедший первым, проломил на препятствии спину своей лошади («шорох ужаса пронесся по всей публике»), и победил офицер Милютин, тот самый, что в романе стал Махотиным, штабс-капитаном, хитрым, спокойным и жестким наездником,— мысль писателя здесь прекрасно опылена фактурой.

Существуют реальные имена и для других персонажей: для Кознышева, поручика Корсунского, графини Лидии Ивановны, старого князя Щербацкого, г-жи Шталь, приезжего иностранного принца, Васеньки Весловского, медиума Ландау,— пораженный узнаваемостью знакомых, Фет после чтения книги написал Толстому: «...тут и В. Перфильев и рассудительный Сухотин, и всё и вся, но возведенные в перл созданья».

Рассудительный Сергей Михайлович Сухотин, блестящий карьерист (лейб-гвардеец Преображенского полка, потом адъютант московского генерал-губернатора, потом советник и, наконец, вице-президент Московской дворцовой конторы), с младых ногтей знакомый Толстому человек, стал в романе Карениным — великим чиновником, про которого говорили, что у него такой ум, каких мало даже в Европе.

О. Верейский. Иллюстрации к роману Л. Толстого «Анна Каренина». 1982.

АННА.

ОБЛОНСКИЙ.

КАРЕНИН.

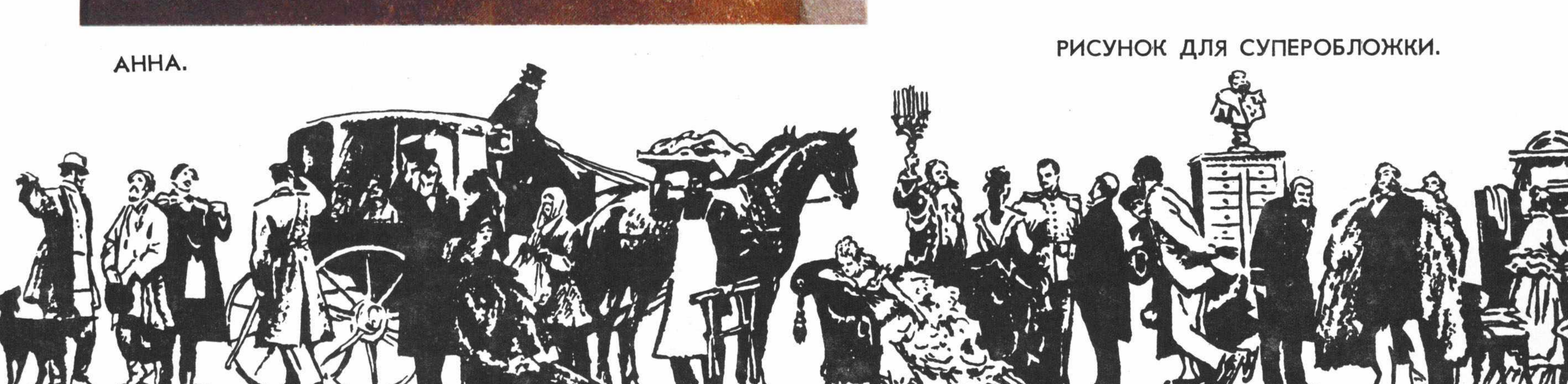

РИСУНОК ДЛЯ СУПЕРОБЛОЖКИ.

О. Верейский. ПАРИЖ. МОСТ МИРАБО. 1978.

Сухотин развелся в 1868 году — за два года до первого слова об Анне Карениной и за пять лет до работы над нею: он рассказывал Толстому в подробностях о своих домашних несчастьях и о мытарстве с разводом, который тогда был очень сложен: по закону, принявший вину на себя, сверх того, что предавался покаянию, лишался еще и права вступать в новый брак. Сухотин был благороден, не хотел лишать этого права, предавать позору близкого человека, свою бывшую жену, несмотря на то, что именно она бросила его, но Сухотин не хотел и на себя фиктивно принимать уличение в супружеской неверности, поскольку это — обман перед богом и людьми: из положения не находилось выхода. Хлопоты, тягостные сомнения Сухотина подробно описаны Толстым там, где Каренин ходит к адвокатам, думает о гражданской и нравственной беде, постигшей его.

Жена Сухотина, Марья Алексеевна, в девичестве Дьякова, ушла от мужа к Ладыженскому, придворному, приближенному к государю, также очень известному и яркому человеку большого тогдашнего света. Существует ее портрет кисти Лаша: тонкие, одухотворенные черты лица, прелестные умные глаза, вообще рафинированный аристократизм выраженья, всего облика — от такой женщины можно было потерять голову. Когда-то молодым Толстой и ходил сильно влюбленным в нее и несколько раз фиксировал это чувство в своем дневнике: «У Сухотина пахнет моей одной истинной любовью».

Портрет Сухотиной висит в толстовском музее в Москве на одной стене с портретом Марии Гартунг, старшей дочери Пушкина,— два осколка одного образа, ибо внешность не Сухотиной, но как раз Гартунг дал Толстой своей Анне: он увидел ее впервые в доме генерала Толубьева, в том же самом 1868 году: маленькие холеные руки, унизанные драгоценными старыми кольцами, и кольца «арабских» породистых завитков волос на затылке, опять же живые блестящие глаза и удивительная легкая походка, прямая и изящная.

Был и еще один, третий осколок — тоже Анна, яснополянская соседка Толстых, сожительница милейшего Александра Николаевича Бибикова, человека не глупого, не умного, очень гостеприимного и простого. Бибиков являл настоящий тип прежнего некрупного помещика и хозяйство своих Телятников вел очень исправно; с Толстым они затевали строительство на паях маленького винокуренного заводика для приготовления барды, необходимой к успешному разведению свиней: Толстой был, известно, тоже хороший хозяин.

Анна Степановна Пирогова (дочь обнищавшего отставного полковника), не имея средств к существованию, лет десять прожила у вдовца Бибикова в качестве экономки и любовницы. Ее вспоминают некрасивой, но милой, высокой, полной брюнеткой с серыми глазами; его — среднего роста, плотным, каким-то уютным в своем полотняном, несколько мешковатом пиджаке, всегда в мягких отложных воротниках, небрежно подвязываемых мягким же шелковым галстухом. Нравились Бибикову всякие заезжие гости, а к детям Толстого относился он и вовсе как к своим — Анна Степановна всегда суетилась по их приезде, угощала вареньем и пастилой, и однажды Анатоль Томашевский, учитель яснополянской школы, глядя, как сам Бибиков по-мальчишески радовался этому угощению, заметил: «Mais ce couple est charmant. Et surtout ce butor me plait beaucoup» [1].

Так вот. Дуралей и экономка, состоявшие в гражданском браке, может, и на самом деле казались прелестны для посторонних, но между собой в этот час у них разыгрывалась нешуточная драма. Бибиков был ревнив ко всем без разбору, домашние сцены терзали его, и в один прекрасный день эта пара до того рассорилась, что Анна Степановна, собрав свои скудные пожитки, уехала насовсем. Три дня она пропадала, пока не объявилась в недалеких Ясенках, на станции, с узелком в руке: тут ревнивица дала ямщику письмо к возлюбленному и рубль за услуги. Поворотливый малый просьбу исполнил немедленно, то есть через полчаса досвистал на своих санях до Телятников, не подозревая, что и там его ждет заработок: рассерженный Бибиков письма не принял и вручил посыльному еще один рубль с поручением возврата депеши. Однако возвращать было уже некому, и 8 января 1872 года в «Тульских губернских ведомостях» появилось следующее сообщение:

«4 сего января в 7 ч. вечера неизвестная молодая женщина, прилично одетая, прибыв на ст. Ясенки Московско-Курской ж. д. в Крапивенском уезде, подошла к рельсам и во время прохода товарного поезда № 77, перекрестясь, бросилась на рельсы под поезд, которым была перерезана пополам. О происшествии этом производится дознание».

Мы знаем (записано у Софьи Андреевны под заглавием «Почему Каренина Анна и что навело на мысль о подобном самоубийстве?»), Толстой видел потом Пирогову, распластанную на мраморном столе ясенской казармы, раздетую, перерезанную поездом и анатомированную, с обнаженным черепом,— это произвело на него страшное впечатление. Тогда ли слепился окончательно образ женщины-грешницы, потерявшей себя? Трудно сказать, ибо в первых набросках героиня, имевшая другое имя, бросилась не на рельсы, а в Неву.

Но Толстой всегда уходил от своих источников. Фет в незаконченных заметках по поводу романа отстаивал правоту автора, поместившего героиню в раму роскоши, и говорил, что «мы не вправе подкладывать под фигуры живописца свой фон, хотя бы он, как у Перуджино (древних иконописцев), был золотой. При задаче Толстого Каренина должна была быть поставлена именно так, а не иначе».

Он отстаивал правоту автора от тех критиков, которые представляли роман исключительно как великосветский. А еще Фет говорил про читателя, задолго до «рокового колеса локомобиля» чувствующего, что Анна произнесла в душе свой смертный приговор, поскольку ни вернуться к прежней жизни, ни продолжать новую жизнь она не может: есть совесть, есть судьба, есть «карательная сила вещей, вследствие которой человек, непосредственно производящий взрыв дома, прежде всех пострадает сам».

Однако Толстой, когда делал книгу, собирался увидеть не только лишь карательный удар, не только страдательный результат, случившийся от взрыва дома, но и проследить за поведением взрывателя: человек хочет узнать свои силы, а узнает горечь ошибки; в этом смысле трагедия Анны — это трагедия сбывшихся желаний. Более точно: великий реалист Толстой не мог наперед знать никаких результатов и никаких ошибок, и потому он признавался об «Анне Карениной», что «герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы; они делают то, что должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется».

Анна возникла у Толстого женщиной высшего круга оправданно, по многим и очень естественным причинам. Она была поставлена «именно так, а не иначе» оттого, что сам Толстой чувствовал себя «здесь, как дома»; оттого, что проблема эмансипации являла огневую проблему России (появилась уже у Достоевского жертва среды и обстоятельств, гордая и несчастная, мучимая людьми и сама их мучающая, Настасья Филипповна); оттого, наконец, нужен был высший «цивилизованный» круг, что среди простых людей, считал Толстой, страсть не могла достигать таких пределов нравственного отчаяния, и вспоминался по этому поводу Пушкин, его черновики «Путешествия в Арзрум»; Пушкин спрашивал у казака, возвращавшегося с долгой службы,— что он сделает, если узнает, что жена изменила ему? «Коли на зиму сена припасла, так и прощу, коли нет, так побью».

Вообще Толстой называл Пушкина «отцом» и учился у него. Хорошо известно, как случилось его переключение с романа о Петре I на «Анну Каренину»: он, спустившись однажды после работы из кабинета в гостиную, взял с подоконника случайно забытый детьми том пушкинской прозы и, не в силах оторваться, перечел весь, захватив и знаменитый неоконченный отрывок «Гости съезжались на дачу...». Он писал потом Страхову, что отрывок этот разрешил все его сомнения, что «невольно, нечаянно, сам не зная, зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил начерно, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов, если бог даст здоровья, через две недели и который ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год».

Еще известно, что Толстой читал следом другой пушкинский отрывок — «На углу маленькой площади...». В первом отрывке Зинаида Вольская, жена обыденного и непоэтического мужа, уединяется в гостях с красавцем офицером, и они слишком долго для общества разговаривают на балконе; во втором отрывке будто бы продолжается история первого: героиня полюбила некоего Володского и, полюбив, «почувствовала отвращение от своего мужа, сродное одним женщинам и понятное только им». Здесь Пушкин, который пишет свою даму с неприкрытой любовью, явно противоречит себе, вернее, Татьяне, прекрасной именно тем, что будет век верна даже нелюбимому человеку. Анна, с одной стороны,— продолжение пушкинской темы, но с другой — им же самим подсказанная антитеза той женственности, что предложена в «Евгении Онегине».

Также считается: из внешних толчков к писанию любовного романа была еще прочитанная Толстым книга Дюма-сына «L'homme-femme» [2], где мужьям советовалось убить, физически уничтожить изменившую жену. И правда, Толстой вначале хотел показать отвратительную женщину, губившую жизнь и деятельность мужа, «каинову самку», но взамен дал нам женщину страдающую и не могущую поступать иначе, чем так, как она поступает. Он, борясь с нигилизмом и вседозволенностью, начал писать историю семьи, гибнущей из-за нарушения нравственного долга, но, войдя вовнутрь драмы, остановился с выводами: русский вариант не сходился с французским, и герои оказывались сложнее, оказывались будто бы на пути сменяющихся оценок: Каренин делался то человеком-заблуждением, машиной, то положительным и добрым, несчастным тем более, что его доброта и муки не нужны никому,— он, обманутый муж, мог улыбаться, глядя на дочку Анны и Вронского, мог не только простить свою жену, но и считать, что вины совсем не было; с другой стороны, Вронскому не хватает сердца и легких для долгой любви, однако он чуток, талантлив до того, что способен понимать: ничтожен не тот, которому изменили, а тот, который заставил страдать.

Эти противоречия — обозначение борьбы реальных ощущений со схемой: имея ее в виду, Толстой тем не менее передает свое мышление, мир, совесть и нервы каждому в романе: сам умирает от горячки, сам жалеет и почти любит Каренина, сам, переживая логику безумного, но единственно правильного решения и фиксируя последнюю ненужную целесообразность жеста, вжав в плечи голову, падает «легким движением, как бы готовясь тотчас встать», на рельсы, под колеса бегущего поезда.

Роман задумывался заданно — оказывалось же, что это книга не решений, но только поиска их, что дело, фабула здесь не в том, что жена изменила мужу, и не в том, что Каренин не дает развода, а Стива беззастенчиво проживает состояние Долли, опять же систематически изменяя ей. Главное — в истине. И даже до сих пор истина, хоть и брезжит где-то рядом, не находится, и конец книги есть приглашение к дальнейшему ее поиску.

Зачинают новую работу легко; рожают трудно. Роман строился рывками: существует том в полтысячи страниц его медленных превращений в черновиках, которые писались и перемарывались пять лет,— работа, прерываемая на месяцы хозяйственными делами, помощью самарским голодающим крестьянам, учительством, педагогической публицистикой и земской деятельностью, смертями детей, близких и болезнями, то есть жизнью, которая, собственно, сама, изменяясь, продвигала и выкладывала книгу, как бы оттягивая ответы на вопросы, в ней поставленные.

О том, что это было именно так, говорит, например, следующий факт: Толстой, посчитав однажды все готовым, заслал рукопись в типографию, но после проглядки первого же оттиска ему стало так «противно и гадко», что печатание приостановили почти на год. Тут — не только обычная к себе смысловая и стилистическая требовательность, но и нечто большее: попытка разрешения судьбы.

Толстой в своей «Исповеди» сказал: «Я жил дурно». Под этим он имел в виду, что не думал обо всех людях, а только о самом себе. Та же мысль развивается и в «Анне Карениной», романе, связанном с «Исповедью», как Толстой с Левиным. Левин, названный Достоевским «чистый сердцем Левин»,— единственный в книге человек, что-то отыскивающий: он, будучи в нравственном отчаянии от бессмысленности жизни, вдруг в простейшем разговоре с мужиком Федором находит, что надо жить для души и в подчинении у совести.

Мы не знаем, встречался ли Толстой, когда страдал, с похожим на Федора мужиком, но в «Исповеди» написано: «Благодаря ли моей какой-то странной физической любви к настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидать, что он не так глуп, как мы думаем, или благодаря искренности моего убеждения в том, что я ничего не могу знать, как то, что самое лучшее, что я могу сделать,— это повеситься, я чуял, что если я хочу жить и понимать смысл жизни, то искать этого смысла жизни мне надо не у тех, которые потеряли смысл жизни и хотят убить себя, а у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу жизнь». Это написано в «Исповеди», но понято значительно раньше, в стройке «Анны Карениной».

Именно она наряду с «Евгением Онегиным» стала энциклопедией русской жизни: тема, которая Толстому казалась будущей, глобальная тема «борьбы между похотью и совестью отдельных лиц и всего русского народа» была, собственно, уже решена здесь — в сюжете, казалось бы, частном: о неверной жене, женщине, не только пораженной звездой полынь, но и самой похожей на «беззаконную комету в кругу расчисленном светил»; на деле же — о человеческой надежде, бунте, страсти и любви.

[1] Эта пара прелестна. И в особенности мне нравится этот дуралей (фр.).

[2] «Мужчина-женщина» (фр.).

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Хенкинс не переставал дивиться: Тираютразговаривал с ним чересчур смело, как равный с равным. Таиландец не блефовал. Он представлял могущественную мафию, с которой всем приходится считаться.

— Вы ждете курьера,— говорил Тирают,— я знаю даже, кто он. Он живет в 507-м номере «Амбасадора». Не хотелось бы вас огорчать, но он не сможет вывезти груз из страны — таможенники выпотрошат его наизнанку. То же произойдет и с любым другим вашим человеком.

Тирают говорил уверенно, напористо, но в душе он проклинал Олдмонта, который увел курьера из-под носа, и Таната с Прасетом, которые упустили самого Олдмонта.

Хенкинс слушал его молча. Он ни разу не сказал ни «да», ни «нет». Когда Тирают замолчал, он спросил:

— С какой целью вы все это мне поведали?

Тирают оживился.

— Мы берем на себя реализацию грузов, которые попадают к вам. В этом году слишком большой урожай — не менее восьмисот тонн. Поскольку товар идет через разные руки, цены могут понизиться. Мы хотели бы сконцентрировать всю торговлю в своих руках. Может быть, придержать часть товара, ведь его можно хранить до десяти лет. Речь идет о монополии на американский манер,— позволил себе улыбнуться Тирают.— У вас не должно быть никаких сомнений: внакладе никто не останется. А к тому же вы избавитесь от хлопот, связанных с вывозом товара.

После разговора с Тираютом Хенкинс поехал к О'Брайену — тот еще сидел в посольстве.

Выслушав Хенкинса, О'Брайен выругался. В который уже раз он с тоской вспомнил чудесные времена, когда в распоряжении управления был целый воздушный флот. Авиакомпании «Сивил эйр транспорт», «Сазерн эйр транспорт», «Рокимаунтин эйр», «Эйр Эйша», «Эйр Америка»... Человек, который создал этот уникальный воздушный флот и до ухода на пенсию заработал для ЦРУ сотни миллионов долларов, и по сей день пользуется в Лэнгли славой финансиста-гения. О'Брайен знал его — Джордж Дул дослужился в ЦРУ до генеральского звания. Собственные самолеты, склады в штатах Среднего Запада, забитые оружием и снаряжением без клейма изготовителя, секретный центр по обучению взрывному делу в Северной Каролине, тайная авиабаза в Неваде открывали перед ЦРУ немалые возможности для ведения тайных операций.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—41.

В те времена с помощью самолетов «Эйр Америка» О'Брайен и его начальники начали вывоз наркотиков из «золотого треугольника». «Эйр Америка» стали с тех пор именовать «Эйр опиум». Но когда ЦРУ лишилось некоторых авиакомпаний, особенно после ликвидации «Эйр Америка», все стало значительно сложнее.

Тираут работает на крупные синдикаты по торговле наркотиками, которые находятся в Гонконге, понял О'Брайен. Гонконг — финансовое сердце бизнеса на наркотиках, там шесть таких синдикатов, они ворочают миллиардами. В самом Гонконге не меньше ста тысяч наркоманов, им привычка к употреблению наркотических средств обходится ежедневно в полтора миллиона гонконгских долларов. О'Брайен года два назад был в Гонконге, его тамошний коллега объяснил ему: местным наркоманам синдикаты обязаны лишь малой частью своих доходов. Город — центр организации по торговле наркотиками мирового масштаба. Верхушка каждого из шести синдикатов — уважаемые, известные в городе люди: владельцы ресторанов, издатели газет, бывшие полицейские чины. Окружает их небольшая группа доверенных помощников.

Прежде гонконгский аэропорт Кайтак был главным каналом транспортировки в Европу и Америку наркотиков, доставляемых из «золотого треугольника». Но современные средства технического контроля сделали аэропорт опасным местом. Тогда синдикаты переориентировались на морской путь. Таможенная служба не в состоянии обшарить все семь тысяч океанских судов, которые швартуются в гонконгской гавани площадью в двадцать три квадратных мили. Да и в случае чего на судне с таможенником один на один легче договориться, чем в аэропорту, у всех на глазах. В гонконгских водах курсирует пятнадцать тысяч мелких судов и лодок; их владельцы встречаются с океанскими судами до или после захода в порт и передают товар. За этой флотилией таможенники даже и не пытаются следить.

О'Брайен тоже знал Тираюта, который в свое время состоял в «секретной армии» ЦРУ и помогал поставить вывоз наркотиков из «золотого треугольника» на солидную основу. Тираут сделал правильную ставку. Гонконгские синдикаты — серьезная сила.

— Вот что, Дуайт,— сказал О'Брайен Хенкинсу,— возьмите на себя контакты с этим Тираютом или, если удастся, с кем-нибудь повыше. Наша позиция: мы передаем им все грузы, которые раньше вывозили самостоятельно, и получаем столько же, сколько получали. Цены мы, слава богу, знаем. О том, чтобы свести их напрямую с нашими людьми в «треугольнике», не может быть и речи. Наше посредничество обязательно.

Олдмонт был очень осторожен. Он даже надел очки заднего обзора — со скрытыми регулируемыми зеркалами, позволяющие видеть то, что происходит сзади. Ему нужен был Тираут, похоже, что только он во всем городе мог рассказать, как и почему умер Линн. Теперь Нэд был лучше подготовлен к встрече с таиландцем. Белый «ниссан» Тираюта второй час стоял наискосок от входа в турецкие бани. Сюда Тираут ходил один, без телохранителей. Зато ждать его пришлось долго. Уже стемнело, и Олдмонт присел прямо на тротуар рядом с белой машиной. Ему было как-то не по себе все эти дни. Немела левая рука, совсем расстроился сон. Здесь, в Таиланде, он постоянно думал о прошлом, такого с ним еще не было: он всегда жил будущим днем, торопил себя, старался сделать побольше. Зачем?

Он чувствовал себя очень одиноким. Когда-то это не тяготило его: никто не мешал его работе, не навязывал свое общество; сейчас он ощущал потребность в близком человеке. С родителями он был очень дружен, но они умерли рано. Лилиан... Душевной близости у них не было никогда. Дело не в том, что уже через год после замужества она начала изменять ему и он знал об этом. Лилиан нисколько не интересовало, чем живет Нэд. Она много путешествовала одна и не скучала по его обществу. Он продолжал любить жену, прощал ей измены и, уйдя из дома, втайне надеялся, что Лилиан сама придет к нему.

Друзей у него почти не было — это определялось секретным характером его работы: с посторонними людьми трудно было общаться, избегая разговоров о служебной деятельности. Да, работа лишила его друзей. Что ж, почти всю свою жизнь он считал работу самым главным.

Еще в юности он отличался редкой способностью разгадывать кроссворды и даже придумывал их сам. На уроках математики был самым прилежным учеником. Во время войны участвовал в дешифровке нескольких немецких кодов. У него были очевидные способности к криптографии, но мысль, что этим можно заниматься профессионально, показалась бы в те годы странной. На него очень подействовала хрестоматийная история о том, как в 1929 году Генри Стимсон, став государственным секретарем, приказал закрыть дешифровальное бюро при госдепе и министерстве обороны, заявив, что «джентльмены не должны читать почту друг друга».

Олдмонт уже давно служил в Агентстве национальной безопасности, когда США приняли в 1978 году закон, предусматривающий организацию тотальной электронной слежки в стране, ее объектом стали корреспонденция и переговоры дипломатических миссий, что было прямым нарушением второго раздела 27-й статьи Венской конвенции о дипломатических сношениях — официальная корреспонденция миссий должна быть неприкосновенной,— под которой США поставили свою подпись...

Приглашение работать в АНБ Олдмонт воспринял с удивлением, а затем с интересом. Появление компьютеров, казалось, открывало новую эру в электронной разведке и контрразведке (позднее Олдмонт понял, что компьютеры немногим облегчили задачу дешифровки, поскольку эта же техника позволяет создавать все более сложные коды).

После стольких лет в АНБ он перестал удивляться тому, что агентство занимается прослушиванием телефонных разговоров, и даже не иностранцев, приехавших в Америку, а своих собственных сограждан. С 50-х годов телефонные компании использовали для междугородных переговоров микроволновые передатчики. Строительство и содержание трансляторов дешевле, чем прокладка кабелей. В радиусе пяти — десяти миль сотрудники агентства, установив небольшую антенну, могли слушать любой телефонный разговор. Раньше казалось неимоверно трудной задачей вычленить нужный разговор из огромной массы сигналов. Но когда Олдмонт пришел в АНБ, одна из лабораторий уже отработала методику: компьютер включал магнитофон только тогда, когда звонили по определенному номеру. Ценность перехвата телефонных разговоров чрезвычайно возросла, на памяти Олдмонта соответствующий отдел несколько раз расширяли, набирая в него молодых специалистов. С каждым годом все сложнее становилась и расшифровка кодов, достижения криптографии доводили до исступления дешифровщиков АНБ. Например, к шифру придумывалось два математически связанных между собой ключа: одним можно только зашифровать сообщение, другой годится для расшифровки. Таким образом, множество агентов пользовались этим кодом, но прочитать их телеграммы мог лишь один человек, который знал второй ключ. Кроме того, обычные телефонные разговоры давали обширную экономическую информацию, что тоже очень ценилось получателями сводок АНБ. Олдмонта, впрочем, интересовали более сложные задачи. Последние годы он был занят в программе «Темпест» — прослушивание компьютеров.

Электронно-вычислительные машины во включенном состоянии испускают некое радиоизлучение, которое, как установила лаборатория Олдмонта, можно перехватить и расшифровать, то есть выяснить, какие операции производит ЭВМ.

Немедленно были приняты меры для защиты компьютеров, работающих на Пентагон. В Лос-Аламосской лаборатории, где была создана атомная бомба, компьютеры стали экранировать толстыми металлическими щитами. В 1977 году президентской директивой № 24 были приняты более жесткие правила секретности. Заграничные службы АНБ занялись изучением «содержимого» электронно-вычислительных машин, прежде всего в дружественных Соединенным Штатам странах, поскольку здесь инициативу сотрудников агентства ничто не сковывало.

АНБ привлекло его возможностью участвовать в решении сложных задач в сфере стремительно развивавшейся электронной техники. А получилось... Впрочем, вправе ли он кому бы то ни было предъявлять претензии? После работы в управлении стратегических служб он знал, в какой мир попадает, но все же какие-то иллюзии у него были. Одно дело — война, другое — мирные годы, одно дело — сражаться против настоящего врага, каким был фашизм, другое... Он сам так вымазался в грязи, что потерял моральное право обвинять других. Он и не будет никого обвинять, только выяснит все о Линне...

Тираут вышел из турецких бань, его провожала низко кланявшаяся пожилая женщина. Тираут не заметил в темноте Олдмонта и вздрогнул, когда в спину ему уперся ствол пистолета. Олдмонт защелкнул на его запястьях наручники, запихнул Тираюта в «ниссан» и сам уселся за руль.

Олдмонт не спешил трогаться с места. Он повернулся к покрывшемуся потом Тираюту, включил в машине свет, чтобы тот мог видеть его лицо.

— В прошлый раз ты не захотел разговаривать со мной, Тираут,— сказал он.— Напрасно, это избавило бы тебя от сегодняшней встречи. Надеюсь, теперь ты больше расположен к беседе?

На секунду Олдмонту стало не по себе. Он увидел в глазах Тираюта столько злобы и ненависти...

Такими же озверевшими были лица Тираюта и его людей в день военного переворота, который Олдмонт тоже помогал готовить.

Поздно вечером Олдмонт оказался около штаб-квартиры «Красных буйволов». Фары американского бронетранспортера освещали небольшую площадь перед домом, который был набит бывшими членами «секретной армии» ЦРУ в Лаосе. Какой-то человек из ЦРУ, Олдмонт забыл его фамилию, кажется, ирландец, хлопал по плечу Тираюта. Лицо бандита расплылось в улыбке, но глаза были злые, жестокие. Американский автоматический карабин Тираут перебросил за спину, полувоенная форма заляпана чужой кровью.

Когда все было кончено, правительство смещено и адмирал Сангад Чалорью выступил с речью, в которой обещал, что вооруженные силы будут защищать монархию, буддизм, целостность нации и безжалостно искоренять коммунизм, Олдмонт с двумя сотрудниками ЦРУ проехались по городу.

Город был во власти «Красных буйволов». Демократически настроенных студентов сжигали живьем, вешали, зверски убивали палками. Девушек насиловали. Спасаясь от «буйволов», студенты бросались в реку, их расстреливали из пулеметов. Олдмонт видел изуродованные, обезображенные трупы.

На следующий день наступила очередь действовать политической полиции: в столице прочесывали дом за домом. В тюрьмы на грузовиках свозили арестованных — всех, кто мог представлять угрозу для нового режима. Закон о военном положении, отмена конституции, запрещение политических партий и профсоюзов, повсюду костры из книг, помещения студенческих и демократических организаций разгромлены. На улицах танки, на перекрестках укрепленные огневые точки, колючая проволока. Радио передавало военные марши и старинные песни. «Молчаливое большинство» Бангкока — рыночные торговцы, мелкие лавочники, бизнесмены, владельцы грузовиков приветствовали «восстановление закона и порядка»...

Через день Олдмонт вернулся в Штаты.

Две недели спустя ему попалось на глаза сообщение корреспондента ЮПИ из Бангкока — в Форт-Миде, где помещалась штаб-квартира АНБ, его получили раньше, чем в самом информационном агентстве. В интервью, переданном радиостанцией вооруженных сил, представитель «Красных буйволов» сообщил, что в связи с переходом контроля над правительством в руки военных эта организация самораспускается. Они будут готовы к тому, чтобы воскресить свою организацию, если в Таиланде вновь возникнет угроза коммунизма.

«Мавр сделал свое дело...» — пришло на ум Олдмонту. Вашингтон прочно контролирует положение в Таиланде, и содержать «Красных буйволов», что весьма накладно, ЦРУ больше не намерено.

Через месяц западные корреспонденты, стремясь стереть из памяти читателей воспоминания о кровавых расправах в Бангкоке, писали, что спустя тридцать дней после введения военного положения большинство таиландцев думают только о том, как отметить веселый народный праздник Лой Кратонг. Он приходится на последний день двенадцатого месяца по лунному календарю. Когда стемнеет, таиландцы пускают по каналам и прудам, по рекам и многочисленным притокам Чао-Прая лодочки из банановых листьев, на которые ставятся зажженные свечи. И если даже издали сумеешь различить колеблющийся огонек своего кораблика, значит, судьба твоя будет счастливой. Лой Кратонг празднуют уже семь веков, и раз после переворота обычай не забыт, значит, все в порядке.

А еще через неделю новое правительство объявило, что американская база электронной разведки в Удоне, закрытая прежним правительством в начале года, будет вновь открыта.

Тайские племена издревле селились поближе к берегам Чао-Прая. На прочных сваях из тикового дерева, которое не гниет, прямо в желтоватой Чао-Прая стоят крестьянские домики, в реке плещутся дети, из нее берут воду, в нее же летят и отходы. Томпсон так и не привык равнодушно смотреть на детей, купающихся в грязной до отвращения реке. С санитарией в Таиланде дела обстояли неважно. Даже в Бангкоке нельзя пить водопроводную воду. Бесконечные эпидемии, болезни, особенно кожные. Томпсон приехал в Таиланд сразу после окончания второй мировой войны и на диво легко переносил здешний климат, но он как огня боялся всяких инфекций. За эти годы Джим Томпсон в совершенстве овладел тайским языком, знал нравы и обычаи каждого района страны.

Над узким каналом нависала густая тропическая растительность. Особенно много было кокосовых пальм. Время от времени кто-нибудь взбирался на верхушку пальмы, чтобы снять поспевший плод. Забравшись с помощью бамбуковых лестниц на пальму, крестьяне выдавливали сахар из кокосового соцветия с мясистым стеблем. Здесь было столько кокосов, прикинул Томпсон, что ими можно было снабдить Бангкок с его пятимиллионным населением. На юге страны кокосы собирают специально обученные обезьяны. Кокосы пользовались не меньшей популярностью, чем бетелевая пальма, из плодов которой делают что-то вроде жевательной резины. Бетель содержит красный сок, и первое время Томпсону было неприятно смотреть на бесконечно жующих бетель стариков, у которых по подбородку стекала кровавая слюна. Когда Томпсон приехал в Бангкок и решил превратить гостиницу «Ориенталь» в первоклассный отель, то в первую очередь взялся обеспечить своих постояльцев свежими фруктами. На берегах каналов росли три сорта апельсинов и четыре вида грейпфрутов. Из апельсинов Томпсон предпочитал сорт «золотой луч» — они похожи на китайские мандарины, но на вкус кислее их. Иностранным туристам предлагались грейпфруты немного странного вкуса, но зато более крупные, чем выращивают в США. Эти грейпфруты в огромном количестве экспортировались в Сингапур и Гонконг.

Томпсон издалека увидел О'Брайена. Американец жевал короткий, толстый банан. Томпсон усмехнулся. О'Брайен работает здесь столько лет, а так и не научился выбирать бананы. Маленькие бананы употребляют в сушеном виде, жарят в тесте или глазируют на десерт.

Когда О'Брайен почти поравнялся с ним, Томпсон окликнул его:

— Не хотите ли прокатиться по каналу, сэр? Прекрасные пейзажи и недорого.

Выплюнув кусок банана, который ему явно не понравился, О'Брайен кивнул. Прогулка на моторной лодке по извилистым каналам была обычным туристским развлечением. Всех приезжающих в Таиланд иностранцев обязательно возили посмотреть на плавучий рынок. О'Брайен видел такой рынок в провинции Ратбури чуть ли не в первую неделю пребывания в Таиланде и остался не в восторге от мрачноватых пожилых женщин с поджатыми губами (многие почему-то в очках), в плоских соломенных шляпах; они прямо с лодок торговали рыбой и тропическими плодами. Услужливый посольский переводчик начал объяснять: папайя, баклажаны, чеснок, китайская капуста, сладкий базилик, креветочная и анчоусная паста, красный перец. Многие обитатели дощатых домиков, стоящих тиковыми ногами в канале, зарабатывали себе на жизнь благодаря неиссякающему потоку туристов: продавали катающимся в лодках «кока-колу», «фанту», сок, пиво, орешки, жевательную резинку.

Томпсон уверенно вел лодку. О'Брайен посматривал на него с удивлением и с какой-то брезгливостью. Он не понимал, как можно было по собственной воле пожертвовать всеми благами западной цивилизации, положением в обществе, привычным укладом жизни. Но он тщательно следил, чтобы Томпсон не почувствовал этого презрения, ведь собственное благополучие О'Брайена зависело от этого человека.

— Лао Су убит,— внезапно сказал Томпсон.

— Кем?

— Таиландской пограничной полицией. Кто-то выдал его маршрут. Конкуренты.

— Это плохо,— огорчился О'Брайен. Неприятность за неприятностью. Он очень редко встречался с Томпсоном сам: каждая встреча была небезопасна, но на этот раз Джим передал через своего «почтальона» — сотрудника ЦРУ, который постоянно работал с ним,— что должен обсудить нечто чрезвычайно важное. Смерть Лао Су нарушала баланс сил в «золотом треугольнике». Два с лишним десятилетия они были связаны с Лао Су — опиумным королем, как его называли в прессе. Дважды «король» попадал за решетку, и оба раза американцы давали ему возможность бежать. Он так досадил таиландским властям, что была предложена награда в сорок три тысячи долларов за его поимку живым или мертвым. Но Лао Су убрали не ради награды, хотя какой-нибудь никому не известный человек и предъявит, вероятно, свои права на эти деньги.

Гонконгские синдикаты отдали Лао Су полиции.

В «золотом треугольнике» было неспокойно. О'Брайен хорошо знал о том, что там происходит, от своего коллеги — сотрудника американского посольства в Бангкоке, которого прислали из Вашингтона для помощи правительству в борьбе с наркотиками. Коллега охотно делился с О'Брайеном своими заботами — резидент ЦРУ давал ему полезные советы.

В самом Таиланде наркомания приобрела устрашающие масштабы. Говорили, что в стране чуть ли не шестьсот тысяч наркоманов. Правительство, побуждаемое к тому и другими странами, куда выплескивался поток наркотиков, производимых в «золотом треугольнике», повело решительную атаку на торговцев опиумом.

— Я был у Кхун Са на новом месте,— продолжал Томпсон,— ему пришлось отойти в горы Долан.

— Так что же, он не сумеет теперь собрать урожай?— встревожился О'Брайен.

Томпсон отрицательно качнул головой:

— Я разговаривал с ним. Он обещал доставлять грузы, как прежде. Но как вы их будете вывозить?

О'Брайен не собирался рассказывать Томпсону о предложении, которое ему сделал Тирают.

— Я привез вам описание нового маршрута.— Томпсон протянул ему маленький заклеенный конверт.— И я сменил человека в конце маршрута. Не люблю людей, которые воображают, что могут вести самостоятельную игру.

О'Брайен спрятал конверт в потайной карман. Потерять этот конверт он хотел еще меньше, чем конфиденциальные посольские документы.

— У меня еще один вопрос,— сказал Томпсон.— После краха банка «Ньюгэн — Хэнд» люди беспокоятся, куда вы станете класть их деньги.

— Мы вроде нашли один банк,— неохотно ответил О'Брайен,— на Тайване. Но это временный вариант.

— Тайваньский банк кое для кого из ребят будет не слишком удобен,— высказал предположение Томпсон.

Они расстались у причала. О'Брайен для вида сунул Томпсону несколько купюр и пошел к своей машине. Воскресная экскурсия американского дипломата, интересующегося провинциальной жизнью страны пребывания, закончилась. Томпсон посидел немного на причале, потом привязал лодку и ушел. Через некоторое время появился настоящий хозяин моторки и как ни в чем не бывало стал ожидать клиента.

В 1967 году Томпсон исчез бесследно для своих многочисленных деловых партнеров и знакомых. В 1974 году официально признан умершим. Кое-кто из его проницательных приятелей скептически принял версию о внезапном исчезновении Томпсона в джунглях: «Даже если на него напал тигр, не мог же он целиком съесть человека, с часами и обувью».

Томпсон был одним из самых преуспевающих бизнесменов в Бангкоке, именно он открыл для мирового рынка тайский шелк.

Его знакомые знали, что в годы войны Томпсон служил в управлении стратегических служб — скрывать это было бессмысленно. Но никто, за исключением нескольких человек в Лэнгли и резидента ЦРУ в Бангкоке, не подозревал, что Томпсон работал на ЦРУ с момента основания управления и с начала вьетнамской войны был так называемым «теневым резидентом», то есть отвечал за нелегальную агентуру американской разведки — завербованных таиландцев, в то время как посольский резидент имел дело в основном со своими. Томпсон сам изъявил желание перейти на нелегальное положение, мысль о невиданных барышах, которые приносят наркотики, не давала ему покоя. Он получил сингапурский паспорт и поселился в деревне поближе к «золотому треугольнику», где находился в постоянном контакте с «опиумными королями». Торговцы наркотиками предпочитали всегда иметь дело с одним и тем же человеком, так было спокойнее. Да и иностранцу, которого не знают в этих деревнях, опасно там появляться. Его могут принять за агента Интерпола и убить. Томпсона же знал каждый. Он собирался пробыть в джунглях еще несколько лет. За это время его текущий счет, разумеется, не в подозрительных австралийских или тайваньских банках, а во вполне респектабельном бельгийском, достигнет астрономической цифры.

Несмотря на неоднократные просьбы О'Брайена, его коллеги из резидентуры ЦРУ в Канберре не смогли установить, кто застрелил Фрэнка Ньюгэна. Того нашли мертвым в четыре часа утра в собственном «мерседесе» на пустынной проселочной дороге недалеко от Сиднея. Убийца (или убийцы?) был достаточно ловок, чтобы не оставить следов. О'Брайен был склонен видеть здесь руку конкурентов. Процветание банка «Ньюгэн — Хэнд» стало поперек горла могущественным концернам героинового бизнеса. Собственно говоря, в Канберре были правы: ищи не ищи убийцу — делу не поможешь. Убийство Фрэнка Ньюгэна означало конец банка. Его партнеру Майклу Хэнду пришлось с паспортом, выданным на чужое имя, спешно выехать в США. Он так торопился, что не успел уничтожить документы, которые никак не должны были попасть в руки австралийской полиции. В офисе Ньюгэна обнаружили бумаги, явно не относящиеся к банковским операциям: подробные военно-политические обзоры ситуации в Индокитае, секретные сведения об армиях некоторых азиатских стран.

Убийство Ньюгэна привлекло к банку нежелательное внимание прессы. Широкой публике стало известно, что Майкл Хэнд, в прошлом «зеленый берет» (О'Брайен спрашивал о нем Хенкинса, и тот вспомнил, что когда-то они действительно вместе служили в Форт-Брагге), начал работать на ЦРУ с 1964 года. Среди членов правления банка были генерал Лерой Мэнор, командующий ВВС США в районе Тихого океана и специалист по подавлению повстанцев генерал Эдвин Блэк, командовавший вооруженными силами США в Таиланде, адмирал Эрл Иэйтс, генерал Эрл Кок, высокопоставленные сотрудники ЦРУ Уолтер Макдональд (бывший заместитель директора ЦРУ), Гай Покер, Пэт Лумис, Роберт Янсен (в прошлом резидент ЦРУ в Таиланде) и Дэйл Холмгрем — бывший управляющий летной службой не существующей ныне авиакомпании «Эйр Америка». Юридическим, политическим и финансовым советником банка был директор ЦРУ в 1973—1976 годах У. Колби. В кармане убитого Ньюгэна нашли визитную карточку Колби, на ее обороте — маршрут предстоящей поездки Колби в Азию.

Лэнгли спешно послало в Австралию Тома Клайнса, который до недавнего времени возглавлял отдел подготовки кадров в директорате операций ЦРУ. Он сумел кое-кому заткнуть рот. Однако получили огласку сделки, которые ЦРУ провернуло через банк «Ньюгэн — Хэнд»: оружие шло в ЮАР, а до этого — белому правительству бывшей Родезии. Австралийские законы разрешают международные сделки с оружием, если это оружие не попадает на территорию самой страны.

Хуже всего, считал О'Брайен, что крушение банка «Ньюгэн — Хэнд» чуть не подорвало героиновый бизнес ЦРУ.

Вся эта история категорически не нравилась Филу Хоуксу. Вечно он попадает в неприятные и глупые ситуации. Олдмонт вообще, видно, рехнулся, раз не пришел в кафе, которое сам выбрал в качестве места встречи. В какой-то момент Хоукс был близок к тому, чтобы немедленно заказать билет и вернуться домой. Но не выполнить первое серьезное поручение фирмы — значит подорвать свою репутацию.

За обедом он немного воспрянул духом. К нему заглянули Джем и Тони, томившиеся от безделья, и повели его наверх в ресторан. Они выбрали рыбное блюдо, и, наблюдая, как Джем и Тони поглощают лангустов, крабов, жадно высасывают устрицы, Фил сам почувствовал аппетит. Он рассказал им историю с Олдмонтом.

— Чепуха, не грусти, приятель,— утешил его Тони, не переставая жевать,— мы тебе поможем. Найдем твоего неутешного вдовца.

Хоукс написал вторую записку Олдмонту. После обеда они все вместе отвезли ее в то же почтовое агентство. Джем попытался припугнуть одного из служащих, требуя, чтобы тот назвал адрес Олдмонта, но более осторожный Тони почти насильно выволок Джема на улицу. Они затянули Фила в кафе наискосок от агентства. Тони заказал всем виски, похлопав Хоукса по плечу: «Так-то веселее будет, приятель».

Хоуксу Джем рассказал, что они с Тони содержат в Австралии ферму и разводят кенгуру, а в Таиланд приехали немного развеяться.

— Тут есть с кем развлечься,— подмигнул Тони Хоуксу.

— И мы еще не в том возрасте, чтобы бояться этого,— добавил Джем.— Я прочитал в газете, что в Таиланд повадились ездить по девочкам пожилые японцы, тут им и конец приходит. Прямо в постели какой-нибудь проститутки. Не умеют силы рассчитывать!— И он захохотал.

Возбужденный виски и веселой болтовней новых приятелей, Фил путешествовал с ними по увеселительным заведениям до позднего вечера. Около полуночи они ввалились с двумя бутылками джина в номер Хоукса. И почти сразу зазвонил телефон. Дребезжащий звук почему-то вызвал у всех троих взрыв смеха, и Хоукс поднял трубку, еще заикаясь от смеха.

— Это говорит Олдмонт,— прозвучало в трубке.

После разговора с О'Брайеном Томпсон вовсе не спешил вернуться к себе на север. Его путь лежал в обратном направлении. Последние несколько недель ему пришлось немало потрудиться, и он считал, что заслужил два-три дня отдыха, даже если они и не совпадают с общепринятыми выходными,— все равно ни один профсоюз не берет на себя охрану труда людей его профессии.

В двух часах езды от Бангкока лежит Паттая, лучший морской курорт Таиланда, а может быть, и всей Азии. Полтора десятка лет назад здесь была рыбацкая деревня, добраться сюда можно было только морем. Сейчас к Паттая проложили хайвэй, начали строить железную дорогу. Справа от шоссе, ведущего в Паттая, кустарным способом добывают соль. Когда в сухой сезон океан отступает, на полях под жарким солнцем «вырастают» хлопья белой соли.

Вдоль длинного пляжа, усыпанного белым песком, вытянулся ряд гостиниц и мотелей. Томпсон остановился в сравнительно недорогом отеле «Паттая си бич» (если только определение «недорогой» можно употребить применительно к таиландским гостиницам, расценки в которых, даже по мнению Томпсона, а ведь он в свое время сам приложил к этому руку, были непомерно высоки). Он переоделся в номере с наглухо зашторенными окнами. В бассейне с морской водой плескались белотелые американки, которым, определил опытным взглядом Томпсон, грозил в ближайшем будущем солнечный удар или уж как минимум серьезные ожоги кожи. Он спустился по лестнице к морю и расположился под взятым напрокат тентом. Был уже вечер, и начался прилив.

Томпсон, чье детство прошло возле жалкой речушки, не упускал возможности искупаться в необыкновенно теплом и соленом Сиамском заливе, где на воде можно лежать без движения, как на мягкой подушке.

Обедал он на открытой веранде гостиницы. Томатный суп, бифштекс. За соседним столиком двое западных немцев угощали ломтиками ананаса двух, по мнению Томпсона, отвратительных девиц-профессионалок. Заказ можно было сделать, не выходя из гостиницы, и к расположившемуся на пляже туристу немедленно присоединялась временная спутница.

Вечерняя программа не требовала от Томпсона длительных размышлений. Единственная улица Паттая с наступлением темноты превращалась в центр ночной жизни, здесь была невиданная даже для Таиланда концентрация ресторанов, дискотек, баров, клубов.

Доехав туда на такси, Томпсон поразился многолюдью. Улица, закрытая вечером для автомобилей, была запружена, возле площадки, где демонстрировался женский тайский бокс, не протолкнуться, бары забиты, музыка в дискотеках гремела на полную мощность.

Все ясно, подумал Томпсон, как же он мог забыть: сегодня на рейде Паттая стал один из авианосцев 7-го американского флота, и сюда десантировались соскучившиеся по берегу моряки. К приему гостей местные дельцы подготовились основательно. В витринах магазинчиков появились майки с наскоро нарисованными по-английски надписями «Добро пожаловать в Паттая, американские моряки!». Томпсон читал в газетах, что в преддверии визита авианосца сюда свезли «специалисток по массажу» со всей страны, американцы уже высаживались здесь года два назад и оставили немало долларов в питейных и массажных заведениях, несколько разгромленных в пьяных драках баров и трех моряков, умерших от слишком большой дозы наркотиков.

Между авианосцем и берегом непрерывно сновали катера, и все новые партии моряков приобщались к ночной жизни Паттая. «Специалистки по массажу», занявшие ключевые позиции с обеих сторон улицы, подхватывали их под руки и вели отработанным маршрутом из бара в бар.

Томпсон наконец отыскал себе относительно уютное местечко в баре, стоявшем в стороне от основного потока туристов. Как и О'Брайен, он с сожалением думал о малоприятной истории с банком «Ньюгэн — Хэнд».

Он знал и Фрэнка Ньюгэна и Майкла Хэнда. Оба они вполне подходили для бизнеса на наркотиках. Ньюгэн начинал свою карьеру как владелец компании, торгующей фруктами и овощами в небольшом австралийском городе Гриффите, где людей убивали без сожаления, если они болтали о существующих в этом районе огромных плантациях опиумного мака. Хэнд появился на пятом континенте, имея за плечами лишь школу «зеленых беретов», и основал компанию «Острэлиен энд Пэсифик холдингс лимитед». Из девятнадцати первоначальных акционеров десять были тесно связаны с «Эйр Америка». Нечего и удивляться, что основателями банка вместе с Ньюгэном и Хэндом были четыре руководителя все той же авиакомпании «Эйр Америка», ведь обеим фирмам предстояло действовать заодно.

Банк открыл отделения в тринадцати странах. Самой важной была контора в Чиангмае, директором которой сделали предшественника О'Брайена на посту резидента ЦРУ в Таиланде. Это была завидная синекура, деньги на этом посту сами плыли в руки. Томпсону директор чиангмайского отделения сказал, что за несколько последних лет через него прошло четыре с половиной миллиарда долларов — выручка за вывезенный из «золотого треугольника» героин. За два первых года своего существования основной капитал банка «Ньюгэн — Хэнд», составляющий миллион долларов, возрос до миллиарда. Его клиентами были крупные оптовики в Австралии, Сингапуре, на Филиппинах, американская мафия и гонконгские синдикаты, которые незадолго до загадочного убийства Фрэнка Ньюгэна изъяли свои вклады.

Банк был ключевым звеном в системе торговли наркотиками, которую вело ЦРУ. Контора банка в Бангкоке располагалась в одном и том же здании, на одном и том же этаже с представительством агентства США по борьбе с наркотиками, клерки обедали вместе.

Банк «Ньюгэн — Хэнд» был создан для того, чтобы придать видимость законности полученным от продажи наркотиков миллионам. Эта операция называлась «отмыванием» денег. После запутанных банковских операций деньги можно было со спокойной душой класть на личные счета участников героиновой торговли и не бояться, что налоговая служба заинтересуется подозрительными источниками доходов. Это было особенно важно: в США можно обмануть полицию, но аппарат взимания налогов с граждан функционирует идеально.

До убийства Фрэнка Ньюгэна, размышлял Томпсон, покровительство ЦРУ избавляло банк от любых неприятностей. Когда агенты австралийского бюро по борьбе с наркотиками установили, что Фрэнк и Хэнд — ключевые фигуры в финансировании контрабанды героина в страну, сверху раздался приказ спустить дело на тормозах. Досье, заведенное на хозяев банка, самым фантастическим образом исчезло, испарилось. Агент, проявивший особое рвение в выяснении истинной роли Ньюгэна и Хэнда, несколько лет потратил на бесконечные тяжбы. Его обвинили в незаконном вывозе представителей редких видов животного мира Австралии, ему это обошлось в девяносто тысяч долларов штрафа.

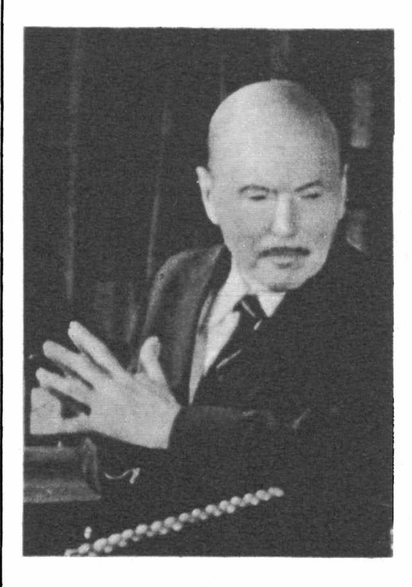
Ничто, казалось, не могло помешать работе этого прекрасно отлаженного механизма. Когда пришлось ликвидировать компанию «Эйр Америка», наркотики в стандартной упаковке с печатью «имущество армии США» стали доставляться на американские базы в Австралии транспортными самолетами компании «Флайинг тайгерс» («Летающие тигры»).

Джим Томпсон пробрался сквозь толпу к месту, где можно было взять такси. Что-то у него пропала охота развлекаться. Лучше встать завтра пораньше и вволю поплавать до полуденной жары.

Продолжение следует.

РАССКАЗ О ДЕМЕНТИИ ШМАРИНОВЕ

Удивительно переплетаются порой судьбы людей искусства с путями развития культуры.

Телевизионная лента «Художник книги Дементий Шмаринов», созданная режиссером Л. Елагиным по сценарию С. Бестужевой, начинается с рассказа о детстве будущего знаменитого графика, о гимназии, школе, о Киевской картинной галерее русского искусства, где юный Шмаринов был увлечен рисунками и акварелями Врубеля, произведениями Васнецова и Нестерова, которые дали ему сильнейший импульс к художественному восприятию мира.

И далее фильм повествует о том, как в 1923 году молодой человек приезжает в Москву с рекомендательными письмами к замечательным мастерам — Виктору Васнецову и Михаилу Нестерову, принявшим живое участие в судьбе даровитого юноши; они рекомендовали ему продолжить обучение в школе Кардовского.

Мы узнаем, что в Киеве наставником Шмаринова был Николай Прахов — сын известного профессора, историка искусств, археолога Адриана Прахова, руководившего работами по восстановлению памятников архитектуры столицы Древней Руси. Именно он в свое время заметил яркий дар Врубеля и помог ему стать на ноги.

О своих наставниках Шмаринов говорит на экране с чувством глубокой благодарности, даже благоговения, когда речь идет о В. Васнецове и Нестерове. В школе Кардовского он приобрел опыт композиционного мышления и проникся глубоким уважением к законам природы.

Создатели телекартины вместе с самим художником рассказали о его творчестве интересно, неторопливо и поучительно. Проход «немых» кадров с интерьером, пейзажем, рисунками дает возможность зрителю проникнуться смыслом постоянных усилий художника, а он в повседневном труде.

Перед нами возникают набережные ленинградских каналов, булыжные мостовые, чугунные решетки, мосты — идет рассказ о работе над романом Достоевского «Преступление и наказание». В воображении молодого художника возникает Петербург того времени: страшные дворы, переулки, темные лестницы сурового города...

А вот мы разглядываем альбомы с рисунками, предшествующими каждой новой работе: костюмы эпохи Петра I, мундиры воинов кутузовской и наполеоновской армий, образы Наташи Ростовой, Пьера Безухова, Андрея Болконского. Так Дементий Алексеевич входит в среду своих героев, погружается в эпоху литературного источника.

В фильме показаны и станковые работы художника. Выразительные плакаты военной поры, серия листов «Не забудем, не простим!». Эти рисунки осенью 1942-го Шмаринов показывал Михаилу Васильевичу Нестерову. «Здесь выражена трагедия народа» — так оценил старый мастер эти работы.

Многое сделал Шмаринов за свою жизнь, и о многом еще рассказывается в фильме. Мне же хочется под конец коснуться одной весьма существенной грани в его облике, оставшейся за кадром,— участия в общественной жизни страны. Дементий Алексеевич был одним из первых организаторов и председателей нашей графической секции, много лет возглавлял Московскую организацию Союза художников.

Сегодня народный художник СССР, академик Дементий Шмаринов возглавляет графическую комиссию Союза художников СССР, ведет огромную работу в Академии художеств. Недавно он отпраздновал свое 75-летие, и хотя фильм повествует о прошлом и настоящем, в нем нет итоговой интонации. Работа продолжается, впереди новые творческие замыслы.

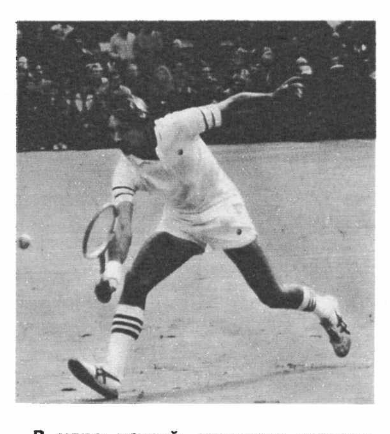
Ив. БРУНИ,
народный художник РСФСР

ИМЕНА НОВЫЕ, А ИГРА?

В последний раз сильнейшие теннисисты страны съехались в Харьков, чтобы «выяснить отношения», в 1965 году. Тогда-то и началось стремительное восхождение на спортивный Олимп молодого тбилисца Александра Метревели. И вот 18 лет спустя уютные корты Харьковского ЦПКиО имени А. М. Горького вновь принимали мастеров ракетки.

Спор за медали личного чемпионата СССР повели ныне 102 участника (54 мужчины и 48 женщин). Была среди них и подающая надежды молодежь, были и не сдающие своих позиций ветераны. Борьба между ними шла упорная, бескомпромиссная, однако, увы, чаще всего малосодержательная, далекая от современных «мировых стандартов». Зрители на трибунах нередко сокрушенно вздыхали, видя все ту же неторопливую перекидку мяча с задней линии в расчете на ошибку соперника, все ту же скованность тактического мышления и отсутствие оригинальных комбинационных ходов.

Прошедший чемпионат вновь указал на отсутствие на сегодняшний день ярко выраженных талантов, истинных лидеров нашей теннисной гвардии, задающих тон. Мало того, не чувствовалось порой даже очевидных различий между игроками, занимающими верхние места в таблице, и теми, кто пока замыкает ее. Серый чемпионат — так его можно было бы назвать. «Усредненной» была игра женщин (а ведь на международных соревнованиях они сейчас показывают лучшие результаты, чем наши мужчины).

В игре новый чемпион страны С. Леонюк.

В итоге длительной, но малоинтересной турнирной борьбы в Харькове новой чемпионкой СССР стала двукратная победительница первенства Европы Е. Елисеенко из Донецка, превзошедшая в финале С. Черневу.

Сменился чемпион и у мужчин — им стал С. Леонюк (Минск). Хотя здесь «старая гвардия» выглядела значительно увереннее. Совсем еще юные мастера — А. Ольховский и А. Чесноков, успевшие попасть в состав сборной и поездить в этом году по международным турнирам,— не выдержали конкуренции с более опытными игроками. Но это, безусловно, перспективные спортсмены.

И, думается, совершенно правильным было их включение в состав сборной команды страны на соревнования со сборной командой Чехословакии на кубок Дэвиса.

Наши теннисисты проиграли матч, но игра А. Зверева, А. Ольховского, А. Чеснокова не оставила тягостного впечатления безнадежности. Обновленная наполовину молодая сборная команда теннисистов делает первые шаги. Жаль, что совершались они на кортах Праги без старшего тренера сборной Ш. Тарпищева, почему-то оставшегося в Москве. Тренерская чехарда в любом виде спорта крайне опасна, в теннисе же особенно. Видимо, мероприятия по поднятию уровня отечественного тенниса не могут выражаться в замене тренеров, только-только набравших необходимый опыт в работе со спортсменами высокого класса, а должны затрагивать основы тренировочного процесса и организации теннисного дела на всех уровнях.

Ю. ОСИПОВ

вот и пришла слава...

Имя Джино Денти ничем не выделялось в списке калифорнийских бизнесменов, не попадало оно и на страницы большой прессы. Владелец фабрики грампластинок — вот, собственно, и все. И вдруг о Денти заговорили, мало того, его фотографии стали мелькать на страницах газет и журналов, и не только в Соединенных Штатах. А все дело в том, что Денти решил стать владельцем самого длинного легкового автомобиля в мире. 12 метров 19 сантиметров длина «кадиллака», у которого всего четыре колеса. Для этого пришлось сделать специальное шасси, корпус же сварен из нескольких «модулей». С практической точки зрения машина очень неудобна, так как для ее поворота и маневра требуется большое пространство. И тем не менее реклама сработала. Голливуд предложил Денти за его «рекордсмена» 250 тысяч долларов. Денти отказал. Зачем ему продавать эту машину? Он уже сдает свой легковик (на 15 мест) в аренду — 5000 долларов в сутки.

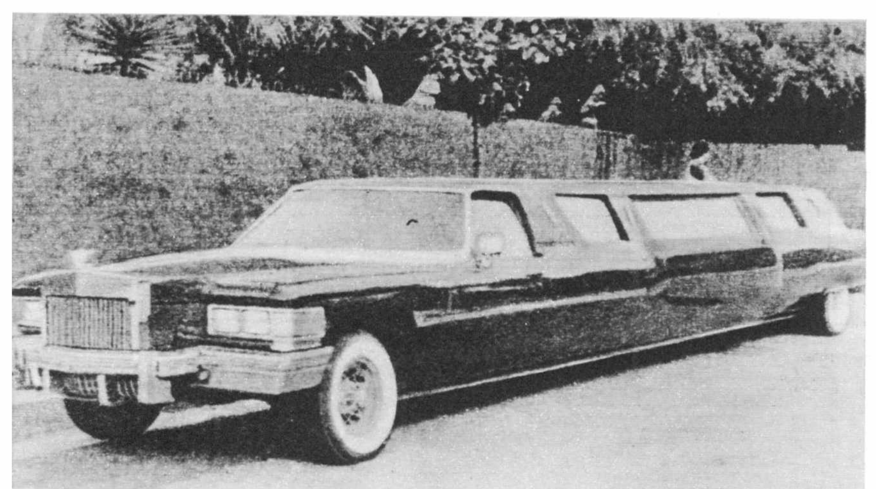
друзья-приятели

Между животными разных видов порой завязываются трогательные приятельские отношения. Как, например, у собаки Пигаль на этом снимке с попугайчиком Ринки. Если Пигаль отправляется на прогулку, он обязательно берет с собой и попугайчика. А тот во время прогулки не тронется с места, будет только во все стороны вертеть головой.

новинка японской рекламы

Как привлечь к витринам внимание спешащих и окунувшихся в повседневные хлопоты прохожих? Как заставить их остановиться? Полуголыми дивами уже не удивишь, лучезарными улыбками кинозвезд, пожалуй, тоже. Но вот японцы стали использовать для рекламы в качестве манекенщиц... кошек. Это они теперь, одетые в костюмы боксеров, рок-певцов, рекламируют все — от зубной пасты до мотоциклов.

два конкурсных снимка

Среди отмеченных наградами на конкурсе спортивных фотографий 1982 года были и эти два снимка.

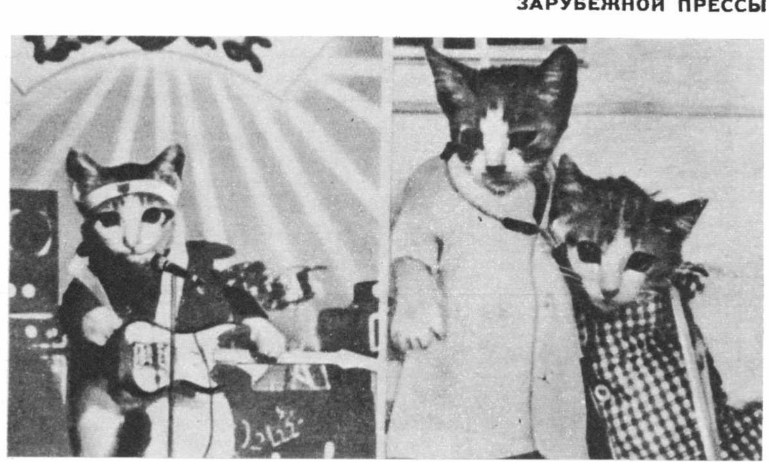
На первом запечатлен «диалог» между судьей Дитером Паулем и вратарем команды «Кельн» (ФРГ) Х. Шумахером.

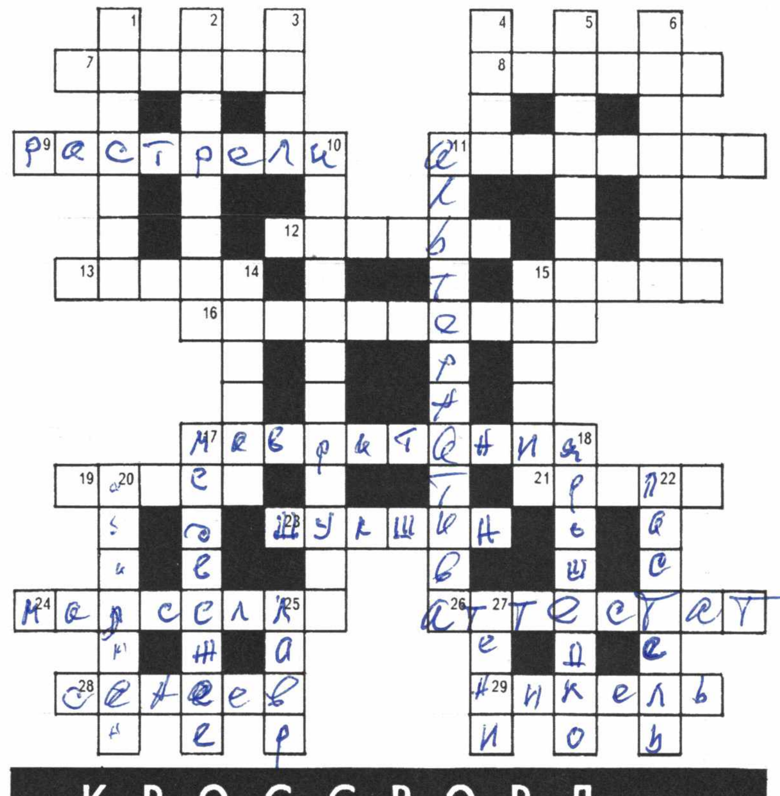
На втором снимке — эмоции на скамейке тренеров во время игры на первенство бундеслиги в ФРГ.

ПЕСТРАЯ СТРАНИЦА

ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Горный массив в Болгарии. 8. Советский журнал для школьников. 9. Архитектор, автор здания Смольного. 11. Минерал, руда серебра. 12. Древнескандинавский поэт. 13. Большой яркий метеор. 15. Венгерский композитор, музыкальный фольклорист. 16. Советский летчик-космонавт. 17. Государство на северо-западе Африки. 19. Часть огнестрельного оружия. 21. Многолетнее растение семейства мареновых. 23. Писатель, кинорежиссер, актер, лауреат Ленинской премии. 24. Город во Франции. 26. Документ об окончании среднего учебного заведения. 28. Советский легкоатлет, неоднократный олимпийский чемпион в тройном прыжке. 29. Химический элемент, металл.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Живописец, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 2. Катушка индуктивности. 3. Река в Индии и Бангладеш. 4. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 5. Химик-органик, академик, Герой Социалистического Труда. 6. Музыкальный интервал. 10. Высокогорное озеро в Таджикистане. 11. Необходимость выбора одного из возможных решений, направлений, вариантов. 14. Горный хребет на Северном Кавказе. 15. Птица рода соколов. 17. Остров в Белом море. 18. Русский живописец, передвижник. 20. Столица государства на юго-западе Азии. 22. Цветные карандаши без оправы. 25. Вечнозеленое лиственное дерево или кустарник. 27. Пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 8. Педиатр. 9. Альтаир. 10. Ероол. 11. Колли. 13. Трест. 14. Аспирантура. 15. «Фаталист». 17. Магнолия. 18. Комментатор. 19. Пластика. 22. Искатель. 26. Планиметрия. 28. Стиль. 29. Ямкун. 30. Шайба. 31. Картули. 32. Еврипид.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пеночка. 2. Пиала. 3. Префикс. 4. Пропан. 5. Палитра. 6. Штора. 7. Миссури. 12. Исследователь. 13. Трансформация. 16. Теберда. 17. Мартини. 20. Листрат. 21. Кунашир. 23. Сатпаев. 24. Лагутин. 25. Ямайка. 26. Плятт. 27. «Ямщик».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: После рабочего дня. (Секретарь Казбегского райкома партии Д. В. Гомиашвили с женой Ниной Фирсановной и детьми.) (См. в номере материал «Трасса великой дружбы».) Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Брянск. Празднование 40-летия освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. (См. в номере материал «Никогда не забудется».) Фото А. Маслова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-80; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 23.09.83. Подписано к печати 11.10.83. А 03539. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2681. Заказ № 1381.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗОЛОТЫЕ КОЛЕСА

Фото А. БОЧИНИНА

Кто из харьковских ребят не мечтает о том, чтобы стать членом велоклуба «Золотые колеса»! Каждую осень сотни велоабитуриентов готовы доказать придирчивым экзаменаторам, что они самые быстрые, самые выносливые, что без них нечего будет делать тренерам клуба ни на треке, ни на шоссе. Но почему же именно велоклуб Московского района города Харькова пользуется таким вниманием юных гонщиков! Не потому же, что его шефы придумали для него такое удачное название!

Шефы велоклуба «Золотые колеса» — спортсмены велозавода имени Г. И. Петровского — опровергли известную поговорку, что сапожник без сапог: создатели популярных в нашей стране гоночных и прогулочных машин широко пользуются своей продукцией. В спортивном коллективе завода велосекция — одна из самых популярных. Работает при заводе детско-юношеская велошкола «Олимпия». Десять лет назад решено было с помощью Московского районного Совета депутатов трудящихся создать при жилищно-эксплуатационном управлении района филиал этой школы, руководить которой было поручено Альде Яновне Зелениной. Ну, а название этого жэковского клуба пришло само собой — ведь на заводе имени Петровского уже 16 лет разыгрывается приз под таким названием.

Но шефы оснастили велоклуб не только звонким именем. Рабочие завода передали новорожденному клубу колеса, правда, не золотые, однако поставленные на хорошие машины, и, что самое главное, послали работать с ребятами двух тренеров, выращенных в заводском спортивном коллективе: Анатолия Алексеевича Хмеленко, испытателя велосипедов, призера III Спартакиады народов СССР, и отличного гонщика слесаря Николая Федоровича Алексеева,— а затем, когда «золотые» колеса завертелись, в клубе появился еще один тренер — дипломированный выпускник Киевского института физкультуры Александр Тимофеевич Звоновский.

Три тренера на 150 ребят — это не так уж много, но со своей ответственной работой они справляются вполне успешно, и если новички тренируются три раза в неделю, то выпускники клуба — на четвертом году занятий — пять раз. Их лозунг: от «золотых» колес до олимпийских медалей. И вот один из питомцев клуба, Валерий Мовчан, стал чемпионом XXII Олимпийских игр и чемпионом мира 1982 года.

За десять лет клуб «Золотые колеса» подготовил 12 мастеров спорта, 30 кандидатов в мастера и 811 разрядников. Эти впечатляющие цифры назвал нам главный шеф клуба — председатель спортивного коллектива велозавода Валерий Данилович Хохлов, а упомянув о знаменитом гонщике Мовчане, добавил:

— Но наш клуб тем и силен, что он предоставляет равные возможности всем своим членам. «Каждый может повторить успех Валерия Мовчана,— говорим мы ребятам,— только старайтесь, трудитесь, учитесь уважать свою машину, созданную руками ваших отцов и старших братьев, перенимайте опыт лучших, и успех вам обеспечен».

И члены велоклуба «Золотые колеса» живут по этому спортивному уставу.

В. ЯКОВЛЕВ

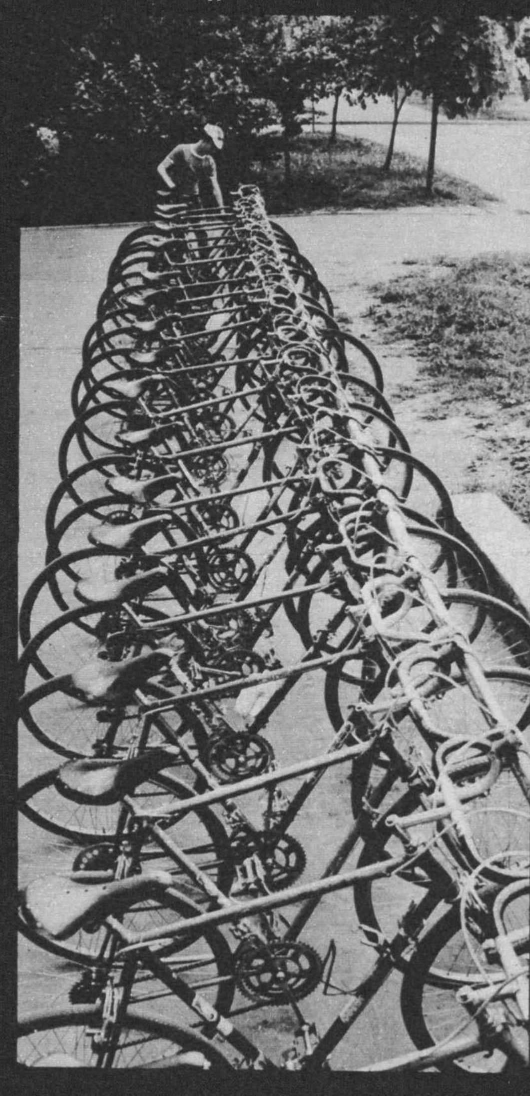

Детсад «Ромашка». Первые старты.

Проводит занятия Анатолий Хмеленко (справа).

Велосипеды на отдыхе.

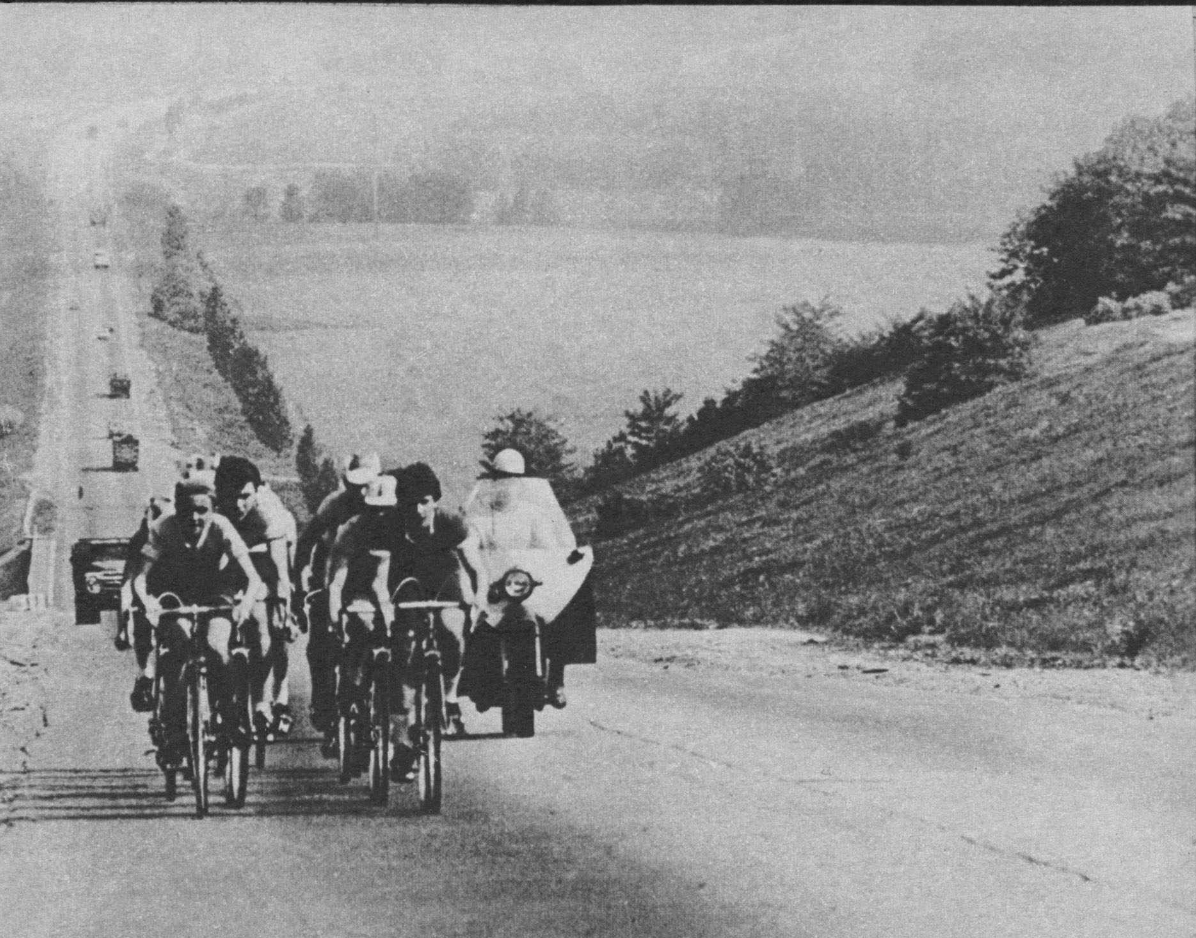

Тренировка.

Юра Волков и Слава Бутов имеют 1-й разряд по велоспорту.

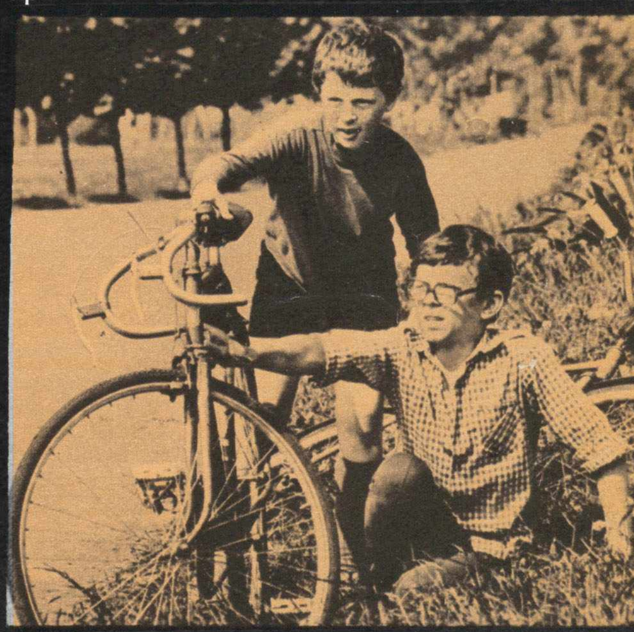

Перед стартом.

Спортсмены клуба «Золотые колеса» перед тренировкой на треке.

Прокол.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

